

ОХРАНА И
ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ
КУЛЬТУРНОГО
НАСЛЕДИЯ:
МИРОВОЙ И
ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ
ОПЫТ

ВИТЕБСК 2021

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования «Витебский государственный
университет имени П.М. Машерова»

ОХРАНА И ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ: МИРОВОЙ И ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ ОПЫТ

*Материалы международной
научно-практической конференции*

Витебск, 22–23 октября 2021 г.

*Витебск
ВГУ имени П.М. Машерова
2021*

УДК [069:351.853+341.16:00](062)
ББК 71.041я431+79.00я431
О-92

Печатается по решению научно-методического совета учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова». Протокол № 7 от 29.06.2021.

Редакционная коллегия:

А.Н. Дулов (отв. ред.), **Д.В. Юрчак** (зам. отв. ред.),
Е.В. Мацулевич (отв. секретарь), **О.И. Вовк**, **А.П. Косов**, **Т.В. Котович**,
А.В. Мартынюк, **П.Н. Подгурский**, **А.В. Предеина**, **М.Ф. Румянцева**

Рецензенты:

заведующий кафедрой гражданского права и процесса
Гродненского государственного университета имени Янки Купалы,
доктор юридических наук, профессор *И.Э. Мартыненко* (Беларусь);
профессор кафедры гуманитарных наук и дизайна филиала
Российского государственного университета имени А.Н. Косыгина
(Технологии. Дизайн. Искусство) в г. Твери, доктор культурологии,
кандидат исторических наук, доцент *В.М. Воробьев* (Российская Федерация);
директор Центра краеведения имени академика П.Т. Тронько, профессор кафедры
историографии, источниковедения и археологии Харьковского национального
университета имени В.Н. Каразина, кандидат исторических наук,
профессор *С.М. Куделко* (Украина)

О-92 Охрана и популяризация культурного наследия: мировой и отечественный опыт : материалы международной научно-практической конференции, Витебск, 22–23 октября 2021 г. / Витеб. гос. ун-т ; редкол.: А.Н. Дулов (отв. ред.) [и др.]. – Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2021. – 220 с.

ISBN 978-985-517-819-5.

Рассмотрен широкий круг проблем охраны культурного наследия Беларуси и зарубежья, затронуты вопросы сохранения и популяризации отдельных видов культурного наследия в современном мире.

Данное научное издание может быть полезно историкам, архивистам, музеоведам, юристам, специалистам в сфере охраны культурного наследия, а также всем, кто интересуется вопросами сохранения и популяризации культурного наследия.

УДК [069:351.853+341.16:00](062)
ББК 71.041я431+79.00я431

ISBN 978-985-517-819-5

© ВГУ имени П.М. Машерова, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Абрашкевичус Г. А. Музейные методы актуализации нематериального культурного наследия	6
Бараноўскі А. В. Культурныя каштоўнасці Сенненскага раёна, якія могуць быць узяты пад ахову дзяржавы	11
Бахлова О. В., Бахлов И. В. Интеграционные инструменты в сфере культуры в рамках Союзного государства Беларуси и России	14
Боголюбов А. А. Популяризация культурного наследия на примере истории материалов музея МБОУ СОШ № 1 г. Пятигорска и их использование в образовательных целях	18
Бондарева Е. М. Личные документы преподавателей ВГУ имени П. М. Машерова, хранящиеся в Государственном архиве Витебской области	21
Булаты П. Ю. Праблема захавання гістарычных некропалей у гарадской прасторы (прыклад горада Ляхавічы)	24
Бухал Е. Н. Музеефикация «неудобного наследия»	28
Васільеў В. М. Навуковыя рэканструкцыі ўзбраення: актуальнасць і перспектывы выкарыстання	33
Вовк О. И. Мемориальные доски в социокультурном пространстве Харькова: эволюция знаков коммеморации в столетней панораме	37
Выпрямжкин А. В. Сабли кавалерийские образца 1817 года из коллекции Национального исторического музея Республики Беларусь	41
Дашкевіч А. Л. Удзел грамадскіх фарміраванняў у ахове гісторыка-культурнай спадчыны ў Рэспубліцы Беларусь: асобныя аспекты развіцця канстытуцыйна-прававога рэгулявання	44
Дубатоўка М. А. Каштоўнасці Мінскага архіерэйскага дома ў 1812 годзе	48
Зімніцкі А. А. Праблемы і перспектывы даследавання збору зацэрагальнага ўзбраення XVI–XVII стст. у калекцыі «Вайсковае абмундзіраванне і рыштунак» Нацыянальнага гістарычнага музея Рэспублікі Беларусь	55
Кляповская А. А. Общие традиции костюма свахи на белорусско-украинском Полесье	60
Колесникова М. Е. Охрана историко-культурного наследия Северного Кавказа во второй половине XIX – начале XX в.: опыт Ставропольского губернского статистического комитета	67
Каралёў П. А. Пачатак правядзення сістэматычнай палітыкі ў галіне аховы помнікаў архітэктуры Беларусі (1825–1869 гг.)	72

Корсак А. И. Проблема выявления первичных мест захоронения жертв нацистского оккупационного режима (по материалам ЧГК) ..	78
Котович Т. В. Музей истории Витебского народного художественного училища: Малевич и популяризация	82
Коц А. Л. Специфіка апрацоўкі археалагічных знаходак з раскопак на помніках архітэктурны старажытнарускага перыяду (на прыкладзе даследаванняў Спаса-Праабражэнскага храма ў Полацку)	91
Кусовская А. В. Формирование культуротворческой среды в социально-культурной инфраструктуре учреждения высшего образования	97
Лицкевич О. В. Древнейшие участки белорусско-латвийской границы как историко-культурная ценность (к постановке проблемы) ..	102
Лю Цзин. Стилистика шинуазри в европейском садово-парковом искусстве	108
Малишевский Н. Н. Архив Коложской церкви в Гродно	111
Мирзаев Дж. З. Проблемы сохранения историко-культурного наследия: локальный опыт	117
Новікаў С. Я. Міжнародны патэнцыял гісторыка-культурнай спадчыны мемарыяльнага комплексу «Трасцянец»	122
Олейник В. В. Польские legionеры на Бобруйшчыне в 1918 и 1919–1920 годах	130
Панов С. В. Национальное культурное наследие в школьном историческом образовании Республики Беларусь: факторы трансляции современному поколению обучающихся	134
Папроцкая А. Ю. Стратегии развития музея XXI века как социокультурного феномена	140
Пераверзева Ю. А. Бібліятэчны фонд як форма інтэграцыі дакументаў у грамадства: асаблівасці фарміравання ў сучаснай інфармацыйнай прасторы	144
Півавара М. В. Новыя помнікі архітэктурны ў Віцебскім раёне	149
Раемский Ю. А. Ставка Верховного главнокомандующего в Могилеве (1915–1917 гг.): перспективы изучения военного наследия и его туристический потенциал	150
Румянцева М. Ф. Две стратегии освоения культурного наследия	155
Сафронов П. М. Особенности празднования Дня Святой Троицы старообрядческой общины в Видзах в XIX–XXI вв.	160
Середа Н. В. Документы личного происхождения тверских купцов как культурное наследие	164
Сівахін Г. А., Сямашка К. У. Гісторыка-культурная спадчына і работа па ўвекавечанні памяці пра загінулых як форма не-/музейнага віду дзейнасці	169

Силина А. В. К вопросу об охране памятников старины и искусства в Витебской губернии в 1918 г.	175
Слабченко Л. В. Краеведческие проекты муниципальных библиотек Пскова в поддержку развития туризма в регионе	180
Смолик А. И. Конвенции ЮНЕСКО как основа внутригосударственных законодательных актов Республики Беларусь в области сохранения нематериального культурного наследия	185
Соловей А. П. Вторая «волна» феминизации белорусской академической науки: по материалам архивных источников	190
Твердохлебова Ю. Б. Восполнение национального репертуара периодических изданий: сотрудничество Национальной библиотеки Беларуси с учреждениями г. Витебска	194
Шарковская Н. Ю. Коллекция негативов личного архива Л. В. Алексеева в собрании УК «ВОКМ»	198
Юрчак Д. В. Содержание понятия «культурное наследие» в законодательстве Республики Беларусь	203
Юхновец Т. С. Медиапродукт как эффективный инструмент продвижения коллекций редких и ценных документов в научной библиотеке	209
Юхновец Т. С., Макаревич Д. В. Проектирование как обязательный технологический процесс создания базы данных в научной библиотеке (на примере государственного учреждения «Республиканская научная медицинская библиотека»)	212
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	217

Абрашкевичус Г. А.
МУЗЕЙНЫЕ МЕТОДЫ АКТУАЛИЗАЦИИ НЕМАТЕРИАЛЬНОГО
КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Ключевые слова: актуализация культурного наследия, нематериальное культурное наследие, методика музеефикации объектов нематериального культурного наследия.

Понимание культуры как совокупности ценностей предопределяет важность сохранения всего комплекса культурного наследия в неизменном виде, как памяти культуры на основе межпоколенной преемственности. Одной из культурных форм, выработанных человечеством для сохранения и трансляции культурного наследия, является музей. Музей, как научный, просветительский и социокультурный институт, отвечающий на запросы повседневности, может взять на себя задачу музеефикации нематериального культурного наследия, способствовать, сохранению, интерпретации и трансляции информации будущим поколениям. Поэтому проблема выработки методов актуализации нематериального культурного наследия также становится одной из актуальных задач музейной деятельности.

Инновации, наблюдаемые в экспозиционно-выставочной деятельности, активно влияют на повышение популярности музеев в обществе. Национальный проект «Культура», «Концепция развития музейного дела в Российской Федерации на период до 2030 года», «Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года» определяют базовые принципы работы музеев с культурным наследием – «совокупностью предметов, явлений и произведений, имеющих историческую и культурную ценность» [7].

Экспозиции отечественных музеев, в данном аспекте рассматриваются как пространство для масштабных социокультурных проектов по сохранению и актуализации духовно-нравственных ценностей российского общества, этнической культуры. Помимо традиционных предметов музейных собраний, к объектам экспозиционного показа сегодня относят и объекты НКН – «языки и диалекты, традиции, обычаи и верования, фольклор, традиционные уклады жизни и представления об устройстве мира народов, народностей, этнических групп, русская литература и литература народов России» [7].

В мировой практике изучение конкретных форм и методов сохранения нематериального культурного наследия (далее НКН), опре-

деление институций, принимающих в этом процессе участие, началось с конца XX века, когда ЮНЕСКО предприняло шаги по введению международной охраны традиционной культуры и фольклора (Конвенция 1972г.). Ключевая роль музеев в сохранении и передаче нематериального наследия, круг проблем музеефикации объектов НКН были определены в первые десятилетия XXI века. Как понятие НКН стало использоваться в отечественной науке в ходе интерпретации основных положений Конвенции ЮНЕСКО 2003 года «Об охране нематериального культурного наследия» [4].

В центре внимания отечественного научного сообщества вопросы по изучению феномена нематериальной культуры, теоретические исследования НКН как самостоятельного явления культуры, ценностное отношение к нему, определение значения для процессов преемственности. В настоящее время продолжаются исследования музейных объектов НКН, обобщается опыт описания результатов фиксации, включения в музейное собрание. Проблемам музеефикации, как способу актуализации НКН, потенциалу и роли музея в его сохранении и презентации посвящены работы П.В. Абрамовой, М.Е. Каулен, Л.А. Климова, Т.С. Курьяновой, Т.П. Полякова и др.

М.Е. Каулен феномен нематериального наследия рассмотрела в применении к музейной практике, ввела понятие «музейный объект нематериального наследия» и считает, что «в этой связи музееведение вынуждено пересматривать и корректировать свои базовые понятия, такие как музейный предмет и музейное собрание» [3, с. 85]. Т.С. Курьянова отмечает, что благодаря развитию новых музейных направлений, возникает комплексный подход к сохранению нематериального наследия в музее. Он «осуществляется посредством музеефикации отдельных элементов культуры народа, транслируется на основании методов музейной педагогики и актуализируется путем культурного туризма» [2, с. 57]. Рассматривая методологическую модель сохранения и презентации НКН, П.В. Абрамова отмечает чрезвычайно широкий спектр явлений социально-политической, историко-культурной, финансово-экономической и правовой составляющих, которые трудно охватить в рамках только одной модели. Наибольшими возможностями в области актуализации и презентации НКН, по её мнению, обладают музеи под открытым небом. П.В. Абрамовой разработана методика музеефикации объектов нематериального культурного наследия [1, с. 48–62]. Л.А. Климов [5] считает, что сохранение НКН в музее не является сохранением в чистом виде, поскольку в музее создается и передается модель того или иного нематериального явления. Музей выступает в этом контексте как сложный кодирую-

щий механизм, осуществляющий отбор явлений культуры, их изучение и передачу.

Общие проблемы соотношения зрелищности и познавательности в музейной интерпретации НКН осмысливаются посредством эффективных музейных практик опредмечивания нематериальных явлений и процессов. Это подразумевает предметное комплектование будущих экспозиций и выставок, посвященных проблемам сохранения языка, традиций, обычаев, укладов, фольклора. Т.П. Поляков, анализирует музейную экспозицию как модель пространственных форм репрезентации культуры, делает акцент на том, что «любое нематериальное, духовное наследие так или иначе связано с предметными символами – бытового, профессионального или сакрального плана» [6]. Характер такой взаимосвязи определяет критерии ценностной характеристики НКН: историко-хронологические, сакральные, эстетические и мемориальные. Общественное признание объектов НКН, с точки зрения уникальности, научной и информативной ценности, позволяет отнести их к культурному наследию, определить риски утраты в среде бытования, изучить потребность сохранения и последующей музеефикации.

Музеефикация НКН, как способ актуализации культурного наследия, заключается в фиксации и преобразовании наследия в объекты показа в музейном пространстве. Решение этой задачи вызывает в музейной практике ряд сложностей, связанных со спецификой отсутствия материальной формы выражения у объектов НКН. Несмотря на сложности, НКН в системе музейной практики имеет ряд продуктивных способов сохранения и презентации. К ним можно отнести выявление объектов НКН музейного значения в среде бытования; фиксацию данных об объекте на различных носителях информации. При комплектовании музейных фондов важным становится учёт овециствованных компонентов нематериальных объектов, который требует дополнительного описания взаимосвязи друг с другом. В случае утраты объекта НКН в среде бытования, музеи могут использовать метод реконструкции, с опорой на источники архивов, материалы полевых этнографических исследований, дневники этнографов и коллекционные описи музейных предметов, связанные с НКН. Процесс документирования становится первой стадией музейного моделирования и определенной ценностной системой координат для объектов НКН. По мнению Гнедовского М.Б., «всякое собрание предметов, изъятых из среды бытования, возникает как собрание осмысленное».

Дальнейшая интерпретация текста музейного предмета, раскрытие его семантического поля, посредством выявления связи с нематериальным объектом, позволяет особым образом группировать и использовать музейные объекты в экспозиционно-выставочном про-

странстве. Через множественные интерпретации в пространстве музейные предметы во взаимодействии способны раскрыть свой знаковый потенциал, стать оригинальными текстами, обретая музейную ценность. «Музейный язык» как вторичная семиотическая моделирующая система, семиотический подход дают возможность рассматривать объекты НКН через заложенное в них символическое содержание. Зритель, приходящий в музей, благодаря врожденной способности к символизации, готов к толкованию культуры и восприятию культурных норм, что позволяет ему вступить в диалог объектами НКН при помощи музейных средств.

Музеефицированные объекты НКН в рамках деятельности музея связаны с разнообразными коммуникационными практиками. Создание источника информации, текста объекта нематериального мира потребует репрезентации и ревитализации форм проявления наследия. С целью стимулирования интереса музейной аудитории к познанию нематериального мира, обретения культурной идентичности, «неклассический» язык репрезентации объектов НКН должен быть максимально достоверным и эмоциональным. По мнению М.Е. Каулен, полноту репрезентации наследия в музее отражает полнота погружения посетителя в данный процесс.

Практика показывает, что музеи выбирают разные пути моделирования действительности. Реконструкция смыслового пространства, культурного и информационного поля, в которых ранее бытовали конкретные объекты, передача модели того или иного нематериального явления реализуется в ходе создания коллекций, организации экспозиций, проведения выставок. Изъятие части из целого может сделать эти части бессмысленными, поэтому передача музейного сообщения об аутентичной системе бытования объекта НКН должна способствовать раскрытию отношения у посетителя к информационному потенциалу музейного предмета и коммуникативным возможностям в экспозиции. В ходе контакта с музейной аудиторией, воссозданная таким образом искусственная культурно-историческая среда, формирует чувство сопричастности с историческим событием, связанным с культурной памятью. Музейный предмет как звено музейной коммуникации связывает с культурой и духовным опытом народа, с людьми – хранителями традиций и культурных ценностей, которые стоят за этими предметами. Из чего следует, что музеефикация объектов НКН, включает сохранение целостности как самого объекта, так и элементов природной и аутентичной культурной среды обитания человека.

В современной музейной практике разработки методов актуализации НКН остается много нерешённых проблем. К ним можно отнести методики мониторинга, учёта и сохранности объектов НКН в среде оби-

тания. Требуется инициатива в разработке программ и проектов на получение музеями грантов по охране НКН. В ходе музеефикации востребовано создание универсальных методик атрибуции, каталогов объектов НКН, их популяризация в виртуальном пространстве. В музейной деятельности одной из главных, по-прежнему, остаётся разработка законодательства, нормативных документов Российской Федерации по охране НКН. И если практика сохранения материальных предметов, методика преобразования их в объекты показа в музейном пространстве отработаны веками, то в практику музеефикации НКН музеи вносят корректировку самостоятельно, учитывая международный опыт.

На этом делает акцент Конвенция ЮНЕСКО [4], посвященная вопросам мониторинга, учёта, актуализации НКН. Она измеряет ценность объектов культурного наследия, прежде всего по социальным критериям «в качестве горнила культурного разнообразия и гарантии устойчивого развития» [4]. Анализ практики международно-правового режима охраны НКН показывает защиту не только традиционной культуры, но и проявлений знаний об окружающем мире. На первый план в решении вопросов качества сохранения НКН выходят не интересы государства, а его ответственность за защиту интересов этнических групп, сохранение духовного опыта народов – создателей традиций и культурных ценностей.

Выводы. Коммуникативные возможности музея как специфического языка культуры, популяризация информации по музеефицированным объектам НКН, интерактивность посетителей способны формировать общественное сознание граждан по сохранению национального достояния, ценностей традиционной народной культуры. Отечественные музейные практики способствуют интеграции материального и нематериального культурного наследия, их интерпретации. Сконструированные музейные образы объектов наследия, передача моделей нематериальных явлений через впечатления музейной аудитории помогут избежать забвения культурного опыта предков, укрепят связь между поколениями и солидарность российского общества.

1. Абрамова, П. В. Методика сохранения и актуализации объектов культурного наследия : учебное пособие для вузов / П. В. Абрамова. – Москва: 2-е изд. Издательство Юрайт, 2021. – 111 с.
2. Курьянова, Т. С. Музей и нематериальное культурное наследие / Т. С. Курьянова // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. – 2012. – № 1 (5). – С. 55–57.
3. Каулен, М. Е. Объекты нематериального культурного наследия как часть музейного собрания / М. Е. Каулен // Археография музейного дела. Материалы Международной научной конференции. – М., 2012. – С. 82–85.
4. Конвенция ЮНЕСКО об охране нематериального культурного наследия [Электронный ресурс] // UNESCO. – Режим доступа: URL: <https://ich.unesco.org/doc>

- /src/2003_Convention_Basic_Texts_2018_version-RU.pdf. – Дата доступа: 18.07.2021. – Дата доступа: 17.10.2021.
5. Климов, Л. А. Нематериальное наследие и музей / Л. А. Климов // Музей. – 2013. – № 7. – С. 10–12.
 6. Поляков, Т. П. Музейная экспозиция: методы и технологии актуализации культурного наследия / Т. П. Поляков. – М., 2018. – С. 15–20.
 7. Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года: утв. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 февраля 2016 г. №326-р; ред. от 30 марта 2018г. // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации АО «Кодекс». – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru /document/420340006>. – Дата доступа: 17.06.2021.

Бараноўскі А. В.
КУЛЬТУРНЫЯ КАШТОЎНАСЦІ СЕННЕНСКАГА РАЁНА,
ЯКІЯ МОГУЦЬ БЫЦЬ УЗЯТЫ ПАД АХОВУ ДЗЯРЖАВЫ

Ключавыя словы: культурная каштоўнасць, Сенненскі раён, ахова культурнай спадчыны

Сёння ў Дзяржаўны спіс гісторыка-культурных каштоўнасцей Рэспублікі Беларусь унесены 21 аб’ект, які знаходзіцца на тэрыторыі Сенненскага раёна. У асноўным гэта курганныя могілнікі і брацкія магілы. Архітэктура ў Дзяржаўным спісе прадстаўлена наступнымі аб’ектамі: будынак былой земскай управы і пажарнай часці ў г. Сянно, комплекс былой сядзібы Беліца ў аг. Полымя, комплекс будынкаў былой паштовай станцыі ў в. Паграбёнка. Дадзены спіс з’яўляецца, на наш погляд, няпоўным, паколькі ў рэгіёне яшчэ ёсць шэраг культурных каштоўнасцей, якія павінны быць узяты пад ахову дзяржавы. Так, самым старажытным мураваным будынкам у г. Сянно з’яўляецца жылы корпус францысканскага кляштара і ён не ўнесены ў вышэйзгаданы спіс. На дарозе Віцебск–Ходцы, каля в. Задарожжа знаходзіцца сядзібны дом Бабічаў – адзіны сядзібным домам на тэрыторыі раёна, які захаваўся да нашых дзён. Яўрэйскія могілкі ў г. Сянно і ў в. Казлоўка таксама могуць быць узяты пад ахову дзяржавы.

Жылы корпус францысканскага кляштара ў г. Сянно з’яўляецца самым старажытным мураваным будынкам у горадзе, знаходзіцца каля касцёла Святой Тройцы. Пабудаваны ў 1809 г. Стваральнік невядомы. На цяперашні момант будынак выкарыстоўваецца як мясной цэх і знаходзіцца ў добрым стане. Тэхнічная дакументацыя адсутнічае.

Францысканскі кляштар быў заснаваны ў 1772 г. Манахі спачатку жылі ў драўляным будынку, а потым, у 1809 г. быў пабудаваны цагляны кляштар. У самым пачатку дзейнасці францысканцаў канвент кляштара складаўся з 16 чалавек: дзесяці святароў, чатырох клірыкаў,

двух братоў (без пасведчання). Манахі адкрылі першую ў Сянно школу, у якой навучаліся толькі хлопчыкі. Пасля Кастрычніцкай рэвалюцыі кляштар выкарыстоўваўся ў якасці казармы часцей асобага прызначэння па барацьбе з бандытызмам. Потым у ім размяшчаўся Дом селяніна, ваенны камісарыят. У гады Вялікай Айчыннай вайны будынак былога корпуса францусканскага кляштара быў часткова разбураны. Пасля аднаўлення ён выкарыстоўваўся як склад райспажыўсаюза, а затым – каўбасны цэх [1, с. 79–82].

Сучасны выгляд будынка значна адрозніваецца ад свайго першапачатковага выгляду: частка аконных і дзвярных праёмаў закладзена, адсутнічае драўляная галерэя, да будынка прыбудаваны цагляныя дапаможныя памяшканні. Жылы корпус францусканскага кляштара магчыма аднавіць у першапачатковым выглядзе.

Сядзібны дом Бабічаў у в. Рамшына Машканскага сельскага савета. З’яўляецца адзіным сядзібным домам на тэрыторыі раёна, які захаваўся да нашых дзён. Знаходзіцца на дарозе Віцебск – Ходцы, каля в. Задарожжа. Пабудаваны ў пачатку XX ст. уладальнікамі маёнтка Бабічамі. На цяперашні момант будынак знаходзіцца ў добрым стане і выкарыстоўваецца як падворак Маркава мужчынскага манастыра ў гонар Святой Троіцы. Тэхнічная дакументацыя адсутнічае.

У мінулым в. Рамшына была падзелена на два паселішчы: Вялікае Рамшына і Малое Рамшына. У апошнім знаходзіўся радавы маёнтak Бабічаў – Насекіна. У 1882 г. ён перайшоў у спадчыну да Віктара Ігнатавіча Бабіча, які ажаніўся з Марфай Іванаўнай. У сям’і было двое дзяцей – сын Анатоль і дачка Вольга.

У пачатку XX ст. Бабічы пабудавалі сядзібны дом з цэглы ў класічным стылі. Панскі дом мае выразныя раздзяленні на чатыры часткі. Фасад упрыгожаны плоскімі калонамі-піястрамі і дэйтэкуламі (паддахам). Ганак багата аздоблены калонамі з каменнымі ўпрыгожваннямі і фігурнымі карнізамі, над якімі ўзвышаецца атык у выглядзе мезаніна з шырокім балконам.

У цяперашні час балкон замураваны цэглай. Чатыры часткі фасада праразаюць восем акон прамавугольнага тыпу з фігурнымі карнізамі. Першапачаткова з тыльнага боку будынак меў драўляную галерэю і яшчэ адзін балкон. Недалёка ад будынка знаходзіўся жывапісны пруд, які зараз амаль знішчаны, і меўся сад.

Аб унутраным інтэр’еры дома гаварыць зараз нельга. Вядома толькі, што быў драўляны стол (сталешніца) і стул, якія зараз знаходзяцца ў Сенненскім гісторыка-краязнаўчым музеі.

Пасля Кастрычніцкай рэвалюцыі маёнтak быў нацыяналізаваны. У 1928 г. Бабічаў раскулачылі і саслалі ў Сібір. Падчас Вялікай Айчыннай вайны ў сядзібным доме немцы абсталявалі шпіталь для паране-

ных салдат. Пасля вызвалення Сенненшчыны ад фашысцкіх захопнікаў у будынку знаходзілася школа. Прычым пачатковая школа працавала амаль да канца XX ст [2].

Сянно ў пачатку XX ст. з'яўлялася тыповым яўрэйскім паселішчам. На скрыжаванні вуліц Віцебскай, Мічурына, Чырвонаармейскай у г. Сянно знаходзіцца месца старажытных яўрэйскіх могілак. Да нашага часу тут захаваліся надмагільныя помнікі-камяні, валуны з надпісамі на іўрыце [1, с. 34–35]. Восенню 1941 г. у наваколлі немцы ўтварылі яўрэйскае гета. 31 снежня 1941 г. вязні гета былі расстраляныя немцамі на іншых старажытных яўрэйскіх могілках каля в. Казлоўка Нямоўтаўскага сельскага савета. Там таксама да нашага часу захаваліся надмагільныя помнікі-камяні з надпісамі на іўрыце. На месцы расстрэлу ўсталяваны помнік [1, с. 51]. Як яўрэйскія могілкі ў г. Сянно так і ў в. Казлоўка, на наш погляд, павінны быць узяты пад ахову дзяржавы.

У дадзенай публікацыі прыведзены не ўсе культурныя каштоўнасці раёна якія павінны быць узяты пад ахову дзяржавы. Так у 2014 г. быў апублікаваны артыкул кандыдата гістарычных навук, дацэнта М.В. Півавара «Гісторыка-культурныя каштоўнасці і помнікі прыроды, выяўленыя ў час правядзення гісторыка-краязнаўчай практыкі студэнтаў гістарычнага факультэта ў 2013 г.», у якім шла гаворка пра неабходнасць надання статусу гісторыка-культурнай каштоўнасці Успенскай царкве ў в. Обаль Машканскага сельскага савета і статусу помніка прыроды дубу-волату каля в. Александрова Багушэўскага сельскага савета [3].

Такім чынам, на Сенненшчыне хапае культурных каштоўнасцей, якія павінны могуць быць узяты пад ахову дзяржавы. Але ў першую чару варта звярнуць увагу на тыя помнікі архітэктуры, якія «дажылі» да нашага часу і якія могуць без адпаведнага нагляду згубіць сваю аўтэнтнасць і знікнуць.

1. Бандарэвіч В.В. Экскурсія да вытокаў г. Сянно: краязнаўчы маршрут па раённым цэнтрах Віцебскай вобласці / распрац. В. В. Бандарэвіча. – Віцебск, 2000. – 216 с.
2. Вёска Рамшына. Сядзібны дом Бабічаў / падрыхт. А. Лазюк // Голас Сенненшчыны. – 2018. – 28 крас. – С. 4.
3. Півавара, М.В. Гісторыка-культурныя каштоўнасці і помнікі прыроды, выяўленыя ў час правядзення гісторыка-краязнаўчай практыкі студэнтаў гістарычнага факультэта ў 2013 г. / М. В. Півавара // Наука – образованию, производству, экономике: материалы XIX (66) Регион. науч.-практ. конференции преподавателей, науч. сотрудников и аспирантов, Витебск, 13–14 марта 2014 г.: в 2 т. – Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2014. – Т. 1. – С. 348–350.

Бахлова О. В., Бахлов И. В.
ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ
В РАМКАХ СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА БЕЛАРУСИ И РОССИИ¹

Ключевые слова: культура, интеграционные инструменты, Беларусь, Россия, Союзное государство.

В теории интеграции нематериальным рычагам интегрирования – символам, ценностям и пр. – придается не меньшее значение, чем утилитарным. Сходство социокультурных параметров облегчает достижение согласия, нахождение «общего языка», позволяя лучше представить образ мыслей партнера по интеграции, восприятие им картины мира. Духовные скрепы и культурные связи могут скорректировать изъяны политических коммуникаций и поддерживать единство народов даже при неблагоприятной конъюнктуре. Если основываться на реалистической парадигме, тесное взаимодействие в сфере культуры допустимо интерпретировать в русле противостояния внешним вызовам и угрозам, среди которых – не только военные и иные силовые конфронтационные проявления. В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации подчеркивается, что происходящие в современном мире изменения затрагивают не только межгосударственные отношения, но и общечеловеческие ценности [13]. В Концепции национальной безопасности Республики Беларусь к числу основных угроз относятся «утрата значительной частью граждан традиционных нравственных ценностей и ориентиров, попытки разрушения национальных духовно-нравственных традиций и необъективного пересмотра истории, затрагивающие данные ценности и традиции» [7].

Союзное государство Беларуси и России (СГБР) – наглядное подтверждение важности интеграционных инструментов в сфере культуры. В его рамках осуществляются проекты и мероприятия, способствующие укреплению дружбы и взаимопонимания наших стран и народов. Госсекретарь Союзного государства Д. Ф. Мезенцев замечает: «Мы хотим, чтобы дискуссия о том, какие мы сегодня и какая культура нам нужна – тоже была толчком к обсуждению того, как мы живем, какие мы, насколько мы едины, близки» [4].

В ситуации информационного противоборства, «гибридных войн», санкционной политики повышенную актуальность имеет информационное сопровождение процесса интеграции. Насущны формирование и продвижение бренда Союзного государства, его позитивного восприя-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31086 «Вызовы и возможности для Союзного государства Беларуси и России: внутреннее и внешнее измерения»

тия как интеграционного объединения – как на пространстве Содружества Независимых Государств, так и за его пределами. Одной из главнейших в нем может быть культурная составляющая, предполагающая позиционирование СГБР в том числе в качестве площадки взаимообогащающего диалога. Она не отменяет прагматичных стремлений и потребности создания прочного материального фундамента Союзного государства, но и не должна пониматься как второстепенная или само собой разумеющаяся и нуждается в постоянных стимулах и подтверждении востребованности на разных уровнях.

В освещении содержания и динамики культурного сотрудничества в формате СГБР и его реализации существенную роль играют Постоянный Комитет Союзного государства и Парламентское Собрание Союза Беларуси и России (прежде всего Комиссия по социальной и молодежной политике, науке, культуре и гуманитарным вопросам). На сайте Постоянного Комитета в разделе «Белорусско-российское сотрудничество» есть рубрика «Культура и общество» (<https://www.postkomsg.com/culture/>). Российские и белорусские парламентарии обращаются к проблематике совершенствования культурно-гуманитарного измерения союзного строительства. Положительным моментом признаем привлечение к обсуждению вероятных путей и конкретных решений в данной области представителей экспертного и научного сообществ. Так, по итогам 60-го заседания постоянно действующего семинара при Парламентском Собрании по вопросам строительства Союзного государства на тему «Актуальные вопросы сотрудничества России и Беларуси в области культурной и социальной политики двух стран» были предложены рекомендации по сохранению и развитию общего культурного пространства Республики Беларусь и Российской Федерации, разработке концепции историко-культурного стандарта Союзного государства, сближению законодательства в области культурной и социальной политики [15].

Чрезвычайно важны союзные проекты историко-культурного характера. Отрадна причастность к ним молодежи. Первый заместитель Председателя Парламентского Собрания, Председатель Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь В. П. Андрейченко артикулирует значимость ее воспитания в духе патриотизма, искреннего уважения к славным страницам нашей истории и ценностям, которые нас объединяют [8].

Яркое свидетельство – Международный историко-культурологический проект «Цифровая звезда», инициированный Молодежной палатой при Парламентском Собрании. По состоянию на август 2021 г. оцифровано 1104 памятника на территории России и Беларуси [4]. Парламентарии акцентируют необходимость союзных проектов по сохранению памяти о подвиге советского народа в борьбе

с фашизмом и недопущению попыток фальсификации истории, призывая Постоянный Комитет и заинтересованные ведомства России и Беларуси к активизации. В мае 2021 г. ими поддержана инициатива по разработке проекта Союзного государства «Музеефикация сооружений Государственного мемориального комплекса «Хатынь» [10]. Для 63-го заседания постоянно действующего семинара была заявлена тема «Историко-патриотический туризм как эффективное средство воспитания детей и молодежи Союзного государства» [12].

Особое место занимают союзные проекты «Капитальный ремонт, реставрация и музеефикация сооружений Брестской крепости в мемориальном комплексе «Брестская крепость-герой», «Создание скульптурной композиции для Ржевского мемориала советскому солдату в Тверской области». Планируется строительство памятника Воину-победителю в Курской области к 80-летию Курской битвы [11]. Продолжает намеченную линию издательская деятельность. В частности, в рамках проектов, приуроченных к 75-летию Победы в Великой Отечественной войне, выпущены фотоальбом «Раритеты военно-исторических музеев Беларуси и России», двухтомник «Ржевский мемориал», книга «Однополчане ржевского солдата» [1; 2].

Под эгидой СГБР проводятся культурные мероприятия, обретшие постоянный статус. Например, конкурс молодых литераторов Союзного государства «Мост дружбы». Присуждаются премии Союзного государства в области литературы и искусства. Ожидается расширение количества Дней Союзного государства в ходе Международного фестиваля искусств «Славянский базар в Витебске». Организуются мероприятия для детей, юношества и молодежи – фестивали «Творчество юных», «Молодежь – за Союзное государство» и др. Однако сохраняются сложности, вызванные пандемией COVID-19 [5].

Еще один актуальный аспект культурно-гуманитарного измерения союзного строительства – вовлечение регионов обеих стран, общественных объединений. Большой вклад в развитие данного вектора вносят приграничные регионы. В частности, смоленское отделение «Российского союза молодежи» выступило организатором фестивалей детей и молодежи «Навстречу звездам» и «В движении», историко-образовательного патриотического форума «Курган Дружбы» [6]. В октябре 2020 г. объявлено о создании нового союзного общественно-го движения – «Ржевская инициатива», среди его соорганизаторов – Республиканское общественное объединение «Белая Русь» [3].

Названные инициативы и мероприятия не исчерпывают обширный пласт, сформировавшийся в исследуемой плоскости. Весьма плодотворно выстраивается российско-белорусское сотрудничество по реставрации памятников, выставочной деятельности и пр. Усиливается тенденция к институционализации. Продолжают совершенствоваться

инструменты, содействующие достижению интеграционных целей и задач в формате Союзного государства. Вместе с тем в повестке СГБР давно назрел вопрос о внедрении союзных программ в культурно-гуманитарное взаимодействие. Одним из исключений из сложившегося правила можно считать концепцию программы «Этнокультурный ландшафт белорусско-российского пограничья в начале XXI века», заказчики – Минобрнауки России и НАН Беларуси [9]. Не умаляя актуальности технических инноваций, полагаем, что в гуманитарном измерении союзного строительства должны более внятно учитываться масштабные риски, озвучиваемые и в официальных документах России и Беларуси. Внешнее деструктивное давление и внутриобщественные деформации настойчиво к этому побуждают. Понимание интеграционных инструментов в сфере культуры в контексте воспроизводства «простых форм активности» негативно сказывается на аксиологическом компоненте российско-белорусской интеграции. Соответственно, текущие сложности сопровождаются и принципиальными проблемами, не осознаваемыми пока в должной мере.

1. Александр Шундрик: мы стараемся удовлетворить все запросы на публикацию книг по теме союзного строительства [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://soyuz.by/realizaciya-soyuznyh-programm-i-proektov/aleksandr-shundrik-my-staraemsya-udovletvorit-vse-zaprosy-na-publikaciyu-knig-po-teme-soyuznogo-stroitelstva>. – Дата доступа: 10.08.2021.
2. В Минске презентовали спецпроект Союзного государства к 75-летию Победы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://soyuz.by/realizaciya-soyuznyh-programm-i-proektov/v-minske-prezentovali-specproekt-soyuznogo-gosudarstva-k-75-letiyu-pobedy>. – Дата доступа: 10.08.2021.
3. В Союзном государстве объявили о создании нового общественного движения «Ржевская инициатива» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://soyuz.by/realizaciya-soyuznyh-programm-i-proektov/v-soyuznom-gosudarstve-obyavili-o-sozdanii-novogo-obshchestvennogo-dvizheniya-rzhevskaya-iniciativa>. – Дата доступа: 10.08.2021.
4. Госсекретарь СГ: у нас огромный потенциал: российский, белорусский – давайте их объединять! [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://soyuz.by/tema-dnya/gossektetar-sg-u-nas-ogromnyy-potencial-rossiyskiy-ogromnyy-potencial-belorusskiy-davayte-ih-obedinyat>. – Дата доступа: 10.08.2021.
5. Депутаты обсудили вопросы реализации и создания проектов и программ Союзного государства в социальной сфере [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://belrus.ru/info/16190/>. – Дата доступа: 10.08.2021.
6. Евгений Захаренков: Ценности Союзного государства нужно прививать со школьной скамьи [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.postkomsg.com/culture/223392/>. – Дата доступа: 10.08.2021.
7. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь. Утв. Указом Президента Республики Беларусь от 09.11.2010 № 575 (ред. от 14.01.2014) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P31000575>. – Дата доступа: 10.08.2021.

8. Мы вместе отстаиваем историческую правду и единое культурное наследие [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://belrus.ru/info/my-vmeste-otstaivaem-istoricheskuyu-pravdu-i-edinoe-kulturnoe-nasledie/>. – Дата доступа: 10.08.2021.
9. От «хотелок» к инновациям: Алексей Кубрин рассказал о союзных программах. Часть 5 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://soyuz.by/realizaciya-soyuznyh-programm-i-proektov/ot-hotelok-k-innovacijam-aleksey-kubrin-rasskazal-o-soyuznyh-programmah-chast-5>. – Дата доступа: 10.08.2021.
10. Парламентарии поддержали инициативу по разработке нового проекта Союзного государства [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://belrus.ru/info/parlamentarii-podderzhali-iniciativu-po-razrabotke-novogo-proekta-soyuznogo-gosudarstva/>. – Дата доступа: 10.08.2021.
11. Союзное государство примет участие в строительстве памятника [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://soyuz.by/realizaciya-soyuznyh-programm-i-proektov/sg-vneset-svoyu-leptu-v-stroitelstvo-pamyatnika-voinu-pobeditelyu-v-kurske>. – Дата доступа: 10.08.2021.
12. Союзные парламентарии обсуждают развитие историко-патриотического туризма в Беларуси и России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://news.sb.by/articles/soyuznye-parlamentarii-obsuzhdayut-razvitie-istoriko-patrioticheskogo-turizma-v-belarusi-i-rossii.html>. – Дата доступа: 10.08.2021.
13. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. Утв. Указом Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/QZw6hSk5z9gWq0plD1ZzmR5cER0g5tZC.pdf>. – Дата доступа: 10.08.2021.
14. Цифровая звезда [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://izvezda.info>. – Дата доступа: 10.08.2021.
15. Эксперты выработали рекомендации по развитию сотрудничества в области культурной и социальной политики в Союзном государстве [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://belrus.ru/info/eksperty-vyrabotali-rekomendacii-po-razvitiyu-sotrudnichestva-v-oblasti-kulturnoj-i-socialnoj-politiki-v-soyuznom-gosudarstve/>. – Дата доступа: 10.08.2021.

Боголюбов А. А.

**ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ НА ПРИМЕРЕ
ИСТОРИИ МАТЕРИАЛОВ МУЗЕЯ МБОУ СОШ №1 Г. ПЯТИГОРСКА
И ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ЦЕЛЯХ**

Ключевые слова: культурное наследие, музей, школа, образование, Пятигорск.

Коллекции школьных музеев, с которыми автору статьи довелось работать, содержат интереснейшие материалы, не только касающиеся истории школы, но и города, в котором она находится. В этом автора статьи убедил опыт работы с материалами музея МБОУ СОШ № 1 города Пятигорска, созданном ещё в 1960-е годы педагогом школы З.А. Тер-Татевосянц. Будучи педагогом дополнительного образования, автор статьи имел доступ к материалам музея и даже предпринял попытку со-

здать их опись. Кроме того, материалы музея использовались автором для популяризации истории не только школы, но и города и даже всей страны среди учащихся школы. С этой целью автором проводились экскурсии по музею учащихся школы, а также уроки по образовательным программам, таким, например, как «Пятигорск в военной истории России», разработанных автором ещё в его бытность заведующим сектором истории культуры научного отдела Пятигорского краеведческого музея. Об опыте такого рода работы и пойдёт речь в данной статье.

Описание наиболее интересных материалов музея будет представлено без указания их конкретного местонахождения (номер тумбы, полки или стенда и т.д.). Это только отвлечёт внимание читателя.

Интересные материалы содержатся в документах о педагоге школы Марии Андреевне Аболиной. В коллекцию включены материалы о ней, включая документы, составленные до 1917 года. Кроме М.А. Аболиной, в музее МБОУ СОШ №1 содержатся материалы о таких заслуженных учителях школы как Александра Фёдоровна Карневич, Зинаида Семёновна Никитина Тамара Фёдоровна Литвиненко, Михаил Иванович Кузнецов, Ольга Аркадьевна Моденская, Зинаида Семёновна Никитина.

Несомненный интерес представляют фото и текстовые документы о дежурстве учащихся школы на посту №1 у Огня Вечной Славы в Пятигорске. Среди материалов находится фотография стоящего на посту А.П. Горбунова, ныне профессора, ректора Пятигорского Государственного Университета.

Заслуживает внимания и факт отражения в экспозиции музея сведений о школьном театре, фото различных постановок разных лет, осуществлённых всё той же З.А. Тер-Татевосянц.

Альбомы, хранящиеся в музее и рассказывающие о педагогах школы, представляют интерес те, что содержат материалы об учительнице химии Натальи Ивановны Ивановой-Дроздовой, сумевшей подготовить целый ряд учеников, ставших впоследствии крупными специалистами в области химии (см. например в первом томе Большой Российской Энциклопедии статью И.Л. Родионова об Аминокислотах).

Раскладной альбом посвящён выпускнику школы Генриху Авизеровичу Боровику, писателю, публицисту, драматургу, широко известному журналисту-международнику. Коллекция музея также содержит ряд его книг, подаренных Г.А. Боровиком его родной школе.

Оборотная сторона альбома посвящена сыну Г.А. Боровика, Артёму Боровику, также известному в нашей стране журналисту, основателю холдинга «Совершенно секретно», трагически погибшему в авиакатастрофе.

Значительная часть экспозиции посвящена другому знаменитому выпускнику школы – Сергею Владимировичу Михалкову. Эта часть экспозиции содержит не только многочисленные произведения этого

писателя и поэта, в своё время подаренные им родной школе, но и фотоматериалы о встрече С.В. Михалкова с учащимися школы. Коллекции музея, связанные с его именем, включают в себя даже набор ёлочных игрушек с атрибутами и персонажами поэмы о дяде Стёпе.

Рассказывая о литературных коллекциях музея, следует упомянуть помещённую на одном из стендов музея фотографию, рассказывающую о визите в школу в 1979 году знаменитого итальянского писателя Джанни Радари, автору широко известной поколения, выросшему в советский период, сказки о Чипполино. К сожалению, нынешнему поколению детей эта сказка мало известна.

Нынешнему поколению школьников мало известен и такой героический персонаж недавней советской истории как Виктор Петрович Савиных, фотография о посещении школы №1 которым также размещена в экспозиции музея. Этот человек летом 1985 года вместе с космонавтом В.А. Джанибековым совершил, без преувеличения, подвиг, «реанимировав» советскую орбитальную станцию «Салют-7». Оба эти космонавта стали прообразами персонажей современного российского блокбастера «Салют-7», рассказывающего о героическом подвиге двух советских космонавтов.

Среди книг, подаренных музею, кроме уже упоминавшихся произведений Г.А. Боровика и С.В. Михалкова заслуживает внимания и книга А.И. Солженицына, отец которого также учился в этой школе. Книга носит название «Из-под глыб» и была выпущена в Москве издательством «Русский путь» в 2013 году, к 95-й годовщине со дня рождения писателя. Книга содержит дарственную надпись для музея МБОУ СОШ №1 вдовы писателя Натальи Солженицыной, сделанную 26 марта 2014 года.

Нельзя не дать и краткого описания раздела музея, посвящённого Великой Отечественной войне. Помимо мемориальной доски и фотоматериалов о Киме Дмитриевиче Шатило, выпускнике школы, Герое Советского Союза, собрания музея содержат раскладной стенд «Наша школа низко кланяется всем, кто задержался на войне». На стенде помещены материалы обо всех выпускниках школы, не вернувшихся с войны. Именно материалы этого раздела школьного музея легли в основу урока по разработанной автором образовательной программе «Пятигорск в военной истории России». Урок был посвящён Великой Отечественной войне.

В заключение следует сказать и о материалах музея (раскладных стендах), посвящённых учителям, посвятившим всю свою жизнь школе, таких как А.М. Семёнова, Р.Г. Габриэлянц, А.М. Варлыгина, Р.А. Мартыненко.

Таким образом, материалы музея МБОУ СОШ №1 заслуживают самого пристального внимания не только тех, кто интересуется историей школы, но и профессиональных историков.

Бондарева Е. М.
ЛИЧНЫЕ ДОКУМЕНТЫ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ
ВГУ ИМЕНИ П. М. МАШЕРОВА, ХРАНЯЩИЕСЯ В ГОСУДАРСТВЕННОМ
АРХИВЕ ВИТЕБСКОЙ ОБЛАСТИ

Ключевые слова: личные документы, ВГУ имени П. М. Машерова, Государственный архив Витебской области, преподаватели, Витебск.

Основная часть документов, поступающих на постоянное хранение в учреждение «Государственный архив Витебской области» – это документы организаций, учреждений и предприятий. Помимо этого архив комплектуется документами личного происхождения, образовавшимися в процессе жизни и деятельности отдельного человека или семьи и имеющими историческое, научное, социальное, экономическое, политическое или культурное значение. Среди них в архивном учреждении хранится 12 личных фондов людей, чья трудовая биография связана с Витебским государственным педагогическим институтом имени С.М. Кирова (ныне – учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»).

Документы **Виноградова Виктора Никоновича** (родился 03.11.1933) – ректора Витебского государственного педагогического института имени С.М. Кирова (1978-1997 гг.), доктора педагогических наук, профессора образуют личный фонд № 982. В нем насчитывается 76 единиц хранения (ед. хр.) за 1948-1999, 2001-2003, 2005-2007, 2010, 2011 гг. Среди документов: диссертация на соискание ученой степени доктора педагогических наук, библиографический указатель работ, справка о научно-педагогической и общественной работе, грамоты, фотографии, книги из личной библиотеки [1, с. 544-545].

В личном фонде № 2291 **Голубева Владимира Александровича** (родился 26.09.1940) – астронома, председателя Витебского отделения Всесоюзного астрономо-геодезического общества, члена бюро юношеской секции Центрального Совета Всесоюзного астрономо-геодезического общества, члена Научно-методического Совета по астрономии, доцента кафедры методики преподавания физики и астрономии ВГУ имени П.М. Машерова насчитывается 373 ед. хр. за 1958, 1967-2013 гг. Это учебники, методические пособия, брошюры, научные статьи, дипломы, сертификаты о награждении, почетные грамоты, фотографии [1, с. 545].

Личный фонд № 408 **Дзежица Валентина Константиновича** (09.03.1904 – 30.12.1964) – художника, члена Союза художников СССР и члена Союза художников БССР, заведующего кафедрой рисунка и живописи художественно-графического факультета Витебского педа-

гогического института имени С.М. Кирова (1959-1964 гг.) состоит из 34 ед. хр. за 1911, 1918-1965, 1982 гг. Это фоторепродукции картин, списки творческих работ, каталоги выставок с его участием, фотографии художника, а также первого и второго выпусков художественно-графического факультета Витебского педагогического института имени С.М. Кирова (1962 г., 1963 г.) [1, с. 546].

В личном фонде № 1931 **Долматова Семена Харитоновича** (29.01.1923 – 10.10.1999) – искусствоведа, профессора Витебского педагогического института имени С.М. Кирова насчитывается 304 ед. хр. за 1941-2000 гг. Это документы о научной и служебной деятельности (доклады и выступления на конференциях, рецензии, отзывы.) Документы к биографии (биография, диплом профессора, аттестат об образовании, членские билеты, удостоверения), фотографии [1, с. 546-547].

Документы **Дорофеева Анатолия Максимовича** (10.08.1941 – 29.07.2010) – кандидата биологических наук, министра природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь, трудовая биография которого в 1964-1990 гг., 1994-2010 гг. была связана с ВГУ имени П.М. Машерова, образуют личный фонд № 498. В составе фонда насчитывается 93 ед. хр. за 1929, 1942-1945, 1948-1951, 1961-2010 гг. Это очерки, статьи, монографии, дневники наблюдений, сценарии теле и радиопередач, справка о трудовой деятельности, сведения о научно-исследовательской деятельности, фотографии, книги из личной библиотеки [2].

Из документов музееведа, старшего преподавателя художественно-графического факультета Витебского государственного педагогического института имени С.М. Кирова, отличника народного образования СССР и БССР **Зейлерта Валентина Карловича** (24.05.1908 – 23.09.1994) сформирован личный фонд № 391, который насчитывает 122 ед. хр. за 1954-1992, 1994-1995 гг. Это тексты лекций, статьи, сценарии к телепередачам, программы занятий, тексты лекций, докладов [1, с. 548].

Личный фонд № 1748 **Кликушина Григория Филипповича** (04.12.1921 – 08.02.2014) – художника-полиграфиста, графика, члена Союза художников СССР, заведующего кафедрой рисунка и живописи художественно-графического факультета Витебского педагогического института имени С.М. Кирова (1965-1970 гг.) состоит из 261 ед. хр. за 1930, 1937, 1939-2011, 2013 гг. В фонде имеются каталоги персональных выставок, гравюры, линогравюры, рукописи книг (в их числе «Шрифты», «Методика преподавания рисования в средней школе»), лекций, воспоминаний, мемуаров, стихов [1, с. 548].

Документы **Конопелько Анатолия Николаевича** (16.11.1939 – 18.12.2002) – педагога, поэта, члена Союза белорусских писателей, до-

цента ВГУ имени П.М. Машерова, отличника образования Республики Беларусь в количестве 80 ед. хр. за 1939-1940, 1948, 1956-1962, 1966-2003 гг. составляют личный фонд № 2065. Среди документов: лекции, стихи, переводы стихов, статьи, методические разработки, переводы, афиши творческих вечеров, почетные грамоты, фотографии [3].

В личном фонде № 2156 **Котович Татьяны Викторовны** (родилась 26.03.1954) – доктора искусствоведения, профессора кафедры всеобщей истории и мировой культуры ВГУ имени П.М. Машерова, члена общественного объединения «Белорусский союз театральных деятелей» насчитывается 661 ед. хр. за 1945, 1947-2017 гг. В составе фонда: документы о научной, профессиональной и общественной деятельности (диссертации, отзывы на кандидатскую диссертацию, доклады, программы фестивалей, научных конференций, афиши, альма-нахи, буклеты), документы, собранные Т.В. Котович по интересующим темам (статьи, программки спектаклей, концертов, опер, балетов, афиши, журналы, газеты, брошюры о спектаклях, артистах, открытки, буклеты выставок), книги, фотографии с членами семьи, коллегами и друзьями, фотографии актеров [4].

Из документов кандидата филологических наук, доцента кафедры русской литературы ВГУ имени П.М. Машерова, составителя и редактора журнала «Карнавал. Диалог. Хронотоп» **Панькова Николая Алексеевича** (26.03.1956 – 19.09.2014) сформирован личный фонд № 795, который насчитывает 157 ед. хр. за 1915-1917, 1972-1974, 1976-1978, 1980-2003, 2008 гг. Это личные научные, научно-популярные труды и документы к ним (диссертация, рукописи, тексты докладов, тезисов, списки научных трудов, стихи, поэтические зарисовки, автобиография и автобиблиография, методические рекомендации), почетные грамоты, дипломы [5].

Трудовая биография **Пищуленка Михаила Владимировича** (25.05.1953 – 18.06.2008) – кандидата исторических наук, начальника отдела по архивам и делопроизводству Витебского областного исполнительного комитета, Почетного архивиста Республики Беларусь также была связана с ВГУ имени П.М. Машерова, где он преподавал спецкурсы «Историческое краеведение Беларуси» и «Архивоведение Беларуси». Документы его личного фонда № 2252 насчитывают 85 ед. хр. за 1930, 1936-1937, 1975, 1980, 1982, 1985, 1988-2006 гг. Это тексты выступлений на научных, научно-практических и краеведческих чтениях, статьи, опубликованные в периодических изданиях, документы о состоянии государственной архивной службы, геральдике Витебской области, по вопросам топонимики [1, с. 553-554].

Документы **Рывкина Михаила Степановича** (29.12.1931 – 12.03.2010) – кандидата педагогических наук, краеведа, преподавате-

ля Витебского государственного педагогического института имени С.М. Кирова в количестве 586 дел за 1775-2006, 2010 гг. образуют личный фонд № 2154. Среди документов фонда: воспоминания лиц, переживших Холокост, списки мирных жителей, уничтоженных гитлеровцами в оккупированном Витебске в 1941-1944 гг., тематические картотеки о жизни и творчестве Марка Шагала, истории еврейской диаспоры Витебщины, паспорта еврейских кладбищ Витебской области, документы по истории г. Витебска дореволюционного периода [6].

Документы этих фондов доступны для широкого круга исследователей.

1. Государственный архив Витебской области: путеводитель, 1917–2006/ сост. Т.В. Бувич, Ю.С. Петухов. – Минск: Медисонт, 2011. – 936 с.
2. Фондовый каталог [электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fk.archives.gov.by/fond/113616/>. – Дата доступа: 19.08.2021.
3. Фондовый каталог [электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fk.archives.gov.by/fond/85000/>. – Дата доступа: 19.08.2021.
4. Фондовый каталог [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://fk.archives.gov.by/fond/120035/>. – Дата доступа: 19.08.2021.
5. Фондовый каталог [электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fk.archives.gov.by/fond/112628/>. – Дата доступа: 19.08.2021.
6. Фондовый каталог [электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fk.archives.gov.by/fond/104625/>. – Дата доступа: 19.08.2021.

Булаты П. Ю.

ПРАБЛЕМА ЗАХАВАННЯ ГІСТАРЫЧНЫХ НЕКРОПАЛЕЙ У ГАРАДСКОЙ ПРАСТОРЫ (ПРЫКЛАД ГОРАДА ЛЯХАВІЧЫ)

Ключавыя словы: могількі, канфесіі, этнічныя супольнасці, культурна-гістарычная спадчына, Ляхавічы.

Неад’емнай часткай ландшафту любога беларускага горада з’яўляюцца некропалі. Вывучэнне прасторы гарадской некрапалісткі – важны аспект мясцовай гісторыі, якая прадстаўляе асаблівую частку гарадской культуры з функцыяй захавання лакальнай памяці. Адметнасцю могількавай прасторы беларускіх гарадоў з’яўляецца гістарычная сегрэгацыя месцаў пахавання гараджан, калі кожная этнічная і канфесійная супольнасць мела свой уласны некропаль.

Звернемся да прыкладу культуры арганізацыі і захавання некропаляў у прасторы горада Ляхавічы (раённы цэнтр у Брэсцкай вобласці) у гістарычнай рэтраспектыве і сучаснасці. У этнічнай і канфесійнай структуры горада перыяду XVI–XX ст. вылучаліся наступныя супольнасці: праваслаўныя (у перыяд з 1596 па 1839 г. – грэка-

каталікі), рыма-каталікі, яўрэі, татары [2, с. 53–62]. Так, па стане на канец XVIII ст. склалася прыкладна (прыблізнасць падлікаў абумоўлена розным тыпам крыніц у якіх адлюстроўваецца склад насельніцтва горада, звесткі мы ўвасобілі ў працэнтных суадносінах, іх хібнасць не вялікая і дапушчальная) такая этнаканфесійная карціна: 1) хрысціяне – 46 % (з іх 82,9 % прыходзілася на каталікоў, доля ўніятаў складала ўсяго 17,1 %); 2) яўрэі – 42 %; 3) татары – 12 % [5; 13]. Кожная з адзначаных супольнасцей мела ў горадзе свой некропаль. У працэсе вывучэння гістарычных пахаванняў намі было пастаўлена дзве задачы: 1) высветліць, дзе ў гарадской прасторы размяшчаліся некропалі пэўнай супольнасці; 2) вызначыць актуальны стан і ступень захаванасці розных некропалей.

Перш чым пяройдзем да прадметнага разгляду гарадскіх могілак, звернем увагу на адзін аспект. У дакументах другой паловы XIX ст. у Ляхавічах фіксуецца наяўнасць даўніх формаў пахавання, тыповых для старажытных паселішчаў, што лагічна: узнікненне Ляхавічаў датуецца XI ст. [7]. Гаворка ідзе пра пахаванні курганнага тыпу. Лакалізаваліся курганы на правым беразе ракі Ведзьмы насупраць дзядзінца былой фартэцыі [6]. Сёння гэтая тэрыторыя забудавана прыватнымі дамамі, сляды даўніх курганоў пры візуальным аглядзе мясцовасці не выяўлены.

Праваслаўныя (уніяцкія) могілкі. Першыя звесткі аб праваслаўных могілках у Ляхавічах датуюцца XVI ст. Згадваюцца яны ў мемуарах Ф. Еўлашоўскага. Так, у сакавіку 1572 г. памірае маці Еўлашоўскага, цела якой было з *«пристойною учтивостью поховане зостало в Ляховичах в цэркве русской»* [8]. Тут аўтар падае лакалізацыю некропаля – побач з ляхавіцкай праваслаўнай царквой.

Лакалізацыю могілак каля ўніяцкай царквы Святога Юрыя пацвярджаюць акты царкоўнай візітацыі XVII–XVIII стст. Так, у акце візітацыі 1680 г. на ляхавіцкіх грэка-каталіцкіх могілках фіксуецца асобнае памяшканне для дыякана [3, с. 131–132]. Згадваюцца могілкі і цягам XVIII ст. [4].

З улікам акрэсленых фактаў, а таксама ведаючы месцазнаходжанне даўняй Юр’еўскай царквы [1], не складана вызначыць месца тагачасных праваслаўных (уніяцкіх) могілак. У дадзены момант на месцы царквы знаходзіцца мемарыяльны помнік савецкім салдатам, якія загінулі ў 1941 г., а месца могілак часткова займаюць прыватныя жылыя дамы. Да тэрыторыі былых могілак, з’яўляючыся як бы іх працягам, прымыкаюць сучасныя гарадскія праваслаўныя могілкі.

Пахаванні на могілках датуюцца пачаткам XIX ст. Іх адметнасць – канфесійная змешанасць, якая тлумачыцца рэзкімі канфесійнымі перамяненнямі ў гісторыі горада канца XVIII – сярэдзіна XIX ст. Так, у гэты

перыяд адбылося закрыццё ўніяцкага прыходу (у 1784 г. будынак царквы прызнаны непрыдатным для правядзенне набажэнстваў, прыход часова пераносіўся ў вёску Падлессе [4]), пераасвячэнне ў 1867 г. каталіцкага прыходу ў праваслаўны [9]. Акрэсленая канфесійная дынаміка вызначыла структуру могілак: іх старая частка (да 1867 г.) каталіцкая, яна перамешваецца з праваслаўнымі пахаваннямі (пасля 1867 г. да 2010-х). На старой частцы могілак маюцца крушні пахавальных капліц розных архітэктурных стыляў: капліца Солтанаў (1830-я), капліца на месцы пахавання Дамініка Рэйтана (1850-я). Пахаванні XIX – першай паловы XX ст. – гэта ў асноўным надмагільныя пліты, рэдкія вертыкальныя помнікі, асобныя крыжы. На помніках фіксуюцца паэтычныя эпітафіі. Агульны стан старой часткі некропаля – задавальняючы.

Каталікі. У працэсе даследавання каталіцкіх пахаванняў у Ляхавічах, можна вылучыць дзве лакацыі гарадскіх каталіцкіх могілак.

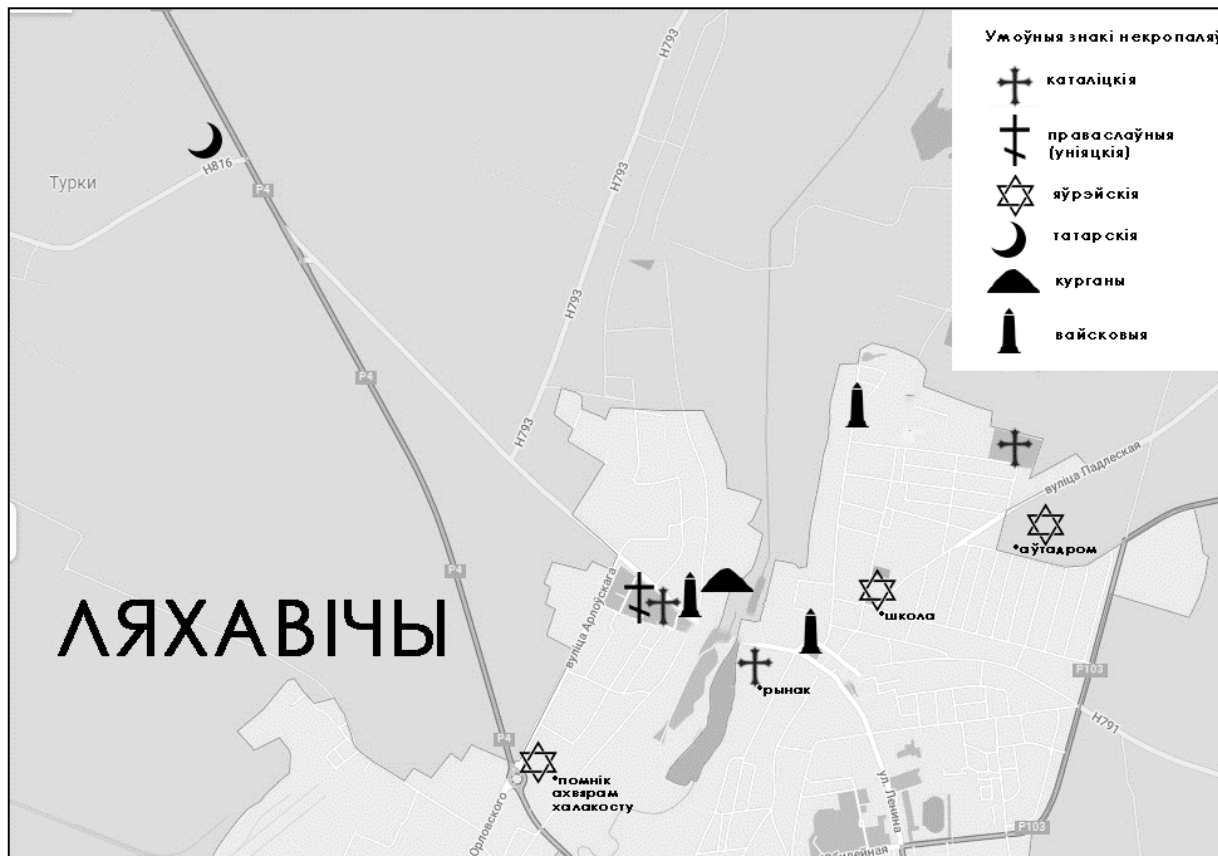
Першыя – «старыя» – могілкі знаходзіліся каля Узвіжанскага касцёлу на рынку, які ў 1867 г. быў прасвечаны ў праваслаўную царкву. Наяўнасць могілак каля касцёла пацвярджаюць звесткі з актаў касцельных візітацый перыяду XVII – першай паловы XIX ст. Сёння ад тых могілак ніякіх слядоў не захавалася, на іх месцы знаходзіцца гарадскі рынак.

Як асобнае месца пахавання вылучым і сам былы касцёл, яго крыпту. Касцёл у Ляхавічах з’яўляўся мемарыялам нацыянальнага героя Тадэвуша Рэйтана – знакамітага пасла на Варшаўскі сойм і нясхільнага праціўніка падзелу Рэчы Паспалітай. У касцёле быў алтар у гонар Св. Тадэвуша, фундаваны Дамінікам Рэйтанам [10]. Пасля смерці Тадэвуша Рэйтана 8 жніўня 1780 г. ён быў пахаваны пры алтары свайго патрона ў скляпеннях ляхавіцкага касцёла [11]. У касцёле знаходзілася і адпаведная мемарыяльная табліца ў гонар патрыёта [12].

«Новыя» каталіцкія могілкі ў Ляхавічах з’явіліся ў пачатку XX ст. недалёка ад новаўзведзенага ў той час касцёла Святога Язэпа. Пахаванні на могілках размяшчаюцца храналагічна па сектарах. На іх старой частцы (да 1945 г.) прадстаўлены надмагільныя пліты і крыжы. На новых каталіцкіх могілках заслугоўвае ўвагі элемент ушанавання тых магіл, якія зніклі натуральным чынам: на вялікім крыжы, да якога дапасаваныя элементы страчаных магіл, усталяваная шыльда з тэкстам «Памяць безыменным магілам». Старая частка могілак дагледжаная, пахаванні ў годным стане.

Яўрэі. Паводле планаў 1930-х гг. у Ляхавічах вядома лакацыя двух яўрэйскіх некропаляў. Ні адзін з іх да нашага часу не захаваўся, пахаванні былі знішчаны ў перыяд 1950-х–1960-х гг., надмагіллі цалкам страчаны. На месцы аднаго некропаля, больш старога, змяшчаецца га-

радская сярэдняя школа. На месцы другога – аўтадром. Выгляд могілак і шэрагу помнікаў вядомыя па старых фотаздымках. Таксама да яўрэйскіх пахаванняў адносяць пахаванне ахвяр халакосту. На месцы расстрэлу ахвяр ляхавіцкага гета ўсталяваны адмысловы помнік.

Мал. Некропалі ў гарадской прасторы Ляхавічаў

Мусульмане. Татарскія могілкі з помнікамі, якія датуюцца канцом XVIII ст. знаходзяцца за межамі гораду. Пахаванні на іх ажыццяўляліся па спрадвечнай мусульманскай традыцыі. Некропаль не перарываў свайго існавання, пахаванні на ім ажыццяўляюцца і сёння татарскай супольнасцю Ляхавічаў. На старажытных помніках і на сучасных можна сустрэць надпісы арабскай вяззю.

Таксама акрэслім, што ў горадзе прадстаўлены асобныя мемарыяльныя пахаванні салдат Першай і Другой Сусветнай вайны.

Такім чынам, разгледзеўшы некропалі гарадской прасторы Ляхавічаў, можна адзначыць наступнае:

1) з гістарычных месцаў пахавання найбольш трывалым з’яўляецца татарскі некропаль, які не мяняў сваёй лакацыі. На надмагільных плітах захоўваецца каштоўная інфармацыя аб татарскай генеалогіі і гісторыі гэтай этнічнай супольнасці горада;

2) праваслаўныя і каталіцкія могілкі змянялі свае лакацыі, адпаведна, губляліся помнікі і інфармацыя, перарывалася культура памяць (самыя старыя пахаванні ў горадзе датуюцца сярэдзінай XIX ст.);

3) ляхавіцкія яўрэйскія могілкі зніклі цалкам, памяць аб яўрэйскай грамадзе ўвасобілася ў помніку ахвярам халакосту.

Абагульненая лакалізацыя некропалей горада Ляхавічы прадстаўлена на малюнку 1.

1. Булаты, П. Ю. Знешні выгляд і лакалізацыя старажытнай царквы ў Ляхавічах (XVI–XVIII ст.) / П. Ю. Булаты // Православие и цивилизационный выбор Беларуси. мат. XVIII сем., 13–14 декабря 2019 г.: Минская духовная семинария. – Жировичи, 2020. – С. 89–95.
2. Булаты, П. Ю. Ляхавіцкае графства ў сістэме магнацкіх уладанняў (XVI–XVIII ст.). / П. Ю. Булаты. – Мінск : БДУФК, 2020. – 217 с.
3. Візіты уніяцкіх цэркваў Мінскага і Навагрудскага сабораў 1680–1682 гг.: зб. дак. / склад. Дз. В. Лісейчыкаў. – Мінск : І. П. Логвінаў, 2009. – 270 с.
4. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі. – Ф. 136. Воп. 1. Спр. 41248.
5. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі. – Ф. 1781. Воп. 27. Спр. 223.
6. Описание церквей и приходов Минской епархии 1878/79 гг. – Минск : Типоли-тография Б. И. Соломонова, 1879.
7. Российская государственная библиотека. – Ф. 304.I. – Л. 73–73 об.
8. Свяжынскі, У. М. «Гістарычныя запіскі» Фёдара Еўлашоўскага / У. М. Свяжынскі – Мінск : Навука і тэхніка, 1990. – 121 с.
9. Стороженко, А. Освящение римско-католического костёла в с. Ляховичи в православную церковь / А. Стороженко – Вильна, 1867. – 13 с.
10. Lietuvos mokslų akademijos biblioteka. – F. 273. Nr. 3587.
11. Niemcewicz, J. Żywot Tadeusza Rejtana / J. Niemcewicz // Potrety wsławionych Polaków. – Warszawa, 1820. – S. 3–7.
12. Stołyhwo, K. W sprawie szczątków i typu antropologicznego Tadeusza Reytana posła Nowogródzkiego / K. Stołyhwo // Sprawozdania z Posiedzeń Towarzystwa Naukowego Warszawskiego. – 1931. – Wydział II. Z. 1–6. – S. 1–13.
13. Vilniaus universiteto biblioteka. – F. 57. V. B54. Nr. 51.

Бухал Е. Н.

МУЗЕЕФИКАЦИЯ «НЕУДОБНОГО НАСЛЕДИЯ»

Ключевые слова: историко-культурное наследие, публичная история, места памяти, «неудобное наследие», репрезентация прошлого.

В процессе музеефикации и популяризации особое место занимают объекты «неудобного» наследия. Здесь рассмотрим теоретические обоснования обозначения наследия как «сложного», «оспариваемого», «темного» и синонимичных определений, исследовательские проблемы и стратегии, которые рассматривают в связи с таким наследием, а

также обратимся к одному из выдающихся примеров принятия «неудобного» наследия в музейной практике.

Относительно объектов «неудобного» наследия исследователи и практики обозначают актуальными вопросы о возможных методах репрезентации мест, связанных с преступлениями против человечности, об этике репрезентации и проявлении роли «жертв» и «агрессоров», о стратегиях презентации одновременных конкурирующих нарративов, о возможности компаративного анализа и переноса подобных практик и, наконец, о роли политического влияния в процессе принятия решения о репрезентации и её стратегии.

Изучение совокупности всех явлений, объектов и подходов, которые относятся к наследию, сформировалась практически одновременно с появлением исторической науки, однако именно в 1980-е годы опубликованы основные работы по методологии дисциплины, или практики. Все эти работы рассматривают наследие как носителя прошлого и предлагают новую интерпретацию.

В 1985 г. Дэвид Лоуэнталь опубликовал свою работу «Прошлое – чужая страна» [The Past is Foreign Country, Lowenthal 1985], где описал связи географии, прошлого и настоящего. Кроме этого, автор представил концепцию о разнице между памятью и историей, а также обратил внимание на область, не утратившую актуальность и сегодня, репрезентации прошлого в музеях и СМИ.

В 1987 г. смелая работа Роберта Хьюисона «Индустрия наследия: Великобритания в условиях упадка» [The Heritage Industry: Britain in a Climate of Decline, Hewison, 1987] привела к распространению его концепции в череде исследований по вопросам наследия. Исследователь показывает становление индустрии наследия через исследования построенной экономической и социальной неопределенности, что привело к формированию идеализированного образа прошлого. Хьюисон определяет управление наследием как стремление создать образ прошлого, которого никогда не существовало.

И, разумеется, выдающееся семитомное издание коллектива французских ученых, объединивших более сотни исследователей, под руководством Пьера Нора, начавшее выходить в 1984 году – «Места памяти» [Les Lieux de mémoire, 1984-1992]. Это эпохальный историографический труд, в котором последовательно изучены и проанализированы процессы формирования французской национальной идентичности на примере создания мест памяти по всей стране. Начиная с этой общепризнанной и эталонной работы, коллективные монографии о методологии исследований наследия опубликованы большинством авторитетных академических исследовательских центров.

Рассмотрим диапазон определений «неудобного» наследия.

Dissonant Heritage («противоречивое наследие, диссонанс в наследии»). термин предложен Гр. Эшвортом и Дж. Танбриджем в 1994 г. в их коллективной монографии с одноименным названием. Пользуясь глобальным подходом, авторы обстоятельно изучили концентрационные лагеря, а также места, в которых совершались преступления против человечности в отдельной главе *The Heritage of Atrocity* и проанализировали стратегии их использования, опираясь на положение, что подобные места являются наследием, которое по определению используется как культурный, политический и экономический ресурс.

Contested Heritage («оспариваемое наследие») обращается к культурному наследию как к проблеме. Заглавная работа Х. Силверман доказывает, что оспариваемым может в равной степени являться как материальное, так и нематериальное наследие. Желание фактически и(ли) символически присвоить наследие себе (или, наоборот, отторгнуть) побуждает различные группы заявлять право на наследие, присваивать, использовать, исключать или избавляться от определений и проявлений.

Difficult Heritage («сложное наследие»). Более всего данный термин известен по монографии Шарон Макдональд, которая рассматривала одно конкретное место памяти в пределах Нюрнберга. С 1933 по 1938 г. это была территория съездов Национал-социалистической Немецкой Рабочей Партии (НСДАП). «Сложность» пространства заключается в памяти о действиях режима, а также в неизбежной необходимости соприкоснуться и иметь дело с пространством как с напоминанием о содеянном. При этом «сложное наследие» – это не географическая территория съездов, а «прошлое, которое признано значимым в настоящем». Автор уделяет большое внимание политическим силам, принимавшим решение о «создании» прошлого. Политика наследия в современном Нюрнберге отчетливо призвана, не забывая о «сложном наследии», подчеркнуть идентичность города как оплота объединяющего института – Священной Римской империи с актуальной отсылкой к консолидирующей роли Евросоюза.

Dark Heritage («мрачное наследие»). Данный термин чаще всего используют применительно не к объектам наследия, но к практике «мрачного туризма» – намеренного посещения мест, связанных со смертью и массовым насилием.

Unwanted Heritage («нежеланное наследие»). Термин указывает на отчуждение как основное действие, направленное на такое наследие. Дункан Лайт ввел его в оборот применительно к ситуации с коммунистическим наследием в Восточной Европе.

Существует также ряд терминов, которые продолжают смысловой ряд приведенных. Каждое из этих определений, по сути, подчер-

кивает оспариваемый статус наследия. В этом случае наследие называют uncomfortable (неудобным), problematic (проблематичным), controversial (спорным) или ambiguous (двусмысленным).

Исторические музеи являются особым примером повествования о сложном прошлом. Обычно подходы к использованию прошлого в музее укладываются в три направления:

1. Неконфликтное использование.
2. Оспариваемое, или конкурентное, использование.
3. Маргинализация, или тривиализация, или профанирование (использование наследия в качестве предмета потребления и коммерциализации).

Обратимся к одному из примеров музеефикации наследия, репрезентация которого попадает под определение «сложного наследия» и является одним из эталонов для общемировой практики – Музей памяти в Росарио, Аргентина. Музей создан в 1998 году постановлением муниципального совета Росарио с целью расширения доступа к знаниям и исследованиям о положении в области прав человека и социальной и политической памяти. Его коллекция включает материалы различного рода, которые рассказывают о нарушениях прав человека в Латинской Америке и в мире, особенно о действиях государственного терроризма во время последней военно-гражданской диктатуры в Аргентине. Кроме выставочной работы, музей представляет открытый архив.

Музей занимается проблемами памяти о пост-геноциде. Он расположен в ста метрах от бывшего провинциального полицейского управления и в двухстах метрах от бывшего Подпольного центра содержания под стражей. Эта места памяти о том, как армия в тесном сотрудничестве с провинциальной полицией и различными уровнями гражданского общества разрабатывала и осуществляла план преследования и истребления других граждан страны. Это пространство было местом вынужденного паломничества родственников задержанных или пропавших без вести, которые приходили к его дверям в надежде получить ответ о судьбе своих близких.

Аргентина является единственной страной, где так широко разработано законодательство о защите мест памяти государственного терроризма. Национальный закон № 26691, обнародованный в июле 2011 года, объявил местами памяти государственного терроризма места, которые функционировали как тайные центры содержания под стражей, пыток и истребления или где до 10 декабря 1983 года разворачивались аномальные акты незаконных репрессий.

Этот закон гарантирует сохранение, обозначение и распространение памятных мест за их свидетельскую ценность и за их вклад в

судебные расследования. Таким образом прошлое является не только объектом «культурного наследия», но и свидетельством в судебном делопроизводстве против органов государственной власти. От того еще более примечательно признание ответственности и инициатива государственных законодательных институтов, направленная на сохранение этих мест, тогда как во многих странах происходит маргинализация преступлений политических режимов.

Последняя военно-гражданская диктатура в Аргентине (1976–1983 гг.) использовала более 600 мест для похищений, пыток, убийств и насильственных исчезновений людей, преследуемых за их политическую, социальную и профсоюзную позиции. Государство также приняло ответственность за массовые расстрелы сельских рабочих в 1921 и 1922 годах в Санта-Крус и убийство политических заключенных в августе 1972 года в Трелью, среди других преступлений, совершенных в разное время политическим режимом, которые теперь вспоминаются и становятся видимыми как места памяти. Большинство из этих мест по-прежнему принадлежит вооруженным силам и силам государственной безопасности, однако происходит «раскрытие» их как «мест памяти».

Опыт Аргентины в этом смысле уникален, потому что, обращаясь к любым другим местам памяти, практически невозможно обнаружить принятия ответственности. Обращаясь, например, к музеям политических режимов в Восточной Европе очень хорошо считается инклюзивный подход сопереживания и порицания. Однако происходит маргинализация «неудобного» прошлого (как в примере с вышеупомянутым конструированием наследия Нюрнберга).

Таким образом, обращаясь к «неудобному наследию» и его музеефикации, т.е. передавая его в пространство публичной истории, профессиональное сообщество вступает во взаимодействие с местным сообществом, образами памяти, сконструированными популярной средой и государственными структурами. Только эффективное и открытое сотрудничество всех этих сил может привести к неконфликтному представлению «сложного прошлого», как показывает опыт Аргентины.

1. *Dubios P., Andruchow M., El Museo de la Memoria de Rosario La memoria reciente a través del arte y los sentidos / P. Dubios, M. Andruchow // Arte e Investigación (17). – 2020. – e046*
2. *Hewison R., The Heritage Industry: Britain in a Climate of Decline / Hewison. – Methuen Publishing Ltd. – 1987. – 160 p.*
3. *Ligth D, An Unwanted Past: contemporary tourism and the heritage of communism in Romania / D. Ligth // International Journal of Heritage Studies 6(2). – 2000. – P. 145-160*
4. *Macdonald Sh, Difficult Heritage. Negotiating the Nazi Past in Nuremberg and Beyond / Sh. Macdonald. – Routledge, NY. – 2009. – 231 p.*

5. *Nora P.*, Realms of Memory: Rethinking the French past / ed. P. Nora. – Columbia University Press. – 1996. – 642 p.
6. *Silverman H.*, Contested Cultural Heritage: Religion, Nationalism, Erasure and Exclusion in a Global World / H/ Silverman. – NY. – 2011. – 295 p.
7. *Tunbridge J. E., Ashworth G.J.*, Dissonant Heritage: The Management of the Past as a Resource in Conflict / J.E. Tunbridge, C.J. Ashworth. – Belhaven Press. – 1996. – 314 p.
8. *Лоуэнталь Д.*, Прошлое – чужая страна / Д. Лоуэнталь. – Даль. – 2004. – 624 с.
9. Методологические вопросы изучения политики памяти: сб. научн. тр. / отв. ред. А. И. Миллер, Д. В. Ефременко. – М.-СПб: Нестор История, 2018. – 224 с.

Васільеў В. М.
НАВУКОВЫЯ РЭКАНСТРУКЦЫІ ЎЗБРАЕННЯ: АКТУАЛЬНАСЦЬ
І ПЕРСПЕКТЫВЫ ВЫКАРЫСТАННЯ

Ключавыя словы: навуковая рэканструкцыя, ўзбраенне, ваенны рыштунак.

Гісторыя войн і вайсковае мастацтва – тэмы, якія цікавілі гісторыкаў ужо ў старажытнасці. Не страцілі яны актуальнасці і зараз. Усплёск зброязнаўства адбыўся на пачатку другой паловы ХХ ст. і звязаны з умовам і шырокім выкарыстаннем археалагічных матэрыялаў. У гэты час былі выдадзены працы, прысвечаныя вывучэнню зброі і ваеннага рыштунку ў заходняй Еўропе [18] старажытнарускага ўзбраення [5–7] і рыштунку вершніка і баявога каня [8], узбраенню Ноўгарада Вялікага [11], старажытнарускай кідальнай зброі [12], скіфскаму даспеху [17], пазней, у 1980 праца прысвечаная ўзбраенню енісейскіх кыргызаў VI–XII стст. [16]. Гэтыя класічныя працы выклікалі шырокую цікавасць да гісторыі вайсковай справы перыядаў старажытнасці і сярэднявечча.

Вайна ў цэлым як вялікі пласт гісторыі кожнага чалавечага грамадства выклікае цікавасць не толькі ў прафесійных гісторыкаў і навукоўцаў. Ваенная справа і падзеі ваеннай гісторыі адлюстраваны ў музейных экспазіцыях праз дэманстрацыю рэальных прадметаў узбраення, частак даспехаў і інш. Паступова ад прынятага ў музейнай справе класічнага “прадметацэнтрычнага” падыхода адбыўся пераход у бок дапаўнення рэальнага артэфакта суправаджаючымі матэрыяламі графічнага і іншага характару. Гэта звязана з тым, што стан захаванасці асобных прадметаў узбраення і частак даспехаў не дазваляе непадрэчана таванаму чытачу ці наведвальніку музея скласці поўнае уяўленне аб іх знешнім выглядзе. Яшчэ цяжэй уявіць, як выглядалі асобныя ваяры і іх атрады. Таму для зброязнаўства значную ролю адыгрывае навуковая рэканструкцыя зброі, даспехаў і рыштунку ваяроў.

Навуковую рэканструкцыю зброі і даспехаў можна падзяліць на графічную і прадметную (эксперыментальную).

Графічная рэканструкцыя ўяўляе сабой разнастайныя варыянты прамалёвак, пачынаючы ад асобных элементаў зброі і даспехаў да батальных сцэнаў. Да графічнай можна таксама аднесці і 3D рэканструкцыі [19]. Графічная рэканструкцыя – важны сродак у папулярызацыі гістарычнай спадчыны. У заходняй Еўропе можна прывесці прыклад прац мастака Ангуса МакБрайда, якія ён рабіў для выдавецтва Osprey publishing у серыі Men-at-Arms. Для савецкай і сучаснай расійскай гістарыяграфіі можна ўзгадаць працы М.В. Гарэліка і Ю.С. Худзякова [4,16]. М.В. Гарэліка можна назваць пачынальнікам навуковай мастацкай графічнай рэканструкцыі даспехаў і ўзбраення розных эпох. Таксама ён займаўся рэканструяваннем “батальных” сцэн перыяду мангольскага заваявання Залатой Арды, постмангольскіх дзяржаваў. Працы былі шырока прадстаўлены ў навуковых і навукова папулярных выданнях і дзіцячых энцыклапедыях. Гэта спрыяла папулярызацыі і павышэнню цікавасці дзяцей і моладзі да культурна-гістарычнай спадчыны.

Значны ўнёсак у папулярызацыю зброязнаўства і гісторыю ваеннай справы намадаў цэнтральнай Азіі і паўднёвай Сібіры належыць Навасібірскай школе, якая была заснавана Ю.С. Худзяковым. Вялікая роля там адводзіцца як графічным, так і прадметным рэканструкцыям даспехаў і ўзбраення [2].

Эпоха вікінгаў і эпоха пачатку фарміравання Старажытнай Русі таксама знайшла адлюстраванне ў шэрагу прац выдатнага даследчыка і мастака А.В. Фёдарова. Яго навуковыя рэканструкцыі прысутнічаюць у пастаянных экспазіцыях шэрагу музеяў на тэрыторыі Расіі, прыводзяцца ў навукова-папулярных выданнях. Увага даследчыка была скіравана на рэканструкцыю зброі і рыштунку вершніка і каня (воіны Хазарскага каганата, дружыннікі па матэрыялах Гнёздаўскага і Кіеўскага некропаля) [14, с. 9 – 11, 16, 39, 56, 99, 109, 115; 15, 15 с. 2–5]. Асаблівасцю графічных рэканструкцый А.В. Фёдарова з’яўляецца дасканаласць выяўленне зброі і рыштунку, пры якім мастацкія якасці малюнка застаюцца на высокім узроўні.

У айчынным гістарыяграфіі першыя графічныя рэканструкцыі ваяроў з’явіліся ў працы Ю.А. Заяца (па матэрыялах Заслаўскага некропаля) [3, с. 201]. Адною з першых спроб навуковай графічнай рэканструкцыі быў камплект паштовак “Беларускі вайсковы строй і зброя”, дзе навуковым кансультантам быў Г.М. Сагановіч [1]. Навуковыя графічныя рэканструкцыі былі зроблены Ю. Лупіненкам у артыкулах, прысвечаных узбраенню ранніх славян, а таксама зброі і даспехам з Гомельскай збраёвай майстэрні [9, с. 115 – 122; 10, с. 140 – 154]. Рэканструкцыі ўзбраення і рыштунку ваяроў Полацкага княства часоў Усяс-

лава Чарадзея прыведзены ў навукова-папулярнай працы М.А. Плавінскага [13]. Трэба адзначыць, што большасць рэканструкцый у Беларусі выконвалася не непасрэдна даследчыкамі, а ў супрацоўніцтве з мастакамі.

Прадметная і эксперыментальная рэканструкцыя – перспектывы напрамак сучасных археалагічных даследаванняў. Сутнасць яе ў тым, што на аснове дэталёвага аналізу прадметаў матэрыяльнай культуры і археалагічных помнікаў навукоўцы вырабляюць дакладныя копіі артэфактаў, выкарыстоўваючы аўтэнтычныя матэрыялы (жалеза, бронза, скура і г.д.). Такія рэканструкцыі становяцца прадметам спецыяльных навуковых эксперыментаў, падчас якіх даследчыкі аднаўляюць старажытныя і сярэднявечныя вытворчыя тэхналогіі, удакладняюць асаблівасці выкарыстання тых ці іншых прадметаў матэрыяльнай культуры [2, с. 99].

Цікавасць да ваеннай гісторыі дала пачатак шырокаму грамадскаму руху, які зараз вядомы як ваенна-гістарычная рэканструкцыя. Часам нараджэння гэтага руху ў СССР можна лічыць 70-я гг. XX ст. і першапачаткова ён быў звязаны з папулярызацыяй і вывучэннем гісторыі напалеонаўскіх войнаў. З пачатку 90-х гадоў пачынаецца шырокая зацікаўленасць у рэканструкцыі сярэдніх вякоў, прыкладна ў гэты ж час з’яўляюцца суполкі, асноўным напрамкам дзейнасці якіх была эпоха з’яўлення старажытнарускай дзяржавы і Эпохі вікінгаў.

У Беларусі гістарычная рэканструкцыя была цесна звязана з нацыянальным адраджэннем і цікавасцю да гісторыі ВКЛ. З пачатку 2000-х гадоў у Беларусі пачынаецца рэканструкцыя Эпохі вікінгаў, Полацкага княства і іншых старажытнарускіх земляў. Рэканструктарскі рух, у асноўнай сваёй масе, складаецца з энтузіястаў. Сярод суполак энтузіястаў можна назваць “Нагльфар”, “Варгенторн” (Віцебск). Аднак, негледзячы на гэта, на сённяшні момант некаторыя энтузіясты і майстры дасягнулі сапраўды высокага ўзроўню навуковай рэканструкцыі прадметаў узбраення і даспехаў (прыклад – Зміцер Храмцоў, Зміцер Андрэеў). Акрамя выкарыстання аўтэнтычных матэрыялаў праводзяцца спробы аднаўлення старажытных тэхналогій у вытворчасці зброі і ваеннага рыштунку.

Актуальнасць і перспектывы. Графічная навуковая рэканструкцыя, як узгадвалася вышэй, вельмі запатрабавана ў музейнай практыцы: яна выкарыстоўваецца як дапаможны матэрыял ў экспазіцыйнай дзейнасці. Часам толькі дзякуючы графічным навуковым рэканструкцыям у нас ёсць магчымасць праілюстраваць перыяды гісторыі і рэгіёны, якія амаль не адлюстраваны ў пісмовых і выяўленчых крыніцах, а нашыя веды грунтуюцца толькі на археалогіі.

Графічныя рэканструкцыі займаюць значнае месца ў музейнай педагогіцы. Іх візуальны кампанент больш якасна дазваляе раскрываць пэўныя тэмы музейных заняткаў. Прыгожа выкананая рэканструкцыя абуджае ў дзяцей цікавасць да ваеннай справы і гісторыі ў цэлым. Таму ў сучасных энцыклапедычных выданнях для дзяцей пашыраецца выкарыстанне графічных рэканструкцый рознага кшталту.

Зараз паступова музей адмаўляецца ад аднаго з выключных правілаў – “глядзець можна, чапаць не”. Як прыклад, праз выраб натуральных копій музейных прадметаў, якія можна трымаць у руках наведвальнікам. Часам у экспазіцыйнай практыцы побач з археалагічным, каразіраваным ці пацінаваным зламаным прадметам у вітрыны змяшчаецца сучасная яго рэпліка, што дазваляе наведвальнікам зразумець як выглядаў прадмет на момант яго вырабу і выкарыстання. Рэканструкцыі рыштунку вершніка і каня дазваляюць найбольш поўна ўспрымаць гістарычныя перыяды і падзеі.

Таксама прадметныя рэканструкцыі дазваляюць рэалізоўваць праекты для людзей са слабым зрокам. Гэта адзін са спосабаў іх уключэння ў працэс пазнання ваеннай гісторыі розных краін і перыядаў.

Патэнцыял выкарыстання графічнай і прадметнай рэканструкцыі не абмежаваны толькі навукова-папулярнымі выданнямі і музейнымі практыкамі. Яны выкарыстоўваюцца ў педагогіцы па-за традыцыйнымі музеямі. Напрыклад археапарках і музеях пад адкрытым небам.

1. Беларускі вайсковы строй і зброя XII–XVIII стст. Камплект паштовак на беларускай мове [Выяўленчы матэрыял] / укладальнік і аўтар тэкстаў: Грыгор’еў М. – Мінск, 1996. – 12 паштовак.
2. Бобров, Л. А. Доспехи волка / Л. А. Бобров, Ю. С. Худяков, Ю. А. Филиппович // Наука из первых рук. – 2015. – № 1. – С. 92–105.
3. Заяц, Ю. А. Заславль в эпоху феодализма / Ю. А. Заяц. – Минск : Наука и техника, 1995. – 207 с.
4. Измайлов, И. Л. Вклад М. В. Горелика в развитие отечественной военной археологии / И. Л. Измайлов // Археология Евразийских степей. – 2017. – №5. – С. 240–243.
5. Кирпичников, А. Н. Древнерусское оружие: Вып. 1. Мечи и сабли IX–XIII вв. / А. Н. Кирпичников. – М.; Л. : Наука. – 176 с.
6. Кирпичников, А. Н. Древнерусское оружие: Вып. 2. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв. / А. Н. Кирпичников. – М.; Л. : Наука. – 147 с.
7. Кирпичников, А. Н. Древнерусское оружие: Вып. 3. Доспех, комплекс боевых средств IX–XIII вв. / А. Н. Кирпичников. – Л. : Наука. – 92 с.
8. Кирпичников, А. Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. / А. Н. Кирпичников. – Л. : Наука. – 112 с.
9. Лупиненко, Ю. М. Пластинчатый доспех восточных славян в VII–X вв. / Ю. М. Лупиненко // Русь на перехресті світів (міжнародні впливи на формування давньоруської держави) IX–XI ст.: матеріали міжнародного польового архео-

- логічного семінару, Чернігів – Шестовиця, 20–23 липня 2006 р. / Інститут археології НАН України, Чернігівський державний педагогічний університет імені Т. Г. Шевченка, Інститут археології та стародавньої історії Північного Лівобережжя ; ред.: П. П. Толочко, А. А. Горський, М. Дімнік, В. О. Дятлов, В. П. Коваленко, О. Б. Коваленко, О. П. Моцяю – Чернігів : Сіверянська думка, 2006. – С. 115–122.
10. Лупиненко, Ю. М. Чешуйчатый доспех восточнославянского ратника XII–XIII вв. (по материалам раскопок в Гомеле) / Ю. М. Лупиненко, О. А. Макушников // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. – 2008. – Вып. 15. – С. 140–154.
 11. Медведев, А. Ф. Оружие Новгорода Великого / А. Ф. Медведев // Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. II // Материалы и исследования по археологии СССР (МИА). – М., 1959. – № 65. – 121–191.
 12. Медведев, А. Ф. Ручное метательное оружие (Лук и стрелы, самострел) VIII–XIV вв. / А. Ф. Медведев. – М. : Наука, 1966. – 184 с.
 13. Плавінські, М. А. Войска Полацкага княства ад часоў Рагвалода да эпохі Усяслава Чарадзея / М. А. Плавінські. – Мн. : Галіяфы, 2012. – 48 с.
 14. Родина. – 2002. – № 11–12.
 15. Фёдоров, О. В. Комплекс вооружения воинов Хазарского каганата / О. В. Фёдоров, Н. А. Плетнёва // Цейхгауз. – 2006. – № 22. – С. 2–5.
 16. Худяков, Ю. С. Вооружение енисейских кыргызов VI–XII вв. / Ю. С. Худяков. – Новосибирск : Наука, 1980. – 176 с.
 17. Черненко, Е. В. Скифский доспех / Е. В. Черненко. – Киев : Наукова думка, 1968. – 192 с.
 18. Oakeshott, E. The Archaeology of Weapons: Arms and Armour from Prehistory to the Age of Chivalry / E. Oakeshott. – Boydell Press, 1999. – 358 p.
 19. Wijnhoven, M. A. The equipment of a Germanic warrior from the 2nd–4th century AD: Digital reconstructions as a research tool for the behaviour of archaeological costumes / M. A. Wijnhoven, A. Moskvina, M. Moskvina // Journal of Cultural Heritage. – 2021. – Vol. 49. – P. 48–58.

Вовк О. И.

МЕМОРИАЛЬНЫЕ ДОСКИ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ХАРЬКОВА: ЭВОЛЮЦИЯ ЗНАКОВ КОММЕМОРАЦИИ В СТОЛЕТНЕЙ ПАНОРАМЕ

Ключевые слова: мемориальная доска, Харьков, коммеморация, политика памяти, «место памяти».

Мемориальные доски являются одними из наиболее многочисленных знаков коммеморации в современных городах Восточной Европы: например, в Харькове их насчитывается более пятисот. Эти объекты средствами вербальной и визуальной выразительности способствуют формированию представлений о городе у его гостей и жителей, несмотря на целый ряд неизменно присущих им ограничений. В частности, малый линейный размер в ряде случаев влечет за собой

снижение аттрактивности; невысокая стоимость установки приводит к лавинообразному увеличению количества досок в городском пространстве, что осложняет их учет и контроль за сохранностью и др. При этом важно отметить, что так как мемориальные доски в большинстве своем устанавливаются по инициативе жителей конкретного города или региона, то они отражают эстетические предпочтения и мировоззренческие ориентиры этих людей [см. 2].

Проследим, каким образом эволюционировали подходы к визуальному оформлению и содержательному наполнению мемориальных досок, установленных в Харькове за сто минувших лет. Впервые подобные «места памяти» появились на улицах города в 1928 г. и были посвящены выдающемуся физиологу, выпускнику Харьковского университета, Нобелевскому лауреату И. И. Мечникову [3]. До Второй мировой войны такие знаки коммеморации на улицах города были единичными, а их оформление отличалось лаконичностью. Так, доски, установленные до середины XX в., как правило, содержали только текстовую надпись без каких-либо дополнительных графических или скульптурных изображений, а их авторская принадлежность в большинстве своем остается неизвестной.

Начиная с 1960-х гг. визуальное оформление досок постепенно становится все более насыщенным, а до конца XX ст. «текстовые» доски в Харькове практически полностью были вытеснены «изобразительными» [подробнее о типологии см. 2]. Причем объекты, установленные на рубеже XX–XXI вв., стали отличаться большей смысловой детализацией визуальных образов, использованных в оформлении. Часто проекты мемориальных досок были разработаны известными скульпторами из Харькова и других городов Украины (А. П. Владимиров, Н. Ф. Овсянкин, А. Н. Ридный, И. П. Ястребов и др.). Но в то же самое время на стенах харьковских зданий все чаще стали появляться знаки коммеморации, выполненные на темных каменных плитах в технике фотокерамики, которая традиционно используется при оформлении надгробий.

Начиная с 1970-х гг. в Харькове стал фиксироваться неуклонный рост числа вновь открытых мемориальных досок, а на рубеже XX–XXI вв. процесс стал поистине лавинообразным. Например, в 1970-е гг. было установлено 5 досок; 1980-е гг. – 24; 1990-е гг. – 42; 2000-е гг. – 107; 2010-е гг. – 271 [см. 4]. При этом на рубеже веков значительно увеличилось количество уничтоженных или поврежденных мемориальных досок. При этом в 1990-х гг. в Харькове это были скорее проявления бытового вандализма, а не идейного противостояния, так как доски в этот период преимущественно воспринимались как нейтральные знаки коммеморации. Но уже в 2000-х – 2010-х гг. они

стали одним из маркеров идеологической поляризации общества, а процессы установки и снятия некоторых объектов вызвали значительный общественный резонанс, что в итоге усугубляло противостояние между контroversийно настроенными группами населения.

На некоторых установленных в конце XX – начале XXI в. мемориальных досках были указаны инициаторы и заказчики их установки. То есть доски начали дополнительно выполнять функцию инструмента самопрезентации этих и других организаций в городском пространстве. Об этом же свидетельствует и тот факт, что в конце XX в. начали складываться «корпоративные» комплексы мемориальных досок, которые стали украшением исторических и современных территорий ряда харьковских учреждений и организаций (в частности, вузов) [1; 7].

Подавляющее большинство досок, во все времена установленных в Харькове, имела тексты, написанные на украинском языке; на втором месте по распространению был русский язык. В XXI в. тенденция в целом сохранилась, однако в ряде случаев на досках начал появляться параллельный текст языках других народов мира (иврит, латышский, литовский, польский и т.д.).

В Харькове за все время установлено больше досок в честь героев Второй мировой войны (127), деятелей науки (97), культуры и искусства (87). При этом доски в честь женщин в количественном отношении значительно проигрывают «мужским»: в общем массиве их количество сейчас не превышает 3% [4].

С топографической точки зрения личные мемориальные доски в Харькове представлены неравномерно: в основном они сконцентрированы в центре города. В «спальных районах» в основном установлены доски в честь местных жителей, участвовавших во Второй мировой войне [5] или погибших во время других военных конфликтов – в частности в войне в Афганистане или в ходе АТО-ООС на Востоке Украины [6]. В то же время, в этих же более или менее отдаленных районах мемориальные доски устанавливаются на территории расположенных здесь предприятий, научных институтов, больниц, спортивных учреждений и других учреждений производственной и непроизводственной сферы. В известной степени именно они определяют микроуровневую специфику «пантеонов» местных героев.

Что касается центральной части Харькова, то топографическое распространение мемориальных досок здесь в большей степени подчинено логике исторического развития мегаполиса. Так, в старой части города (улицы Университетская, Рымарская и т.д.) установлены доски в честь деятелей конца XVIII – начала XIX в. (среди них – философ Г. С. Сковорода, основатель Харьковского университета В. Н. Каразин, харьковский городской голова Е. Е. Урюпин). Этот же район, а начало

улиц Сумской, Пушкинской и Полтавского Шляха с прилегающими к ним улицами, застройка которых продолжалась в XIX – начале XX в., в большей степени стали местом увековечения деятелей соответствующего периода. Преимущественно это были представители университетской науки, образования, культуры, общественные деятели (филолог А. А. Потебня, историк Д. И. Яворницкий, хирург А. И. Подрез, математик А. М. Ляпунов, политический деятель Н. И. Михновский и др.) [4].

Развитие Харькова в первой половине XX в., которое продолжилось преимущественно в северном направлении (дальняя часть улиц Сумской и Пушкинской, площадь Свободы и район по Госпромом и т. д.), определило перечень лиц, жизнь которых была связана с этими районами и имена которых позже были здесь увековечены. Среди них были советские политические, партийные и военные руководители (маршал В. К. Блюхер, заместитель председателя СНК СССР В. И. Межлаук и др.), но в большей степени – инженерно-технические работники, представители творческой интеллигенции (конструкторы-танкостроители М. И. Кошкин и К. Ф. Челпан, писатели П. Г. Тычина, О. Вишня и В. Чечвянский и др.). Во второй половине XX – в начале XXI вв. в этих же районах продолжали жить и работать как известные деятели литературы, культуры и искусства (актер Л. Ф. Быков, поэт Б. А. Чичибабин и др.), так и ученые (академики – физик Б. И. Веркин, астроном Н. П. Барабашов, математик А. В. Погорелов, врач Л. Т. Малая и др.), что и отразилось в спектре установленных здесь мемориальных досок [4].

Можно сказать, что размещенные в центре Харькова общественные заведения, так же как и организации, расположенные «на периферии» города, выступают ощутимыми «центрами притяжения», на территории которых сконцентрировано значительное количество мемориальных досок. Большинство из них было установлено в первые два десятилетия XXI в. Можно предположить, что данная тенденция является одним из проявлений характерной для большинства городов современной Украины борьбы за символический капитал, который потенциально может быть конвертирован в другие виды капитала и в перспективе сможет принести его обладателю ощутимые дивиденды.

1. Боброва, М. І. Харківський університет в образотворчому мистецтві / І. М. Дончик, С. М. Куделко, О. Г. Павлова, С. І. Посохов ; за заг. ред. В. С. Бакірова ; наук. ред. С. І. Посохов. – Харків : ХНУ імені В. Н. Каразіна, 2017. – 148 с.
2. Вовк, О. І. Меморіальні дошки в соціокультурному просторі міста: к вопросу о видовых признаках, функциональных особенностях и информационной насыщенности / О. І. Вовк // Актуальні проблеми історіографії : матеріали VI Міжнародної науково-практичної конференції, Вітебськ, 23–24 квітня 2021 р. / під ред. А. Н. Дулова [и др.]. – Вітебськ : ВГУ імені П. М. Машерова, 2021. – С. 19–21.

3. Ефимов, Д. Памяти великого ученого / Д. Ефимов // Путь к здоровью. – 1928. – № 6. – С. 2–3.
4. Історія Харкова у пам'ятних дошках. Фактографічні та бібліографічні відомості 2015–2019 [Електронний ресурс]. – Режим доступа: <http://mevorydoskikharkov.blogspot.com/>. – Дата доступа: 17.09.2021 г.
5. Скрижалі історії Харкова. Т. 1 / О. І. Вовк [та ін.]. – Харків : Раритети України, 2020. – 400 с.
6. Скрижалі історії Харкова. Т. 2 / Г. А. Бондаренко [та ін.]. – Харків : Раритети України, 2020. – 400 с.
7. ТОВАЖНЯНСЬКИЙ, Л. Л. Навіки в пам'яті (меморіальні дошки НТУ «ХПІ») / Л. Л. ТОВАЖНЯНСЬКИЙ, В. І. Ніколаєнко, Ю. Д. Сакара, Р. О. Пономаренко. – Харків : НТУ «ХПІ», 2013. – 76 с.

Выпряжкин А. В.
САБЛИ КАВАЛЕРИЙСКИЕ ОБРАЗЦА 1817 ГОДА
ИЗ КОЛЛЕКЦИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Ключевые слова: Национальный исторический музей Республики Беларусь, военная история, сабли, кавалерия, Российская империя, 1817 год.

В 1817 году в Российской империи принимается ряд новых образцов холодного строевого оружия для всех сухопутных родов войск. Во многом, это решение было связано с открытием в России первой фабрики специализирующейся на производстве именно холодного оружия – Златоустовской.

До этого момента нужды империи в холодном оружии восполнялись за счет заказов на Тульском оружейном заводе или за счет экспорта из-за рубежа. При этом нужно отметить, что Тульский оружейный завод специализировался прежде всего на производстве огнестрельного оружия, государственный заказ на которое не всегда исполнялся в полном объеме. Производство холодного оружия, таким образом, не имело первостепенного для завода значения, и, соответственно, не могло удовлетворить потребностей армии и флота.

Экспорт оружия из-за рубежа был явлением традиционным и массовым, прежде всего поступала продукция мастеров Золингена и Клингенталля. При этом нередко закупались только клинки, а изготовление эфесов и ножен проходило в Российской империи на том же Тульском заводе или у частных мастеров. На начало XIX в. импорт иностранных клинков в Россию был значительным [1, с. 157]. Однако поставки оружия из-за рубежа имели свойство уменьшаться или прекращаться в зависимости от политической ситуации. По этим причинам, Россия нуждалась в собственном центре производства холодного оружия.

Проект фабрики в Златоусте, в непосредственной близости к уральским железным рудам рассматривался Александром I еще до войны 1812 г. Однако вторжение армии Наполеона помешала планам по запуску предприятия, только в 1815 г. состоялось его открытие. Для наладки производства качественной продукции в Златоуст были приглашены немецкие мастера [2].

Оружейное производство в Златоусте возникло на базе Златоустовского железоделательного, чугуноплавильного и меднолитейного вододействующего завода, работавшего с 60-х гг. XVIII в. Именно его производственная база и рабочие кадры, стали фундаментом для новых предприятий XIX в. В 1817 г. завод получает заказ на изготовление новых единых образцов холодного оружия, в том числе сабель для легкой кавалерии [3, с. 63].

Нужно отметить, что в настоящий момент в научном сообществе по вопросу атрибуции офицерских сабель образца 1817 г. существует две точки зрения:

- в 1817 г. вводится новый образец (А. Кулинский);
- отдельного образца 1817 г. не существовало, было лишь уточнение к образцу 1809 г., для нового завода (О. Леонов). По версии О. Леонова, правильной датировкой принятия образцов следует считать 1807 и 1819 гг. соответственно [4, с. 292].

Однако, в целях недопущения путаницы в терминологии, будем придерживаться первой точки зрения и говорить о сабле, заказанной на Златоустовском заводе в 1817 г. как об отдельном образце.

В коллекции Национального исторического музея находятся две кавалерийские сабли образца 1817 г. – солдатская и офицерская. Именно детальное рассмотрение этих образцов и станет темой данного доклада.

В целом обе сабли имеют схожие внешние признаки: примерно равный изгиб клинка, эфес из трех скругленных дужек, стальные ножны. Однако отдельные детали у сабель отличаются, так в солдатском образце эфес имеет небольшой щитик с внутренней стороны, а кожаная рукоять не обмотана проволокой.

Но особенно отличны клинки, у солдатской сабли он шире и имеет один широкий дол. У офицерской сабли долы имеют сложную конфигурацию: крупный дол, начинающийся у эфеса, переходит в два дола поменьше. Изготовление такого клинка было сложнее. Также у офицерского клинка имеется елмань – небольшое расширение у острия, а само острие скошено в сторону лезвия с радиусом, что облегчало укол. У солдатской же сабли острие клинка находится на одной линии с обухом, что было характерно для простого строевого европейского оружия. Также нужно отметить дорогое оформление офи-

церского клинка – его первая от эфеса четверть покрыта золочеными «арматурами», выполненными на синем фоне. Такая технология оформления клинков была популярна в Европе и широко применялась на упомянутой Златоустовской фабрике.

Обе разновидности сабли состояли на вооружении до замены уже в царствование Николая I образцом 1827 г.

Нужно отметить, что данное оружие имеет отношение не только к истории России, но и к истории Беларуси, так – как ею вооружалась легкая кавалерия Отдельного литовского корпуса, созданного Александром I 1 июля 1817 г.

Особенность корпуса состояла в том, что комплектация его производилась за счет населения западных губерний Российской империи: Виленской, Волынской, Гродненской, Минской, Подольской, а также Белостокской области [5]. Штаб-офицерские и генеральские должности в соединении занимали уроженцы центральных российских губерний или иностранцы, принятые на военную службу. Это позволяло правительству контролировать корпус, несмотря на доминировавшее в нем число военнослужащих из белорусских и украинских губерний. В то же время командование учитывало особенности этноконфессионального состава солдат и офицеров соединения: в нем разрешалась деятельность священников трех христианских церквей, допускалось использование польского языка при отдаче устных приказов, а также была предпринята попытка сведения литовских татар в одном армейском полку.

Корпус создавался, с одной стороны, чтобы продемонстрировать европейским странам готовность России восстановить государственность Речи Посполитой, согласно решению Венского конгресса. По этой же причине было создано Царство Польское, как автономия в составе Российской империи. С другой стороны, Отдельный литовский корпус, как часть российской армии, служил интересам Санкт-Петербурга [6].

Первым номинальным командующим корпуса был Великий князь Константин Павлович.

Отдельный литовский корпус использовался против повстанцев в 1830-31 годах. После подавления восстания, вследствие потерь и недоверия к составу со стороны российских властей был расформирован.

В составе корпуса находились следующие полки легкой кавалерии: с момента его основания Лейб-гвардии Цесаревича уланский полк, с 1818 г. в составе корпуса присутствуют Польский, Татарский, Литовский и Волынский уланские полки, сформированные в конце XVIII в. из уроженцев Речи Посполитой. Все указанные полки должны были иметь на вооружении сабли образца 1817 г.

Таким образом, описанные выше сабли из коллекции Национального исторического музея, являются прекрасной иллюстрацией к историческим событиям позднего периода правления Александра I. Этот период отличался в определенной степени либеральным отношением к подвластным Российской империи народам, а Отдельный литовский корпус, созданный российским императором, походил на национальную армию бывшего Великого княжества литовского.

1. Кулинский, А. Н. Русское холодное оружие военных, морских и гражданских чинов / А. Н. Кулинский. – С-Пб. : Магик-пресс, Олимп, 1994 – 183 с.
2. Стихина, И. А. Влияние исторических эпох на развитие оружейного производства и златоустовской гравюры на стали (Златоустовская оружейная фабрика) [Электронный ресурс] / И. А. Стихина, Е. И. Горобец // Вестник Прикамского социального института. – 2017. – № 1 (76) – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-istoricheskikh-epoch-na-razvitiye-oruzheynogo-proizvodstva-i-zlatoustovskoy-gravyury-na-stali-zlatoustovskaya-oruzheynaya/viewer>. – Дата доступа: 20.09.21.
3. Федоров, В. Г. Холодное оружие/ В. Г. Федоров. – М. : Яуза ; Эксмо, 2010 – 288 с.
4. Леонов, О. Строевое холодное оружие русской армии и флота 1700–1881 гг. / О. Леонов, А. Устьянов – М. : Фонд «Русские витязи», 2017. – 496 с.
5. Некрашевич, Ф. А. Участие Отдельного Литовского корпуса в подавлении восстания 1830–1831 гг. / В. А. Некрашевич // Працы гістарычнага факультэта БДУ: навук. зб. Вып. 9 / рэдкал.: У. К. Коршук (адк. рэд.) [і інш.]. – Мн. : БДУ, 2014. – С. 86
6. Некрашевич, Ф. А. Отдельный Литовский корпус: создание, структура, деятельность (1817–1831 гг.): автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук: 07.00.02 [Электронный ресурс] / Ф. А. Некрашевич ; Белорусский государственный университет. – 2016 – Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/165827>. – Дата доступа: 20.09.21.

Дашкевіч А. Л.
УДЗЕЛ ГРАМАДСКІХ ФАРМІРАВАННЯЎ
У АХОВЕ ГІСТОРЫКА-КУЛЬТУРНАЙ СПАДЧЫНЫ
Ў РЭСПУБЛІЦЫ БЕЛАРУСЬ: АСОБНЫЯ АСПЕКТЫ РАЗВІЦЦА
КАНСТЫТУЦЫЙНА-ПРАВАВОГА РЭГУЛЯВАННЯ

Ключавыя словы: грамадскае фарміраванне, грамадскае аб’яднанне, орган тэрытарыяльнага грамадскага самакіравання, дзяржаўны орган, гісторыка-культурная спадчына, канстытуцыйна-прававое рэгуляванне.

У сучасных умовах пытання аховы гісторыка-культурнай спадчыны ўсё выразней набываюць вагу не толькі ў дачыненні духоўна-культурнай сферы, але і адносна вырашэння пытанняў сацыяльнага, эканамічнага і палітычнага характару. Развіццё суверэннай беларус-

кай дзяржавы патрабуе эфектыўнага канстытуцыйна-прававога рэгулявання аховы гісторыка-культурнай спадчыны. Важным элементам якога з'яўляецца ўдзел грамадскіх фарміраванняў у ахове гісторыка-культурнай спадчыны, забеспячэнні яе выкарыстання ў турыстычнай, адукацыйнай, выхаваўчай, ідэалагічнай і іншай дзейнасці. У гэтым кантэксце можна пагадзіцца з меркаваннем, што грамадскі ўдзел у сферы аховы і аднаўлення гісторыка-культурнай спадчыны ўяўляе сабой прэвентыўны спосаб абароны сацыяльных інтарэсаў, форму ўдзелу грамадзян у кіраванні справамі дзяржавы, сродак выяўлення і ўзгаднення інтарэсаў насельніцтва з іншымі грамадскімі, дзяржаўнымі і прыватнымі інтарэсамі [5, с. 17].

На канстытуцыйным узроўні (артыкулы 15, 54) замацавана, што дзяржава адказная за захаванне гісторыка-культурнай і духоўнай спадчыны, адначасова на кожнага чалавека ўскладаецца абавязак берачы гісторыка-культурную, духоўную спадчыну і іншыя нацыянальныя каштоўнасці [4]. У свой час мы звярталі ўвагу на тое, што тэрмін “духоўная спадчына”, які выкарыстоўваецца ў Канстытуцыі разам з паняццем гісторыка-культурнай спадчыны, не атрымаў свайго асобнага тлумачэння ў заканадаўстве [2, с. 209-210]. Гэта сітуацыя захоўваецца і зараз. У Кодэксе Рэспублікі Беларусь аб культуры ў пункце 1 артыкула 82 прадугледжваецца, што гісторыка-культурная спадчына ўяўляе сабой сукупнасць найбольш адметных вынікаў і сведчанняў гістарычнага, культурнага і духоўнага развіцця народа Беларусі, увабленых у гісторыка-культурных каштоўнасцях [3]. Прыведзенае азначэнне цалкам супадае з паняццем, якое падавалася раней у артыкуле 1 Закона Рэспублікі Беларусь “Аб ахове гісторыка-культурнай спадчыны Рэспублікі Беларусь” (не дзейнічае з 3 лютага 2017 года) [1]. Аналіз яго зместу дае падставы зрабіць выснову аб сумежнасці тэрмінаў “гісторыка-культурная спадчына” і “духоўная спадчына” у дачыненні адметных вынікаў і сведчанняў духоўнага развіцця Беларусі, увабленых у гісторыка-культурных каштоўнасцях. Пры гэтым выразнага азначэння паняцця духоўнай спадчыны, як і раней, у Кодэксе Рэспублікі Беларусь аб культуры не падаецца, нягледзячы на яго канстытуцыйны ўзровень. Адпаведна, па нашаму меркаванню, для забеспячэння аднастайнасці ў межах тэрміналагічнага апарату, правапрымяняльнай практыкі, існуе неабходнасць легальнага вызначэння зместу паняцця духоўнай спадчыны ў межах Кодэкса Рэспублікі Беларусь аб культуры.

Асноўныя правамоцтвы грамадскіх фарміраванняў у дачыненні іх удзелу ў ахове гісторыка-культурнай спадчыны, накіраваныя на забеспячэнне выканання канстытуцыйных палажэнняў, утрымліваюцца ў іншых нарматыўных прававых актах, найперш у Кодэксе Рэспублікі

Беларусь аб культуры, дзе ў артыкуле 15 падаюцца суб'екты ўзаемадзеяння ў сферы культуры [3]. Разам з органамі тэрытарыяльнага грамадскага самакіравання і грамадскімі аб'яднаннямі, пералік такіх суб'ектаў утрымлівае ўказанне, што ў такой якасці выступаюць і іншыя юрыдычныя асобы. Адпаведна да суб'ектаў узаемадзеяння з дзяржаўнымі органамі ў галіне культуры, у тым ліку аховы гісторыка-культурнай спадчыны, могуць быць аднесены ўсе віды грамадскіх фарміраванняў, якія з'яўляюцца юрыдычнымі асобамі, а таксама органы тэрытарыяльнага грамадскага самакіравання, якія могуць і не мець такога статусу.

Асобнае месца ва ўзаемадзеянні грамадскіх фарміраванняў і дзяржаўных органаў займае грамадскі кантроль у сферы культуры, які датычыцца гісторыка-культурнай спадчыны. Так, паводле артыкула 20 Кодэкса Рэспублікі Беларусь аб культуры грамадскі кантроль у сферы культуры ажыццяўляецца ў мэтах забеспячэння выканання патрабаванняў: ахоўных абавязацельстваў; рэжымаў утрымання і выкарыстання зон аховы нерухомых матэрыяльных гісторыка-культурных каштоўнасцей; аб абмежаванні правоў уласніка (карыстальніка) матэрыяльнай гісторыка-культурнай каштоўнасці, землекарыстальніка, на зямельным участку якога размешчана нерухомая матэрыяльная гісторыка-культурная каштоўнасць; аб усталяванні на нерухомых матэрыяльных гісторыка-культурных каштоўнасцях ахоўных дошак; да выканання работ на матэрыяльных гісторыка-культурных каштоўнасцях [3].

Да прыняцця Кодэкса Рэспублікі Беларусь аб культуры і адпаведнай пастановы ўрада, дзейнічала пастанова Савета Міністраў Рэспублікі Беларусь ад 22 кастрычніка 2008 г. [3, 6, 7]. Прадугледжвалася, што ажыццяўленне грамадскага кантролю адбываецца шляхам удзелу прадстаўнікоў рэспубліканскіх грамадскіх аб'яднанняў у складзе грамадскай назіральнай камісіі пры Міністэрстве культуры па ахове гісторыка-культурнай спадчыны. Пры гэтым ажыццяўленне грамадскага кантролю ўскладалася на членаў камісіі. Вылучаць сваіх прадстаўнікоў у склад назіральнай камісіі маглі зарэгістраваныя ва ўстаноўленым парадку рэспубліканскія грамадскія аб'яднанні, мэтайці прыярытэтным накірункам дзейнасці якіх з'яўлялася ахова гісторыка-культурнай спадчыны. Адпаведна суб'ектам, які мае права на грамадскі кантроль з'яўлялася назіральная камісія і толькі апасродкавана (праз сваіх членаў, якія ўваходзілі ў склад камісіі) рэспубліканскія грамадскія аб'яднанні. Тым самым звужаўся пералік грамадскіх аб'яднанняў, якія могуць прымаць удзел у грамадскім кантроле, праз выключэнне міжнародных і мясцовых аб'яднанняў.

У дзеючым заканадаўстве такія абмежаванні не прысутнічаюць (артыкул 20 Кодэкса Рэспублікі Беларусь аб культуры [3]). Грамадскі кантроль у сферы культуры ўскладзены на грамадскія назіральныя камісіі па ахове гісторыка-культурнай спадчыны, якія ствараюцца не толькі пры Міністэрстве культуры, але і пры мясцовых выканаўчых і распарадчых органах абласнога і базавага тэрытарыяльных узроўняў. У склад грамадскіх назіральных камісій па ахове гісторыка-культурнай спадчыны могуць уваходзіць прадстаўнікі грамадскіх аб'яднанняў у сферы культуры, якія займаюцца пытаннямі гісторыка-культурнай спадчыны, разам з прадстаўнікамі дзяржаўных органаў, пры якіх яны створаны. Пры гэтым захоўваецца апасродкаваны характар удзелу грамадскіх аб'яднанняў у грамадскім кантроле праз сваіх прадстаўнікоў, якія ўваходзяць у склад адпаведных камісій.

Падсумоўваючы адзначым магчымасць удасканалвання выкарыстання паняцця духоўнай спадчыны ў заканадаўстве. Для забеспячэння аднастайнасці ў межах тэрміналагічнага апарату, адпаведнай правапрымяняльнай практыкі, можна прапанаваць легальна вызначыць яго змест у межах Кодэкса Рэспублікі Беларусь аб культуры. Па нашаму меркаванню, улічваючы, у тым ліку, значнасць пытання аховы гісторыка-культурнай спадчыны, прысутнічае магчымасць пашырэння кола суб'ектаў, якія вылучаюць сваіх прадстаўнікоў у склад грамадскіх назіральных камісій за кошт іншых відаў грамадскіх фарміраванняў, якія дзейнічаюць у галіне культуры, што ўжо прадугледжана ў дачыненні ўзаемадзеяння з дзяржаўнымі органамі.

1. Аб ахове гісторыка-культурнай спадчыны Рэспублікі Беларусь [Электронны ресурс] : Закон Рэсп. Беларусь, 9 студз. 2006 г., № 98-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.
2. Дашкевіч, А.Л. Грамадскія аб'яднанні і ахова гісторыка-культурнай спадчыны: канстытуцыйна-прававы аспект / А.Л. Дашкевіч // Конституция Республики Беларусь: 16-летний опыт применения. Материалы круглого стола, состоявшегося 15 марта 2010 года на юридическом факультете Белорусского государственного университета / науч. ред. Г.А. Василевич / Белгосуниверситет. – Минск: Право и экономика, 2010. – С. 209–213.
3. Кодэкс Рэспублікі Беларусь аб культуры [Электронны ресурс] : 20 ліп. 2016 г. № 413-З: прыняты Палатай прадстаўнікоў 24 чэрв. 2016 г. : адобр. Саветам Рэспублікі 30 чэрв. 2016 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.
4. Конституция Республики Беларусь [Электронный ресурс]: с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.
5. Мартыненко, И.Э. Взаимодействие институтов гражданского общества региона с государственными органами правоохранения и контроля в сфере историко-культурного наследия / И.Э. Мартыненко // Белорусская политология : многообразие в единстве. Политическое знание в современном социальном и

- образовательном пространстве : тезисы докладов V международной научно-практической конференции, Гродно, 17 - 18 мая 2012 г. В 2 ч. Ч. 2 / Учреждение образования "Гродненский государственный университет имени Янки Купалы" ; ред. кол.: [и др.], В. Н. Ватыль. – Гродно : ГрГУ, 2012. – С. 16–19.
6. О некоторых мерах по реализации Кодекса Республики Беларусь о культуре [Электронный ресурс] : Постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 13 янв. 2017 г., № 25 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.
 7. Об утверждении Положения о порядке осуществления общественными объединениями общественного контроля за исполнением законодательства Республики Беларусь об охране историко-культурного наследия [Электронный ресурс] : Постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 22 окт. 2008 г., №1570 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

Дубатоўка М. А.

КАШТОЎНАСЦІ МІНСКАГА АРХІЕРЭЙСКАГА ДОМА Ў 1812 ГОДЗЕ

Ключавыя словы: гісторыка-культурная спадчына, гісторыка-культурная каштоўнасць, мінскі архіерэйскі дом, 1812 год.

Падчас падзей 1812 года ўся тэрыторыя сучаснай Беларусі была акупавана французскімі войскамі. Горад Мінск не быў выключэннем і зведаў свае страты ад вайны, стаўшы цэнтрам Мінскага дэпартаменту - адміністрацыйна-тэрытарыяльнай адзінкі, створанай французскімі ўладамі на месцы Мінскай губерні падчас акупацыі. Ахвярай канфлікту стала і Мінскае архіерэйскае падвор'е - месца жыхарства праваслаўнага епіскапа, главы Мінскай епархіі. Сакральныя рэчы з царквы на падвор'і, як і на чынным непасрэдна дома архіерэя, выкарыстоўваліся ўдзельнікамі канфлікту па сваім уласным жаданні, а судовыя разбіральніцтвы па гэтай справе цягнуліся чвэрць стагоддзя.

Вывучэннем дзейнасці Мінскага дэпартаменту пачалі займацца яшчэ за часамі Расійскай імперыі [2]. Сёння гэтай тэме прысвечаныя работы як некаторых айчынных [1, 7], так і замежных гісторыкаў [14]. Да пытанняў лёсу сакральнай спадчыны ў французска-рускай вайне 1812 года звяртаюцца нешматлікія айчынныя даследчыкі. Сярод такіх можна вылучыць артыкулы Ю. І. Літвіноўскай [5] і Л. М. Лісавай [3, 6]. У гэтых працах аўтары разглядаюць становішча каштоўных храмавых рэчаў у вайне, аднак даюць агульны агляд пытання без падрабязнасцяў вывазу ці знікнення прадметаў храмавага набыцця. Падзеі ў Мінскім архіерэйскім доме імі таксама закранаюцца, аднак у рэчышчы агульных тэндэнцый лёсу храмаў у 1812 годзе.

Напярэдадні баявых дзеянняў, у красавіку 1812 г. Мінск і Мінская губернія былі далучаны да 1-й ваеннай акругі ў сферы дзеянняў 1-й Заходняй рускай арміі пад кіраўніцтвам М. Барклая дэ Толі. На поўдзень месцілася 2-я Заходняя руская армія на чале з П. Баграціёнам. Пасля ўступлення Вялікай арміі на тэрыторыю Расійскай імперыі ў канцы чэрвеня рускія войскі пачалі адступаць на ўсход. Баграціён накіраваўся на Мінск, спадзеючыся на злучэнне з арміяй Барклая дэ Толі. Напалеон таксама накіраваў ваенны кантынгент маршала Л. Даву на Мінск з мэтай заняць горад раней за суперніка. Як след, на пачатку ліпеня гэты губернскі горад быў прывабным для абодвух бакоў. Аднак першымі ўвайшлі ў Мінск французы [13, с. 404-405].

Пасля пераходу французскіх войскаў праз заходнія межы імперыі Свяцейшы Сінод прадпісаў праваслаўным епіскапам дзейнічаць паводле рашэнняў грамадзянскіх губернатараў. Адпаведна, гэта значыла эвакуяваць царкоўную маёмасць і выязджаць непасрэдна самім святарам з тэрыторыі акупаваных губерній. Пасаду архіепіскапа Мінскага і Літоўскага ў той час займаў Серафім (Глаголеўскі). 24 чэрвеня Серафім артымаў загад ад Мінскага губернатара П. Добрынскага аб выедзе з горада ў Смаленск. Епіскап паспеў сабраць «церковное серебро архиерейской домової церкви, лучшие вещи из архиерейской и братской ризницы». Вывезці астатнія сакральныя рэчы не было магчыма з нагоды адсутнасці неабходнага транспарту [8, с. 118-119]. Пасля епіскап пісаў у Сінод аб тым, што па дарозе частка фурманак была згубленая і разрабаваная вайскоўцамі, якія напаткалі абозы [11, арк. Заб]. Такім чынам, 6 ліпеня расійская адміністрацыя і праваслаўныя святары (за некаторым выключэннем) пакінулі Мінск. Французскія ўлады ўсталявалі ў горадзе сваю адміністрацыю. Губернатарам Мінскага дэпартаменту быў прызначаны М. Бранікоўскі, і некаторыя члены гарадавога магістрата перайшлі пад яго кіраўніцтва [13, с. 405].

Лёс Мінскага архіерэйскага дома ў такіх цяжкіх умовах склаўся няпроста. Пасля пераезду архіепіскапа Серафіма ў доме застаўся іераманах Інакенцій, які займаў пасаду эканома, і два іераманахі Антоній і Яўстрацій. Астатні клір з'ехаў у Слуцк [9, арк. 2аб]. Спачатку дом і фальварак былі занятыя “польскім урадам”: так Інакенцій у сваіх данясеннях Мінскай духоўнай кансісторыі называў акупацыйную адміністрацыю, усталяваную ў горадзе. Губернатар Бранікоўскі з іншымі чальцамі ўрада знаходзіліся ў доме каля 5 тыдняў. Па выхадзе іх з дома эканом хацеў праверыць стан рызніцы і пабачыў, «что замки сбиты, печати оторваны, документы, которые с шафою спрятал в землю, вырыты и разбросаны!» [9, арк. 2]. Пасля ў дом паступіла павестка ад створанай акупантамі паліцыі «с предписанием выехать Иннокентию и монашествующим из дома и о сдаче имения тому, кто от госпо-

дина римско-католических церквей епископа и кавалера Дедерки прислан будет» [9, арк. 2]. Якуб Дадэрка на той момант займаў пасаду мінскага рыма-каталіцкага біскупа. Паводле рашэння гарадской адміністрацыі, Дадэрка пераехаў у былую рэзідэнцыю праваслаўнага архіепіскапа [14, с. 157]. Па прыездзе біскуп забраў у эканомы ключы і пачаў ладзіць свае парадкі, таксама склаў свой вопіс рэчаў, якія былі ў доме і якія зніклі, прымусіўшы манахаў падпісаць яго. Апроч таго, ён запрашаў сваіх людзей (тутэйшых памешчыкаў Буйноўскага, Зага-роўскага і Ляшэвіча), і «они брали что хотели и по своим жилищам уносили» [9, арк. 3].

Такія звесткі маюцца ў данясенні эканомы дома Інакенція, які, паводле загада архіепіскапа Серафіма і Мінскай духоўнай кансісторыі, далажыў аб палажэнні спраў у архіерэйскім доме. У студзені 1813 г. распачынаецца справа аб расследаванні падзей у доме падчас французскай акупацыі. Для правядзення следства першапачаткова быў выкліканы протаіерэй Мінскага Петрапаўлаўскага кафедральнага сабора Васіль Салаўевіч і прыватны прыстаў Захарчанка [12, арк. 4].

Паводле рэгістраў, складзеных іераманахам Інакенціем, вынікае, што рэчы з архіерэйскага дома і падвор'я кралі канкрэтныя асобы. Некалькі карэтаў, шматлікі сталовы посуд (фаянсавы, фарфаравы, срэбраны), сурвэткі, падсвечнікі, гадзіннікі, пярсідскія дываны «забіралі Мінскага повета помещики Турчинский, бывший при польском губернаторе за секретаря, и здешнего городского магистрата лавник Лисовский, городской полиции частной пристав Кустрей, римский ксёндз Жилинский, а при zabrании экипажа был и шляхтич Кондратович, бывший у польского губернатора конюшим. Всё видел проживавший в то время у Речицкого повета нижнего земского суда заседатель Емелиан Фёдорович Буяновский, да также отчасти видел и здешнего 2-го департамента канцелярист Иван Загоровский» [9, арк. 43]. 3 фальварка былі скрадзеныя харчовыя запасы (авёс і іншыя крупы), хатняя жывёла і рознае начынне кшталту бочак, саней, броварныя катлы і іншыя рэчы: «магистратские члены Башинский, Ключинский, выше писанный Лисовский, коморник Бобрович прописанные вещи описывали и забирали в своё ведение, а еврей Шлиома Иделиович с повеления их забрал показанные в сем регистре под номером 1 прописанное жито, да при том находился частный пристав Кустрей; означующиеся под номером 6 дрожки взял с воли прописанных магистратских членов» [9, арк. 43аб-44]. Былы камендант пры новым урадзе Міхайлоўскі забраў падушку з архіерэйскай кафедры, сіні аксамітны пояс, шыты золатам і срэбрам, а таксама драўляную палку з-пад крыжа, аздобленую срэбрам і 12 фаянсавых талерак: «показанные вещи

забрал бывший польский комендант Михайловский, который удалился с неприятелем, оставив жену свою, которая ныне находится у помещицы княгини Ганнапольской, и при ней уповательно оставил и прописанные вещи» [9, арк. 44аб].

Каталіцкі святар Якуб Дадэрка пасля заняцця горада расійскімі войскамі і аднаўлення былой адміністрацыі працягвае жыць у архіерэйскім доме. Паводле рэгістра эканомы, біскуп таксама прысвоіў сабе як прадукты харчавання, так і начынне дома, рызніцы, прытым у вялікіх памерах [9, арк. 9-15, 93-94].

Канцылярыя Мінскага губернскага праўлення, паводле данясення князя А. Галіцына (які на той момант займаў пасаду галоўнага кіраўніка духоўнымі справамі замежных веравызнанняў), дае загад аб тым, каб вышэй названыя асобы вярнулі маёмасць натураю альбо грашыма, «а что из суммы доставать не будет, взять из их имений в полицейский присмотр». Падчас следства ставілася таксама мэта высветліць, ці рабавалі дом па загадзе былога французскага ўрада або самастойна, па ўласным жаданні [12, арк. 8-10].

У маі 1813 г. праваслаўная кансісторыя піша біскупу Дадэрку, што, па рэгістрах вопісаў, архіерэйскі дом знаходзіцца не ў першапачатковым стане, бо «в церкви две стены каменные, на коих прежде утверждался потолок и иконостас вовсе уничтожены, иконостас поставлен вашим преосвященством на одном только деревянном бруссе, утверждённом на двух при стенах поставленных деревянных столбиках, а потому он и ненадёжен»...«в иконостасе нет двух икон с обеих сторон от каменных стен, а места их заставлены теми же досками, на коих прежде были изображены иконы – неискусно, наподобие столбов»...«пол в алтаре составлен почти весь не из целых досок, а из кусков, и то старых и заморанных; в пономарне, где можно было свободно меститься причетникам и другим духовным особам, сделана печь не по пропорции места, так, что она занимает всю почти пономарню...» [9, арк. 238-238аб]. Якуб Дадэрка, як бачна з дакумента, абсталяваў дом на свой густ, а царкву прыстасаваў пад каталіцкі касцёл, перабудоваўшы месца для хора, амвон і іншыя храмавыя элементы па заходняй хрысціянскай традыцыі. І, як след, кансісторыя дасылае яму загад прывесці дом і царкву ў адпаведны стан, пасля чаго пакінуць дом. Аднак біскуп не спяшаўся гэтага рабіць, «только бы Господин Губернатор повелел отвести для него приличный и выгодный дом по предписанию Его Сиятельства» [9, арк. 256аб]. Праваслаўная кансісторыя папрасіла Мінскага грамадзянскага губернатара Добрынскага адшукаць належны дом для біскупа, і ім стаў кляштар бенедыкцінцаў. У рэшце рэшт Дадэрка рапартуе аб тым, што з'ехаў і вярнуў частку

рэчаў у дом, прытым некаторыя з іх былі прынятыя не ў належным стане. Сярод іх былі розных памераў крыжы каштоўных металаў, разнастайная вопратка святароў (некаторая з адарванымі гузікамі), абразы, шафы чырвонага дрэва і іншая мэбля, вазы, талеркі, штофы, званы [9, арк. 225-229]... Спіс уражвае багаццем рэчаў і іх колькасцю. Аднак пасля выезду з архіерэйскага дому Дадэрка напісаў у кансісторыю з патрабаваннем выплаціць яму 40 рублёў за «приделанные им в покоех Вашего преосвященства с фронту двойные окна числом девяти»; грошы яму выплацілі [9, арк. 271].

Тым не менш, ужо ў жніўні 1813 г. протаіерэй Салаўевіч рапартуе аб тым, што справа вядзецца марудна [12, арк. 11]. Не ўся страчаная маёмасць была вярнутая назад, і аб гэтым перыядычна піша праваслаўная кансісторыя ў Свяцейшы Сінод з патрабаваннем следства з боку губернскага праўлення. У красавіку 1814 года Васіль Салаўевіч захварэў, і замест яго для вядзення справы быў назначаны святар Мінскай Кацярынінскай царквы Дзмітрый Заранкевіч [12, арк. 18-19]. Тым жа месяцам А. Галіцын піша ў Санкт-Пецярбург з чарговым данясеннем аб тым, што біскуп Дадэрка вярнуў не ўсе рэчы і не перабудаваў царкву назад пад праваслаўную, і патрабуе ад яго або рэчы вярнуць, або выплаціць 674 рублі 80 капеек срэбрам [9, арк. 473].

Некаторыя поспехі ў следства ўсё ж такі былі. У чальца гарадавога магістрата Антонія Лісоўскага, які браў удзел у рабаванні архіерэйскага дому, быў адшуканы адзін анцімінс (аднак без упрыгажэнняў); эканому Інакенцію даюць заданне паехаць у маёнтak Кухцічы, які належаў падтрымаўшаму акупацыйны ўрад памешчыку Турчынскаму, для пошуку там маёмасці архіерэйскага дома і аранжарэйных раслін, якія таксама былі з дома скрадзеныя [9, арк. 513].

У 1816 г. Якуб Дадэрка з'язджае ў Луцк, і А. Галіцын піша Луцкаму каталіцкаму епіскапу Каспару Цецішоўскаму з патрабаваннем выплаты Дадэркам неабходнай сумы. Сума будзе выплачана біскупам у 1818 годзе [9, арк. 533, 609].

У 1820 г. архіепіскап Мінскі і Літоўскі Анатоль скардзіцца ў духоўную кансісторыю, што «дело о разграблении дому архиерейского около двух лет остаётся без всякого действия», і на працягу наступных гадоў справа амаль не вядзецца. Толькі ў 1828 г. (праз 16 год ад ваенных падзей), пасля таго, як справа шмат разоў перадавалася то ў Мінскую паліцыю, то ў 1-ы дэпартамент Галоўнага суда, то ў Мінскі павятовы суд, Мінскае губернскае праўленне напісала далажэнне ў кансісторыю аб наступным. Было прынята меркаваць, сыходзячы з матэрыялаў следства, што тыя асобы, якія кралі маёмасць архіерэйскага дома, рабілі гэта па загадзе губернатара М. Бранікоўскага і

французаў. Памешчык Лісоўскі і ксёндз Жылінскі былі вызваленыя ад адказнасці за нядоказам злачынства. З астатніх асобаў неабходна спагнаць сумы, эквівалентныя нанесеным стратам [9, арк. 767-769, 775]. Тагачасны эканом архіерэйскага дома Логін спрабаваў абскардзіць рашэнне, упэўнена кажучы, што няма аніякіх доказаў таго, што кралі менавіта па загадзе французаў, бо «всем известно, что французы в управлении гордом и губерней не участвовали», а «правительство состояло из одних поляков и действовало независимо от французов»; маёмасць рабавалі «в свою пользу и делились со своими приятелями» [9, арк. 802-809аб]. Аднак звестак аб тым, ці была разгледжаная скарга эканомы, не прадстаўлена.

Завяршаецца справа лістом 3-га аддзялення ў Свяцейшы Сінод ад 21.04.1837 г. Згодна з ім, пачынаючы ад данясення эканомы Інакенція, нельга дакладна высветліць, хто і што браў з архіерэйскага дома і ў якіх колькасцях. Асноўная адказнасць палягае на тых, «кои ясными уликами и обстоятельствами изоблачены в незаконном присвоении собственности архиерейского дома» [9, арк. 830-831], гэта былы губернатар Бранікоўскі і Міхайлоўскі, якія збеглі за мяжу. Таксама адказнасць падае на прадстаўнікоў судовых органаў, якія зацягвалі вядзенне справы. Астатнія фігуранты справы, якія «всемилоостливейшим манифестом 12 декабря 1812 и 30 августа 1814 годов коими преданы вечному забвению и глубокому молчанию», не могуць быць абвінавачаны ў рабаванні маёмасці дома [9, арк. 831].

Такім чынам, скрадзеныя падчас падзей 1812 года рэчы з архіерэйскага дома, царквы і фальварка былі вярнутыя толькі часткова; большасць начыння знікла. Адміністрацыйныя органы ўлады не былі дужа зацікаўленыя падрабязным разбіральніцтвам гэтай справы, што, магчыма, і спарадзіла такія сумны вынік следства. Тым не менш, сакральнае начынне архіерэйскага падвор'я яшчэ ў перыяд ваенных падзей 1812 года і пасляваенны час лічылася каштоўным і значным, аб чым сведчаць шматлікія спробы праваслаўных святароў дамагацца справядлівага разбіральніцтва на працягу столькіх год. Лёс абразоў, адзення святароў, вытанчанай мэблі, мастацкага сталавага посуду архіерэйскага падвор'я з сённяшніх пазіцый выглядаюць як значныя гісторыка-культурныя каштоўнасці. Адпаведна, гісторыя іх разрабавання ў 1812 г., матывацыя ўдзельнікаў гэтага працэсу, перамяшчэнне акрэсленых прадметаў, спробы іх вяртання ў пасляваенныя дзесяцігоддзі выступаюць як важныя, вартыя пільнай увагі кірункі даследавання.

1. Вилейко, С. Л. Обстановка в белорусских губерниях в период войны 1812 г. / С. Л. Вилейко // Войны XIV–XX вв. в судьбах белорусского народа : сборник научных статей Международной научно–практической конференции, Минск, 4 декабря 2014 г. / Бел. нац техн. ун–т ; Воен. акад. МО РБ ; редкол.: В. А. Божанов [и др.]. – Минск : БГАТУ, 2015. – С. 94–103.
2. Краснянский, В. Г. Минский департамент Великого княжества Литовского / В. Г. Краснянский. – СПб, 1902. – 68 с.
3. Лисова, Л. Об ущербе, нанесенном памятникам архитектуры Менска и Менской губернии во время войны 1812 г. (по документам Национального исторического архива Беларуси) / Л. Лисова // Каштоўнасці мінуўшчыны: праблемы зберажэння гісторыка–культурнай спадчыны Мінска : матэрыялы канф., Мінск, 12 лістап. 1997 г. / пад агул. рэд. С. В. Марцэлева. – Мінск, 1998. – С. 117–125.
4. Литвиновская, Ю. И. Тенденции в настроениях дворянства Беларуси накануне войны 1812 г. / Ю. И. Литвиновская // Працы гістарычнага факультэта БДУ : навук. зб. Вып. 6 / рэдкал.: У. К. Коршук (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БДУ, 2011. – С. 59–66.
5. Литвиновская, Ю. И. Восстановление позиций Православной церкви в Беларуси после войны 1812 г. / Ю. И. Литвиновская // Працы гістарычнага факультэта БДУ : навук. зб. Вып. 5 / рэдкал.: У. К. Коршук (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БДУ, 2010. – С. 81–91.
6. Лісава, Л. М. Становішча цэркваў пасля вайны 1812 г. / Л. М. Лісава // Памяць: Гіст.–дакум. хроніка Мінска. У 4 кн. Кн. 1-я. – Мн. : БЕЛТА, 2001. – С. 409–410.
7. Лютых, С. А. Минск во время войны 1812 г. / С. А. Лютых // Сборник работ 65-ой научной конференции студентов и аспирантов Белорусского государственного университета. В 3 ч. Ч. 1. – БГУ, 2008. – С. 95–98.
8. Мельникова, Л. В. Русская православная церковь в Отечественной войне 1812 года / Л. В. Мельникова ; Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории. – Москва : Изд. Сретенского монастыря, 2002. – 238 с.
9. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). – Ф. 136. Воп. 1. Спр. 2857 Дело о расхищении во время неприятельского нашествия разными лицами имущества Минского архиерейского дома.
10. НГАБ. – Ф. 136. Воп. 1. Спр. 2858 Дело о получении и исполнении консисторией, архиерейским домом, духовными правлениями и монастырями указа Синода о представлении сведений о понесённых убытках во время отечественной войны 1812 года.
11. НГАБ. – Ф. 136. Воп. 1. Спр. 2855 Дело об оказании Синодом материальной помощи Минскому архиерейскому дому в связи с убытками при эвакуации во время Отечественной войны 1812 года.
12. НГАБ. – Ф. 299. Воп. 2. Спр. 236 Дело о расследовании хищений из Минского архиерейского дома во время нашествия Наполеона 1 на Россию в 1812 году.
13. Памяць: Гіст.–дакум. хроніка Мінска. У 4 кн. Кн. 1-я. – Мн. : БЕЛТА, 2001. – 576 с.
14. Постникова, А. А. Минск в 1812 году: между Россией и Францией / А. А. Постникова // Запад, Восток и Россия: Вопросы всеобщей истории. – 2017. – Вып. 19 : Исторический опыт межкультурного диалога. – С. 148–162.

Зімніцкі А. А.
ПРАБЛЕМЫ І ПЕРСПЕКТЫВЫ ДАСЛЕДАВАННЯ
ЗБОРУ ЗАСЦЕРАГАЛЬНАГА ЁЗБРАЕННЯ XVI–XVII СТСТ.
У КАЛЕКЦЫІ «ВАЙСКОВАЕ АБМУНДЗІРАВАННЕ І РЫШТУНАК»
НАЦЫЯНАЛЬНАГА ГІСТАРЫЧНАГА МУЗЕЯ РЭСПУБЛІКІ БЕЛАРУСЬ

Ключавыя словы: засцерагальнае ўзбраенне, XVI–XVII стст., Нацыянальны гістарычны музей Рэспублікі Беларусь, калекцыя «Вайсковае абмундзіраванне і рыштунак», зброя.

Фонды Нацыянальнага гістарычнага музея Рэспублікі Беларусь (далей – НГМ РБ) на дадзеным этапе налічваюць каля 350 адзінак агнястрэльнай зброі і яе частак, больш за 1600 боепрыпасаў і каля 500 узораў халоднай зброі. Істотнае месца сярод больш чым 1600 арт-эфактаў калекцыі “Вайсковае абмундзіраванне і рыштунак” займае таксама і збор засцерагальнага ўзбраення. Пад апошнім маецца на ўвазе савакупнасць матэрыяльных сродкаў, прызначаных для абароны ваяра ад паражэння зброяй праціўніка [5, с. 75; 10, с. 73]: баявыя нагалоўі (шлемы), прыкрыцці тулава і канечнасцей (даспехі), шчыты і элементы конскага даспеху як дадатковыя часткі абароны кавалерыста. Храналогія збору абмяжоўваецца XVI–XVII стст., бо на дадзеным этапе ў гэтай калекцыі не выяўлена элементаў засцерагальнага ўзбраення ранейшых за XVI ст. Варта адзначыць, што такія элементы захоўваюцца ў археалагічнай калекцыі музея, куды яны трапілі бо маюць археалагічнае паходжанне, аднак іх даследаванне вартае асобнага артыкулу. XVII ст. як верхняя храналагічная мяжа збору абумоўлена больш гістарычнымі фактарамі, ключавы з якіх – завяршэнне “эпохі даспехаў”. Менавіта ў гэты перыяд назіраецца паступовая мінімізацыя засцерагальнага ўзбраення на целе жаўнера, поўны, ці частковы даспех перастае быць неад’емным атрыбутам ваяра як баявой адзінкі і паступова выходзіць з ужытку [4, с. 156–162].

У межах агульнага агляду гісторыі збору, можна адзначыць што, першыя элементы даспехаў былі перададзеныя у фонды музея ў красавіку 1957 г., літаральна праз некалькі месяцаў пасля стварэння арганізацыйнай групы для правядзення падрыхтоўчых работ па адкрыцці Беларускага дзяржаўнага гісторыка-краязнаўчага музея (фактычнага аднаўлення дзейнасці музея ў пасляваенны перыяд) [7, с. 13]. Цягам 1957–1963 гг. быў сфармаваны асноўны прадметны масіў збору – 103 адзінкі захоўвання. Асноўнай формай паступлення з’яўляліся перадачы з іншых музеяў – 98 адзінак з 1957 па 2019 гг. За той жа перыяд найбольшую колькасць прадметаў перадаў Беларускі дзяржаўны музей гісторыі Вялікай Айчыннай вайны (далей –

БДМГВАВ) – 64 адзінкі. Найбольш значныя яго перадачы: 1957 г. – 26 адзінак і 1962 г. – 30 адзінак; кальчуга КП 2359 прыйшла з БДМГВАВ праз Кобрынскі ваенна-гістарычны музей імя А. В. Суворова; апошняя перадача – фрагмент ад шлема КП 56595 у 2019 г. Першыняства БДМГВАВ сярод асноўных фундатараў збору засцерагальнага і іншых відаў узбраення і рыштунку было абумоўленае тым, што ў першыя пасляваенныя гады толькі БДМГВАВ меў магчымасці для захавання экспанатаў для будучага гістарычнага музея, у т.л. і прадметаў з даваенных калекцый Беларускага дзяржаўнага музея (далей – БДМ) [12, с. 63–64]. Сярод іншых буйных здатчыкаў таксама варта адзначыць Дзяржаўны Эрмітаж і Гродзенскі гісторыка-археалагічны музей.

Ключавымі ўзаемазвязанымі праблемамі, якія паўстаюць перад даследчыкамі збору, з’яўляюцца: вызначэнне яго межаў і ўдакладненне колькасці артэфактаў.

Першая праблема вынікае з няпэўнай атрыбуцыі прадметаў, якая пазначана ў дакументацыі музея. Наш адбор праводзіўся на аснове ключавых дакументаў музейнага ўліку – Кніг паступленняў прадметаў НГМ РБ, аднак часта атрыбуцыя артэфактаў нават ў гэтых кнігах выглядае досыць размыта, як напрыклад: нумар КП 6099 “Даспехі рыцарскія. 30 адзінак.” (тут і далей – перакладзена з рускай на беларускую мову аўтарам). Прычынамі такой абагульненасці і адсутнасці індывідуальнай атрыбуцыі кожнага прадмета маглі быць: хуткасць фармавання фондаў музея і немагчымасць даследавання кожнага прадмета асобна, адсутнасць адпаведных спецыялістаў ці сродкаў для атрыбуцыі і шмат іншых. Таксама добрай ілюстрацыяй узроўню даследаванасці з’яўляецца той факт, што вялікая колькасць элементаў даспехаў пры фармаванні калекцыі была аднесена да навукова-дапаможнага фонду, хаця самі прадметы не маюць ніякіх прыкмет неарыгінальнасці.

На дадзеным этапе колькасць цэлых элементаў, а таксама асобных частак засцерагальнага ўзбраення можна акрэсліць ў больш чым 100 адзінак захоўвання. Сярод ключавых прычын, якія перашкаджаюць вызначэнню рэальнай колькасці гэтых артэфактаў, можна назваць праблему суаднясення саміх прадметаў з іх дакументальным адлюстраваннем у Кнігах паступлення нашага музея, а таксама ў дакументацыі папярэдніх устаноў-захавальнікаў. З моманту ўтварэння збору адзначаліся адзінкавыя спробы ўдакладнення колькасці некаторых (у асноўным парных) артэфактаў і наданне ім дробавай нумарацыі, аднак да гэтага часу фактычна “не разабранымі” застаюцца такія масівы артэфактаў як НД 2497 “Розныя дэталі рыцарскіх даспехаў” (афіцыйная колькасць – 21 прадмет); КП 5258 “Латы рыцарскія. Заходняя Еўропа (для рук, ног, шыі і інш.)” (афіцыйная колькасць – 19 прадметаў), КП 6099 “Даспехі рыцарскія” (афіцыйная колькасць –

30 прадметаў). Іх рэальная колькасць, па меркаванні аўтара і яго папярэднікаў на пасадзе захавальніка калекцыі, складае: каля 26, каля 80 і каля 36 адзінак захоўвання адпаведна. Фактычна з моманту свайго паступлення ў 1957–1962 гг., гэтыя даспехі так і не былі ўпарадкаваныя і вывучаныя, т.б. яны захоўваліся ўмоўным комплексам пад адным нумарам, без атрыбутацыі і прысваення асобнага дробавага нумару кожнаму з прадметаў. За амаль шэсцьдзесят год захоўвання, пасля ўсіх пераездаў фондаў музея, сцёрліся нават тыя нумары, якія былі на прадметах, а біркi з імі пагубляліся. Да таго ж, шэраг элементаў захоўваецца ў разабраным стане, хаця, верагодна, паступалі яны як цэльныя прадметы.

Росшук і суаднясенне рэальных прадметаў з іх дакументальным адлюстраваннем у кнізе паступленняў маглі б быць аблегчаныя за кошт прыцягнення атрыбуцый і памераў прадметаў, пазначаных у актах выдачы-прыёма і дакументацыі папярэдніх устаноў-захавальнікаў. Аднак і тут не ўсё так проста. Добра ілюструе гэту сітуацыю прыклад з прадметам НД 2494 “Даспехі рыцарскія – нагрудніка частка”, які перадаваўся разам з “праблемным” нумарам НД 2497. З акта № 560 ад 03.04 1957 г. можна даведацца нумар, пад якім гэтая частка нагрудніка захоўвалася ў БДМГВАВ – 2268. Гэты ж нумар захаваўся на самім прадмеце, што папярэдне дазваляе быць упэўненым у тым, што гэта менавіта той прадмет, які перадаваўся згодна дакументам. У сваю чаргу, пад гэтым нумарам у “Кнізе паступленняў №2 (БДГМ)”¹ мы знаходзім запіс: “Даспехі рыцарскія – нагрудніка частка. № па вопісу 3964. Жалеза. 45 см. Іржавае. 20 рублёў.” У “Акце і вопісе музейных экспанатаў, вярнутых ў СССР з Германіі” [1], да якога адсылае кніга паступленняў і нумар 3964, пазначана: “Нагруднік жалезны, БДМ. Жалеза. Даўж. 35 см Пашкоджаны. 20 рублёў.” Ужо на этапе супастаўлення двух гэтых запісаў відавочныя супярэчнасці як у атрыбуцыі, так і ў памерах прадмета. Больш яўнымі яны становяцца пасля даследавання самога артэфакта, які фактычна з’яўляецца не часткай нагрудніка, а задняй часткай абойчыка – металічнага каўнера ў выглядзе адной, альбо некалькіх рухомых злучаных пласцін, якія абаранялі горла і верхнюю частку грудзей [9, с. 264]. У той жа час, гэта ведаем мы, маючы пэўны вопыт і стос літаратуры, чаго, магчыма, не меў той музейшчык, які вызначаў атрыбуцыю гэтага прадмета ў сярэдзіне XX ст. Даваў ён яе, верагодна, уявіўшы да якой часткі цела гэты элемент мог падыходзіць ці анатамічна падобны, і ў шырокім сэнсе, звязаўшы яго з

¹Асобныя кнігі паступленняў якія вяліся супрацоўнікамі БДМГВАВ для прадметаў, што павінны былі паступіць у фонды будучага Беларускага дзяржаўнага гістарычнага музея (БДГМ). Зараз гэтыя кнігі захоўваюцца ў архіве БДМГВАВ.

грудзьмі, ён усё ж меў рацыю. Аднак агулам, дадзены выпадак змушае больш асцярожна адносіцца да атрыбуцый прадметаў пазначаных ва ўліковай дакументацыі музеяў. Падобным жа чынам выглядае сітуацыя і з памерамі прадмета. Калі ў вопісе 1948 г. хаця б пазначана, што 35 см. – гэта даўжыня, то ў кнізе паступленняў невядома, які замер (даўжыня, шырыня, дыяганаль?) раўняўся 45 см., ці, магчыма, гэта ўвогуле была апіска ў лічбах 3/4. Рэальная ж даўжыня прадмета па ніжнім краі 32,3 см. Таксама варта ўлічваць, што ў іншых прадметах на дадзены момант можа не хапаць нейкіх частак, якія прысутнічалі на момант замераў.

Такім чынам, нават маючы поўны стос уліковай дакументацыі музеяў адносна пэўнага масіву артэфактаў, дзе пазначаная атрыбуцыя, іх памеры і іншыя прыкметы, гэта не гарантуе нам лёгкага вызначэння ўліковага нумару таго ці іншага прадмета.

Падагульняючы, можна адзначыць, што пры вырашэнні першасных, “унутрымузейных” праблем даследавання засцерагальнага ўзбраення ў фондах НГМ РБ варта ўлічваць наступныя нюансы:

- атрыбуцыя і колькасць прадметаў, пазначаная ва ўліковай дакументацыі музея, патрабуе ўдакладнення (асабліва гэта датычыць масіваў НД 2497, КП 5258, КП 6099), але ў працэсе гэтага ўдакладнення варта памятаць, што паасобныя прадметы зараз, маглі быць адным прадметам на момант паступлення;
- пры супастаўленні прадметаў з іх адлюстраваннем у дакументацыі варта асаблівую ўвагу надаваць росшуку на прадмеце захаваўшыхся ўліковых нумароў;
- пры вызначэнні рэальнай атрыбуцыі артэфакта, яго памераў і асаблівых прыкмет варта ўлічваць, як гэта ўсё магло інтэрпрэтавацца папярэднімі музейшчыкамі і адпаведна адлюстроўвацца ў дакументацыі.

У той жа час, ужо на дадзеным этапе даследавання збору можна акрэсліць і некаторыя перспектывыя накірункі для далейшай працы. Акрамя вырашэння вышэйазначаных “унутрымузейных” праблем, звязаных з удакладненнем атрыбуцыі і колькасці прадметаў, да гэтага часу застаецца недапісаным і іх правенанс. Напрыклад, згаданы вышэй “Акт і вопіс музейных экспанатаў, вярнутых ў СССР з Германіі” адсылае нас да даваеннага захавальніка многіх даспехаў – БДМ. Апошні, працуючы ў 20–30-х гг. пад рознымі назвамі [2, 3, 8], фактычна заклаў аснову фондаў будучага НГМ РБ [6, с. 63; 7 с. 14]. У сваю чаргу, вывучэнне спадчыны БДМ падводзіць нас да перспектывы зброязнаўчага даследавання асобных экзэмпляраў і цэлых калекцый узбраення, якія верагодна вядуць сваё паходжанне з тэрыторыі Беларусі [11, с. 119]. Адным з прыватных пацверджанняў гэтай тэзы з’яўляецца вы-

яўленне ў калекцыі НГМ РБ (у масіве трох вышэйазначаных “праблемных” нумароў) элементаў даспехаў, якія верагодна паходзяць са збораў зброі і даспехаў Нясвіжскага палаца Радзівілаў, што пацвярджаецца адпаведнымі пломбаў на прадметах. Сярод ахоўнага ўзбраення ў зборах НГМ РБ таксама можна вылучыць і шэраг тэматычных комплексаў, кшталту: даспехі XVI ст. для кавалерыста і каня, гусарскія даспехі XVI–XVIII стст., альбо даспехаў наватвораў XIX ст., якія з’яўляюцца элементам тагачаснай моды на арыенталізм. У перспектывах экспазіцыйнай дзейнасці яны могуць заняць (а гусарскія даспехі ўжо займаюць) сваё належнае месца ў залах музея, раскрываючы тыя ці іншыя аспекты мілітарнай культуры.

1. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь. – Ф. 790. Воп. 1. Спр. 69.
2. Бамбешка, І. І. Камплектаванне фондаў Беларускага дзяржаўнага музея ў 1920-я гг. / І. І. Бамбешка // Музейны веснік / Нацыянальны музей гісторыі і культуры Беларусі. – Мінск, 2005. – Вып. 2. – С. 10–17.
3. Бамбешка, І. І. Мінскі абласны музей. Гісторыя стварэння і дзейнасці (20.01.1919 – 31.08.1923) / І. І. Бамбешка // Музейны веснік / Нацыянальны музей гісторыі і культуры Беларусі. – Мінск, 2003. – Вып. 1. – С. 5–10.;
4. Блэр, К. Рыцарскія доспехі Еўропы. Універсальны обзор музейных каллекцый / К. Блэр ; пер.с англ. Е. В. Ламановой. – М. : ЗАО Центрполиграф, 2008. – 256 с.
5. Бохан, Ю. М. Узбраенне насельніцтва беларускіх зямель у XIV–XVI стагоддзях / Ю. М. Бохан. – Мн. : Беларусь, 2012. – 151 с.
6. Гужалоўскі, А. А. Музеі Беларусі (1941–1991 гг.) / А. А. Гужалоўскі. – Мінск : НАРБ, 2004. – 192 с.
7. Калымага, Н. Нацыянальны музей гісторыі і культуры Беларусі: камплектаванне музейнага збору ў 1957–1967 гг. / Н. Калымага, А. Ладзісаў // Музейны веснік / Нацыянальны музей гісторыі і культуры Беларусі. – Мінск, 2008. – Вып. 4. – С. 13–17.
8. Ксяневіч, Ю. Структура Беларускага дзяржаўнага музея ў 20–30-я гг. XX ст. / Ю. Ксяневіч // Музейны веснік / Нацыянальны музей гісторыі і культуры Беларусі. – Мінск. – 2005. – Вып. 2. – С. 5–10.;
9. Нясвіж. Палацава-паркавы ансамбль. Збор зброі і даспехаў. Кніга-альбом. / тэкст С. Егарэйчанка, фотаздымкі, мастацкае афармленне А. Аляксееў, А. Лукашэвіч, уступны артыкул А. Паўлоўскі – Мінск : А. Аляксеў, 2017. – 272 с.
10. Плавінскі, М. А. Узбраенне беларускіх земляў X–XIII стагоддзяў / М. А. Плавінскі. – Мн. : Галіяфы, 2013. – 106 с.
11. Стрельченко, А. Позднесредневековый меч из собрания Национального исторического музея Республики Беларусь / А. Стрельченко, Д. Шляхтин // Acta archaeologica Albaruthenica: навуковае выданне / укладальнікі: М. А. Плавінскі, В. М. Сідаровіч. – 2010. – Vol. 6. – С. 119–122.
12. Шляхцін, Дз. 3 гісторыі фарміравання ваенна-гістарычных калекцый Нацыянальнага музея гісторыі і культуры Беларусі ў канцы 1950-х – першай палове 1960-х гг. / Дз. Шляхцін // Музейны веснік / Нацыянальны музей гісторыі і культуры Беларусі. – Мінск, 2008. – Вып. 4. – С. 63–66.

Кляповская А. А.
ОБЩИЕ ТРАДИЦИИ КОСТЮМА СВАХИ
НА БЕЛОРУССКО-УКРАИНСКОМ ПОЛЕСЬЕ

Ключевые слова: костюм свахи, общие традиции, головной убор с перьями, Полесье, белорусско-украинское пограничье.

На Полесье в пограничной зоне Беларуси и Украины сформировался красочный свадебный костюм свахи, который бытовал до середины XX в., и не потерял значения маркера местной культуры региона и в наши дни. Согласно историко-этнографическому районированию Полесья украинские исследователи северные районы Волынской, смежные северо-западные районы Ровенской областей и белорусские – южные районы Брестской области относят к Западному Полесью, которое разделено государственной границей между Беларусью и Украиной [7, с. 33; 2, с. 353]. Вместе с тем Западное Полесье в различных украинских научных изданиях имеет название – Волынское Полесье [4, с. 7]. На Беларуси традиция выделения специальным нарядом участниц свадебного обряда широко использовалась в зоне Западного Полесья: сс. Повитье и Леликово Кобринского района, сс. Радостово, Рожное, Сварынь Дрогичинского района Брестской обл. [2, с. 357; 5, с. 88]. Аналогичный строй распространен на Украине – сс. Речица, Самары, Залухов, Орехово, Воля Щитинская Ратновского, сс. Березичи, Невир Любешовского районов Волынского Полесья [1, с. 17; 7, с. 33].

Исследование народного костюма Полесья проводилось белорусскими учеными М. Винниковой [2], О. Лобачевской [5], М. Романюком [8], а на Украине – И. Артушевской [1], О. Косьминой [4], Л. Пономар [7] и др. На Беларуси традиции леликовской свадьбы впервые описаны этнографом С. Барыс в 1980 г. и размещено в журнале «Помнікі гісторыі і культуры Беларусі» фото М. Трубчик из с. Леликово Кобринского района в традиционном «касцюме свацці» [5, с. 88]. Регионализация и локализация народного костюма Беларуси была осуществлена М. Романюком. Им выделены основные белорусские варианты народного костюма – «строі», один из которых малоритский строй, распространен на Малоритском, юге Кобринского районов Западного Полесья. М. Романюк охарактеризовал «касцюм свацці» как малоритский строй Западного Полесья [8, с. 306]. Как свадебный костюм свахи Кобринского и Дрогичинского районов Беларуси, традиция которого имеет продолжение на территории Ратновского и Любешовского районов Украины исследовала М. Винникова, а также осуществила научную реконструкцию способа ношения его головного убора с наметкой на основе изучения музейных предметов, архивных и полевых материалов [2]. Строй «свахі» и «сва-

шак» на Полесье как явление культуры белорусско-украинского пограничья проанализирован в публикации О. Лобачевской, в которой уточнено его название, локализация и семантика головного убора с птичьими перьями [5]. На Беларуси в 2018 г. строй свадебной свахи включен в Государственный список историко-культурного наследия Беларуси от Брестской области под названием «Традыцыя вырабу і выкарыстання строю Лелікаўскай свахі Кобрынскага раёна» [5, с.88]. Признаки наряда «свашок» в ритуале полесской свадьбы на Украине рассмотрены И. Артушевской [1]. Знаковые функции в обрядовой культуре украинцев изучены Л. Пономар, в частности, выделен головной убор «свашок» Ратновского района Волынской обл. [7]. На Украине «обрядове вбрання весільної «свашки» Ратновского района Волынской обл. восстановлено по оригинальным образцам из музейных фондов общественной организацией «Центр дослідження і відродження Волині», под руководством В. Дзьебака.

Цель исследования – выявить общие художественные традиции обрядового строя свадебной свахи на белорусско-украинском пограничье Полесья.

Белорусский и украинский свадебный костюм свахи имеет много общего. Ему характерно сорочка, юбка («хвартух», «фартух»), фартук («затулка», «притулка» (укр.), пояс («крайка»). Его особенностью был многокомпонентный головной убор – волосы укладывали на обруч для завивания волос («каробачка» (бел.), «кибалка» (укр.), сверху на него навивали наметку («плат», «кібалка»), поверх которой надевали шапочку-корону («брижи» (укр.), «брыжы», «брыжэ», «брэжэ», «карона» (бел.), украшенную разноцветными лентами, бисером и бусами, по бокам повязки укреплялись два пучка петушиных перьев, окрашенных в разные цвета [2, с. 358]. Все составляющие строя дополняли друг друга, выделялись яркостью цвета, подчеркивая статность и динамичность облика женщины. На Беларуси и Украине он широко применялся в 1930-1960-е гг.

В публикациях посвященных белорусскому народному костюму, встречаются разные его названия: «строй свахі», «убор свахі», «касцюм свацці», «строй лелікаўскай свахі», а на Украине – «вбрання свашки», «стрій з крамніни», «стрій свахи». В свадебном обряде сват (svatъ – свой, родственник) выступает как термин родства. Сваты – название родителей и родных одного из новобрачных по отношению к родителям другого жениха, главы каждого из вступающих в родство семейств, которые становятся между собой присущими по браку, свояками [3, с. 143]. В белорусском и украинском языках слова «свацця», «сваха» и «свашка» синонимичны, так называли, женщину, которая сватала жениху невесту и жениха невесте; мать мужа в отношениях к матери жены. На белорусско-украинском Полесье свахами были женщины: сестры, двоюродные сестры, незамужние тетки из рода жениха, которые хорошо пели и выступали посредниками в переговорах о выдаче невесты замуж. На свадьбе

была старшая сваха, которая руководила свадебным обрядом, и «свашки» («свашкі» бел.) – молодые женщины, не имевшие детей («молодиці до року» укр.), и даже девочки-подростки из рода жениха. В свадебном поезде сс. Повитье и Леликова Кобринского района свах могло быть не меньше пяти-семи, а на Волынском Полесье – 4-6, реже 8 и 10-20, все были абсолютно одинаково одеты. Богатый жених на леликовской свадьбе приглашал не менее 15 и даже 30-40 свах [6, с. 89].

Полесский ареал бытования строя свадебной свахи поделен государственной границей между Беларусью и Украиной. При этом села Кобринского и Дрогичинского районов Брестской обл. и села Ратновского и Любешовского районов Волынского Полесья расположены недалеко исторически связаны между собой. В частности, с. Повитье Кобринского района находится в 12 км от с. Воля Щитинская Ратновского района Волынского Полесья, которое, в свою очередь, от с. Радостове Дрогичинского района Брестской обл. отделено только Белоозерским каналом. В прошлом эта территория входила в единые государственно-административные образования – Дивинская волость Брестского уезда Великого Княжества Литовского (XVI в.), Ратновский уезд Королевства Польского (XVII в.), Хомская земля Речи Посполитой (XVIII в.), Леликовская волость Ковельского уезда Волынской губернии Российской империи (XIX в.), Леликовская гмина Камень-Каширский уезда (1921-1926 гг.) и Кобринского уезда (1926-1939 гг.) Полесского воеводства Польши в межвоенное время XX в. В период СССР территория была разделена между БССР и УССР, однако при отсутствии реальной границы исторически установленные культурные, социально-экономические и матримониальные связи населения не прерывались [5, с. 88-89]. Исторически единственная в этнокультурном плане локальная территория была фактически расчленена только в 2013 г. при демаркации государственной границы между Беларусью и Украиной. Это свидетельствует о длительном взаимодействии культур контактирующих белорусов и украинцев, что могло повлиять на формирование в данной зоне Полесья общего костюмного комплекса.

С середины XIX века территория Полесья была включена в процесс социально-экономических преобразований: прокладка дорог и железнодорожных магистралей (с 1882-х гг. Полесские железные дороги), развитие ремесленно-промышленной деятельности способствовали быстрому экономическому развитию региона и обусловили трансформацию народного костюма. В конце XIX – начале XX вв. в народном костюме на Западного Полесья происходит замена домотканых полотен фабричными тканями. На белорусско-украинском Полесье предметы костюма свахи шились из покупных хлопчатобумажных тканей (рипс, перкаль) и украшались аппликацией из цветного сатина [1, с. 17; 2, с. 357]. Сорочка была поликового кроя, с прямыми плечевыми вставка-

ми, пришитыми по утку, отложным воротником или воротником-стойкой и манишкой («маніжкою» укр.). Как застежку для воротника, кроме цветной ленты на Полесье использовали «шпонку» («спінку») – металлическое украшение в виде двух кружочков, соединенных штифтиком. Длинные рукава присобирали внизу в мелкую сборку-складку и оформляли манжетами, которые застегивались на пуговицы. Длина сорочек смежных районов Волынского Полесья и Брестской обл. была до колен, а с 1920-1930-х гг. укоротилась – до пояса. А. Косьмина это связывает с тем, что в отличие от других культурных регионов Полесья, здесь не носили незшивной поясной одежды, рубашка не выглядывала из под нее [4, с. 8]. Такой крой сорочек характерен для восточных славян. Сорочка гармонично сочеталась с юбкой-«хвартухом» из фабричных тканей, которая прикрывала нижнюю часть фигуры. С начала XX в. она укорачивается – до колен. Моделирование по фигуре осуществлялось за счет выполненной сверху сборки, пришитой к поясу, с помощью которого юбка крепились на талии, где он впереди переходил в застежку. На Волынском Полесье женщины часто покупали фабричное полотно, которое шилось не вдоль по основе, а в поперек. Поэтому она имела только один шов, а такой способ пошива назывался «кружник», то есть по кругу, имела название: «спідниця-кружник». Передняя ее часть обязательно была прикрыта фартуком, который шился из одного полотна ткани, на поясе был собран в складки. Часть полотняной юбки часто не декорировалась, так как закрывалась фартуком.

Общей традицией оформления костюма является на белом фоне нашитая тканевая аппликация из гладких и волнистых полос красного, синего, зеленого цвета разной ширины, а также использование вышивки ручной работы и орнаментальной машинной строчки. В цветовом решении орнамента изменилась пропорция белого цвета, увеличилось количество красного цвета и его оттенков, черный, синий и зеленый цвета приобрели самостоятельное звучание. Осталась традиционная структура размещения декора на костюме. Сорочку украшали по всему полю рукава, на манжетах, воротнике и на манишке. Рубашку в с. Леликово Кобринского района называли «нашыта», так как декор нашивался. На белорусско-украинском Полесье полосатый узор на рукавах назывался «барабани». На Волынском Полесье в декоре сорочки соединялись ткачество и аппликация разноцветной фабричной тканью, которые размещались на манишке, кроме этого между цельно тканными красными полосами на рукавах дополняли узкими зелеными полосками [4, с.9]. В виде аппликаций полосами украшали белую полотняную юбку и фартук на поясе, по всему фону или орнаментальная композиция сосредотачивалась на подоле. Фартук по низу украшался покупным кружевом. Общей чертой является орнаментальный узор «вочы» (бел.), «вочи»

(укр.) – аппликационные нашивки с темно-красной или бордовой ткани в виде непрерывной полосы округленных ромбов с прорезями, в которых на белом фоне полотна черными, синими, зелеными или желтыми нитями вышивали звездочки [3, с. 358]. Такой узор нашивался на плечевые вставки, рукава и манишку сорочки, а также на подол фартука, на белом фоне обшивали («козлік» бел., «козлик» укр.) черными или красными нитками. На Беларуси такой декор в народной лексике имеет названия: «волові очы», «глазкі» [5, с. 89]. На Волынском Полесье белый фартук с таким декором имел название «затулка з очима» [1, с. 18]. В с. Леликово Кобринского района М. Винникова зафиксировала объяснение его декоративного оформления: «Касцюм свацці шылі з вачыма, бо яна кіруе вяселлем і ўсё павінна бачыць» [2, с. 358]. Существует и другое толкование орнамента. «Вочы» («вочи» укр.) были необходимы не только свахе, но и молодым. Декор нес в себе береговую семантику от сглаза, и чем больше глаз на свахе тем больше защита. В комплект костюма также входил полосатый тканый пояс с кистями – «крайка».

Характерной общей чертой свадебного строя свахи белорусско-украинского Полесья – эффектный многокомпонентный головной убор. Он состоял из твердой основы – лубяного (из липовой коры) каркаса в виде овально-конической, приплюснутого спереди обруча («каробачка» (бел.), «кибалка» (укр.), надевался на прическу [2, с. 360]. Поверх деревянного обруча завязывали наметку («плат», «кібалка») – рушничкоподобный, изготовленный из полотнища белой хлопчатобумажной ткани. Поперечные стороны украшены аппликацией из полос бордовой, синей и черной ткани на концах («плашкамі»), обшитый узким хлопковым кружевом белого цвета. На Брестчине размеры плата – 230 см длина, 44 см ширина, а на Волынском Полесье – 250 см длина и 47 см ширина. Наметка накладывалась на коробочку в расправленном виде и пропускалась под бородой, распущенный конец над правым виском перекидывался на спину и висел углом над левым плечом, сзади посередине распускали сложенный конец [5, с. 90]. Поверх завитой наметки накладывалась и завязывалась сзади шнурками пестрая шапочка-корона («брижи», брижі (укр.), «брыжы», «брыжэ», «брэжэ» (бел.) – главное украшение в виде дугообразной, что расширяется кверху налобной повязки, изготовленной из гофрированной бумаги или льна, украшенной нашитыми разноцветными полосками ткани или лент, собранными в мелкие складки, бисером и бусами с прикрепленными сзади шелковыми лентами. Она плотно охватывают наметку поверх коробочки и фиксируется сзади пришитыми к нему завязками, выше – пуговицей и кнопкой. На белорусско-украинском Полесье повязка в разложенном виде имела длину по верху – 64 см, длину по низу – 48-50 см; ширина посередине – 9,5-10 см, ширина на концах – 8,5 см [1, с.17; 2,

с. 360]. Вверху по бокам головного убора, в виде рожков, укреплялись два пучка разноцветных перьев из хвоста петуха («пава», «кокоші» (бел.), «кокошиці» (укр.), которые закреплялись на внутренней стороне повязки. Шапочку-корону с перьями обязательно смещали на правую сторону, что придавало драчливость вида женщины. В народной лексике белорусского Полесья такой головной убор называли «квітка», «пава», «кóкаш», а на Волынском Полесье – «кокуш», «кокошиця» – от старинного «кокошь» – курица. По мнению М. Винниковой такой яркий головной убор не только подчеркивал праздничный характер костюма, но и выполнял информативно-знаковую функцию – выделял сваху среди участников свадьбы, но и содержал магический смысл [2, с. 357]. Пучки перьев, закрепленные по бокам головного убора, напоминают рога, которые в народном сознании наделялись магической силой, связанной с защищенностью, плодородием и достатком. С петухом связана символика вечного возрождения жизни и ее продуктивный аспект. Курица, которую олицетворяет весь костюм свахи, в белорусской мифологии является воплощением плодоносного женского начала [2, с. 358]. По мнению О. Косьминой укрепленные по бокам повязки пучки разноцветного перья, должны были отворачивать злых духов [4, с. 9]. «Рогатые» головные уборы были известны всем восточным славянам. Особый головной убор как у свахи был у многих соседних народов, в частности, у мордвы [6, с. 71].

В с. Радостава Дрогичинского района Брестчины в таком строе, только с венком из пышных цветов на голове, невеста могла венчаться, а в с. Леликово Кобринского района похожий костюм, только без головного убора с перьями, невеста одевала на второй день свадьбы («на пэрэзвах»).

Выводы. В зоне этнокультурных контактов на белорусско-украинском пограничье Западного Полесья, в начале – середине XX в. бытовал общий красочный костюм женщин со свадебной дружины молодого для которого характерно сорочка поликового кроя, юбка, фартук, тканый пояс, оригинальный головной убор с наметкой, символика которого раскрывается в контексте свадебного обряда. Он имеет ареальный характер распространения, охватывает территорию Кобринского, Дрогичинского районов Брестчины и Ратновского, Любешовского районов Волынского Полесья.

С развитием транспортно-экономических связей в регионе, замены домотканых полотен фабричными тканями середине XIX – начале XX вв. обусловили трансформацию костюма на Полесье. Текстильные элементы строя свахи в основном шились из покупных хлопчатобумажных тканей, в сорочке разрез пазухи изменен на манишку, укоротилась ее и юбки длина, изменились декор, техники выполнения и цветовое решение. В художественном оформлении костюма общей традицией является нашивная аппликация, укрепление полосатого

узора, изменение пропорции белого цвета, самостоятельное звучание красного и его оттенков, черного, синего и зеленого цвета, использование ручной вышивки и орнаментальной машинной строчки. Характерной общей чертой строя свахи – наличие нашитого орнамента «вочы» («вочи» укр.) и многокомпонентного головного убора с наметкой поверх которой накладывалась шапочка-корона с закрепленными по бокам разноцветными перьями из петушиного хвоста, в виде рожков, что выделяет этот строй среди других костюмных комплексов на белорусско-украинском Полесье.

Влияние историко-культурных и социально-экономических факторов, вхождение смежных районов Брестской и Волынской обл. в единые государственно-административные образования (XVI–начало XX вв.), обусловили формирование общего специального костюма участниц свадебного обряда в данной зоне Полесья Беларуси и Украины. В целом художественные традиции строя свахи на белорусско-украинском пограничье Полесья имеют общеславянскую основу, они развивались в результате активного этнокультурного взаимодействия белорусов и украинцев. Белорусские и украинские названия одежды, и ее частей свидетельствуют о богатстве диалектной культуры Полесья, ее локальном своеобразии. Важным является сохранение традиций полесского обрядового строя свадебной свахи, который включен в список нематериальных культурного наследия Беларуси и Украины.

1. Артушевська, І. «А на сванейках павине пір'я з росами». Ознака вбрання свашок в ритуалі поліського весілля / І. Артушевська // Минуле і сучасне Волині й Полісся: народна культура – шлях до себе: матеріали Волин. обл. наук.-етногр. конф., 10-11 квіт. 2003 року, м. Луцьк: зб. наук. пр. / Волин. краєзн. музей [та ін.]. – Луцьк, 2003. – Вип. 11. – С. 17–23.
2. Віннікава, М. Головні убори в традиційному жіночому костюмі білорусько-українського пограниччя (Західне Полісся) // Народознавчі зошити. – 2018 – № 2 (140). – С. 353–362.
3. Гура, А. Брак и свадьба в славянской народной культуре: семантика и символика / А. Гура. – М. : Индрик, 2011. – 936 с.
4. Косміна, О. Традиційне вбрання українців / О. Косміна. – Київ : Балтія-Друк. – Т. II. : Полісся. Карпати. – 2011. – 160 с.
5. Лабачэўская, В. А. Строй свахі і свашак на Палессі як з'ява культуры беларуска-українскага памежжя / В. А. Лабачэўская // Навукова-практычны часопіс «Роднае слова». – 2020. – № 8. – С. 89–90.
6. Маслова, Г. С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX – начала XX в. / Г. С. Маслова. – М. : Наука, 1984. – 216 с.
7. Пономар, Л. Г. Знакова функція одягу в обрядовій культурі українців середині XX – початку XXI ст.: прояви локальних традицій (за матеріалами експедицій) / Л. Г. Пономар // Народна творчість та етнологія: №1 / [голов. ред. Г. Скрипник]; НАНУ, ІМФЕ ім. М.Т. Рильського. – Київ, 2015. – С. 32–38.
8. Раманюк, М. Ф. Маларыцкі строй / М. Ф. Раманюк // Этнографія Беларусі: Энцыклапедыя / рэдкалегія: І.П. Шамякін (гал. рэд.) і інш. – Мінск : БелСЭ, 1989. – С. 306.

Колесникова М. Е.
ОХРАНА ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ
СЕВЕРНОГО КАВКАЗА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.:
ОПЫТ СТАВРОПОЛЬСКОГО ГУБЕРНСКОГО
СТАТИСТИЧЕСКОГО КОМИТЕТА

Ключевые слова: историко-культурное наследие, Северный Кавказ, Ставропольский губернский статистический комитет, Ставропольская ученая архивная комиссия, вторая половина XIX – начало XX в.

Охрана культурного наследия Северного Кавказа во второй половине XIX – начале XX в. связана с деятельностью губернских (областных) статистических комитетов, которые, по сути, были научными центрами, занимавшимися широким кругом научных исследований. «Положение о губернских и областных статистических комитетах» 26 декабря 1860 г. изменило основы деятельности комитетов, разделив ее на «обязательные» и «необязательные» работы. К «необязательным» были отнесены разносторонние исследования губерний в историческом, географическом, этнографическом отношении и охрана памятников древности. Согласно «Положению» комитеты должны были составлять подробные описания губерний, снаряжать экспедиции для «ученого исследования» разных местностей, заботиться об издании своих трудов путем опубликования статей на страницах губернских (областных) ведомостей, составления Памятных книжек [РГИА. Ф. 1290. Оп. 1. Д. 310. Л. 47]. Работая по такой универсальной «программе», комитеты вовлекали широкие слои провинциальной интеллигенции в научно-исследовательскую и культуuroохранительную деятельность.

Старейшим на Северном Кавказе является Ставропольский губернский статистический комитет (СГСК), образованный в 1858 г. Всесторонним изучением губернии занимались действительные члены комитета: В.А. Бетаки, Г.К. Властов, А.Н. Мицулов, Б.С. Цытович, Д.М. Седаковский, А.Н. Лопатин, Ф.М. Лазаревский, В.Х. Кусиков, М.П. Штукин, В.А. Бибииков, Г.В. Раевский-Буданов, Ф.Л. Миняев, Н.Н. Скаковский, А.Д. Тимченко, В.Г. Сахновский, Н.А. Цареградский, викарный епископ Кавказской епархии Исаакий [ГАСК. Ф. 80. Оп. 2. Д. 138. Л. 1, 15]¹. Важную роль в деятельности комитета играл член-секретарь, на которого возлагалась организация научных исследований. Зачастую именно его научные интересы, пристрастия, творческая энергия, активная деятельность определяли характер и направления научных исследований.

¹ ГАСК – Государственный архив Ставропольского края.

Первым секретарем Ставропольского ГСК был назначен чиновник особых поручений при губернаторе В.П. Артамонов (с 5 декабря 1862 г.). На посту его сменил старший учитель Ставропольской гимназии П.П. Соколов (с июля 1865 по январь 1867 гг.), который занимался разработкой проекта съезда секретарей ГСК, предложил программу издания «Памятной книжки» [3, с. 8-9].

В 1866 г. на заседании ГСК была рассмотрена «Программа для всестороннего описания и изучения сел и деревень», которую впоследствии осуществляли через волостные правления. Были собраны статистические, этнографические и исторические материалы для описания Ставропольской губернии [2, с.48]. С августа 1867 г. должность секретаря занимал Н.Н. Черноярский, под редакцией которого вышло четыре первых выпуска «Сборника статистических сведений о Ставропольской губернии» (1868-1871).

С 1871 г. членом-секретарем Ставропольского ГСК стал И.В. Бентковский, с именем которого связан 20-летний период, «время расцвета, полной и всесторонней деятельности комитета и, так сказать, время сознательного и целесообразного существования его» [4, с.18]. Он сумел объединить деятельность местных историков-любителей по всестороннему изучению Северного Кавказа. При И.В. Бентковском были начаты работы по разбору и сохранению старых архивов.

С 1906 по 1916 гг. должность вице-президента СГСК занимал Г.Н. Прозрителев. Он превратил комитет в подлинно научное общество, объединяющее местные краеведческие силы. Именно при нем основным направлением деятельности комитета стали археологические изыскания и охрана памятников древности.

На заседаниях СГСК (8 апреля, 16 июля, 19 августа 1905 г.) были заслушаны доклады Г.Н. Прозрителева, А.С. Собриевского, И.И. Успенского и Н.И. Чененского о необходимости спасения документального наследия, образования губернской ученой архивной комиссии и устройства губернского исторического архива [5, 7]. На последнем из заседаний было подписано заявление-прошение об учреждении комиссии, которое было удовлетворено 30 ноября 1905 г. [ГАСК. Ф. 80. Оп. 1. Д. 92. Л. 1, 2, 27]. Совместными усилиями СГСК и Ставропольской ученой архивной комиссии (СУАК) впервые на Северном Кавказе были предприняты решительные меры по сохранению историко-культурного наследия, а архивное дело было поставлено на научную основу. Вплоть до учреждения в 1920 г. секции охраны памятников старины и в 1921 г. Ставропольской этнолого-археологической комиссии они занимались охраной памятников древности. Историко-археологические исследования напрямую были связаны с процессом хозяйственного освоения края, которое не только стимулировало

научные исследования, но и наносило значительный урон археологическим памятникам. Особенно страдали каменные постройки, из руин которых добывался камень, использовавшийся местными жителями и переселенцами в качестве строительного материала.

Культуроохранительная деятельность осуществлялась в тесном взаимодействии с ведущими археологическими учреждениями страны: Императорской Археологической комиссией (ИАК) и Московским археологическим обществом (МАО). В 1889 г. на ИАК была возложена охрана памятников старины, она получила «исключительное право производства и разрешения с археологической целью раскопок в империи на землях казенных, принадлежащих разным установлениям и общественным» [8]. Лица, получающие «Открытый лист», действовали по поручению комиссии, т.е. фактически по поручению государственной власти.

Научно-методическую помощь оказывало и МАО. Важную роль сыграли организуемые им Археологические съезды, которые объединяли и координировали научные исследования в провинции, были школой повышения научной квалификации местных исследователей. Знаковым для Кавказа стал V (Тифлисский) Археологический съезд 1881 г. [1].

Статкомитет не проводил систематических археологических раскопок, в силу отсутствия достаточных для этих целей средств и специалистов. Сказалось и отсутствие систематизированных сведений о месторасположении памятников, которые открывались случайно в ходе строительных и хозяйственных работ. Поэтому первоочередной задачей была паспортизации археологических объектов. Изучая местные придания и легенды, свидетельства письменных источников, записки путешественников, хранящиеся в местных архивах, члены ГСК работали над сбором материала для составления археологической карты Ставропольской губернии. Экспедиционная деятельность ограничивалась разведками и охранными раскопками.

Охрана памятников древности была одним из самых сложных направлений в деятельности комитета. Трудность заключалась, прежде всего, в огромном пространстве, которое занимала Ставропольская губерния, в силу чего невозможно было уследить за всеми памятниками, их сохранностью, а также оберегать их от разрушения и уничтожения. Свою пагубную роль играло невежество и неведение крестьян и казаков относительно значения находимых ими предметов древности, в силу чего многое выбрасывалось сразу же при обнаружении. Г.Н. Прозрителев не раз с горечью отмечал, что среди местного населения совершенно отсутствует сознание необходимости охранять памятники прошлого.

Значительный вред памятникам наносили «хищнические раскопки» кладоискателей. «Нигде нет такого количества кладоискателей, как

на Кавказе, – отмечалось в отчете за 1914 г., – этих людей ничего не останавливает в их поисках, а отсутствие определенных указаний в законе и строгого наказания делает их совсем неустрашимыми» [ГАСК. Ф. 198. Оп. 1. Д. 23. Л. 10, 12.; Д. 36. Л. 22]. Число кладоискателей увеличивалось с каждым годом, несмотря на запреты, угрозы и указы правительства. Единственное спасение Г.Н. Прозрителев видел в проведении систематических научных раскопок и просветительской работе. Члены статкомитета и СУАК вели разъяснительную работу, рассылали «вопросные листы» на предмет выявления памятников древности, случайных археологических находок, «каменных баб». Поощрялось всякое внимание к старине и желание изучать археологические памятники.

По инициативе Г.Н. Прозрителева был организован контроль на местах. Из числа местных жителей выбирались сотрудники СУАК, которые следили за состоянием археологических объектов, охраняли их от посягательств кладоискателей и сообщали о фактах их разграбления и разрушения. В их обязанности также входило проведение просветительской работы с населением, формирование понимания ценности и значения памятников древности. Таким сотрудникам (крестьянине Т.Д. Щегольков (с. Благодарное), А.С. Рыжков (с. Медвежье), учитель М. Севастьянов (с. Средний Егорлык), служащий городской управы А.А. Соколов (г. Ставрополь) и др.) выдавались специальные удостоверения, подтверждающие их полномочия, и разовое вознаграждение, в зависимости от ценности информации и находок [ГАСК. Ф. 198. Оп. 1. Д. 13. Л. 15-17; Д. 23. Л. 1, 11, 21; Д. 24. Л. 17].

Губернатор, полиция, а также местные административные власти оказывали содействие работам по охране предметов старины. Поддержку и понимание члены ГСК и СУАК встретили у епископа Агафодора, усилиями которого в 1894 г. было создано Ставропольское епархиальное церковно-археологическое общество. Совместными усилиями многое было сделано для сохранения историко-культурного наследия в Ставропольской губернии. Для ряда археологических объектов в г. Ставрополе были заказаны металлические доски с надписями о том, что данный памятник охраняется государством.

Совместными усилиями статкомитета и СУАК был создан музей Северного Кавказа – первый краеведческий музей на Ставрополье. Инициаторами создания музея выступили члены губернского статкомитета Г.Н. Прозрителев и А.С. Собриевский. Решение о создании губернского музея было принято на заседании Ставропольского губернского статкомитета 24 февраля 1905 г., а 4 апреля 1905 г. на очередном заседании статкомитета было организовано «особое попечительство по устройству и заведыванию Губернским музеем». Членами его стали представители ставропольской интеллигенции: Г.Н. Прозрителев,

И.А. Качинский, Г.К. Праве, А.А. Польский, А.С. Собриевский, А.П. Норман, В.В. Таланов, Н.Т. Иванов, протоиерей отец Д.И. Успенский, К.С. Белецкий. Позже в его состав вошли Н.Я. Динник, В.И. де-Фриц, Н.Г. Колесников, А.И. Твалчрелидзе, С.Г. Потапов, А.Н. Семенов, К.А. Запасник, В.И. Боголенский, председатель Ставропольского епархиального церковно-археологического общества протоиерей С. Никольский [6, с.2]. В состав попечительства также вошел и стал его почетным членом епископ Ставропольский и Екатеринодарский Агафодор.

Уже в начальный период своей деятельности музей Северного Кавказа насчитывал 20 тыс. экспонатов. В основу музея были положены личные коллекции (кавказского холодного оружия, археологические, нумизматические и этнографические) Г.Н. Прозрителева и других членов Ставропольского статкомитета, а позже и архивной комиссии. В 1927 г., после объединения музея Северного Кавказа с Центральным городским музеем им. М.В. Праве, был образован Ставропольский государственный краеведческий музей (ныне Ставропольский государственный музей-заповедник, носящий имена своих основателей Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве).

1. Ашуба, А. Е. V Археологический съезд и изучение кавказских древностей / А. Е. Ашуба, Л. П. Ермоленко, М. Е. Колесникова // История: факты и символы. – Елец, 2019. – № 4(21). – С. 46–54.
2. Бентковский, И. В. Ставропольский губернский статистический комитет: Первое XXV-летие с 1858 по 1883 г.: Доклад действительного члена-секретаря И. В. Бентковского в общем заседании статистического комитета 25 ноября 1883 г. в день 25-летнего юбилея. – Ставрополь : Тип. губ. правл., 1883. – 79 с.
3. Отчет по изданию трудов Ставропольского губернского статистического комитета, его библиотеки и по Ставропольскому музею Северного Кавказа за 1905–1906 г. – Ставрополь : Тип. губ. правл., 1908. – 98 с.
4. Прозрителев, Г. Н. Очерк жизни и деятельности И. В. Бентковского, бывшего секретаря Ставропольского статистического комитета: Доклад действительного члена Ставропольского губернского статистического комитета Г. Н. Прозрителева. – Ставрополь, 1908. – 55 с.
5. Прозрителев, Г. Н. Кавказские архивы: (Доклад общему собранию Ставропольского статистического комитета 19 авг. 1905 г.) // Труды Ставропольской ученой архивной комиссии. – Ставрополь, 1911. – Вып. 1. – С. 1–17. – Отд. 1.
6. Протоколы заседаний попечительства о Ставропольском музее Северного Кавказа и перечень предметов, поступивших в музей Северного Кавказа. – Ставрополь, 1906. – 15 с.
7. Успенский, И. И. О необходимости учреждения в г. Ставрополе-Кавказском ученой архивной комиссии: (Доклад общему собранию членов Ставропольского губернского статистического комитета 16 июля 1905 года) // Труды Ставропольской ученой архивной комиссии. – Ставрополь, 1911. – Вып. 1. – С. 1–12. – Отд. 3.
8. Установление ближайшего порядка производства археологических раскопок // Отчет Императорской Археологической Комиссии за 1889 год. – СПб., 1892. – С. 1–5.

Каралёў П. А.

ПАЧАТАК ПРАВЯДЗЕННЯ СІСТЭМАТЫЧНАЙ ПАЛІТЫКІ Ё ГАЛІНЕ АХОВЫ ПОМНІКАЎ АРХІТЭКТУРЫ БЕЛАРУСІ (1825–1869 ГГ.).

Ключавыя словы: гісторыка-культурная спадчына, помнік, рамонт, зберажэнне, адметнасць.

Для перыяду канца XVIII – пачатку XIX ст. у дачыненні беларускіх зямель характэрна палітыка азнаямлення з новымі далучанымі тэрыторыямі, паступовае і асцярожнае ўвядзенне рускіх парадкаў і законаў. Аднак наступныя змены ўрадавай палітыкі звязаны з кіраваннем імператара Мікалая I (1825–1855), які ўмацоўвае асновы манархічнага праўлення, у адпаведнасці з тэорыяй афіцыйнай народнасці. Да гэтага часу трэба аднесці і пачатак новага перыяду ў дачыненні гісторыка-культурнай спадчыны. У тагачасных выданнях паведамлялася: «...с восшествием на престол... Государя Императора настал новый период для русской археологии» [5, с. 3]. Варта адзначыць, што пад археалогіяй на той час разумелася не столькі навука аб археалагічных адкрыццях, колькі ў цэлым вывучэнне помнікаў старажытнасці.

Галоўная ідэя Мікалая I датычна беларускіх земляў, як адзначаў сам імператар, заключалася ў асіміляцыі «местного края с другими местностями империи» [4, с. 306]. На працэс асіміляцыі паўплывала і вызваленчае паўстанне 1830–31 гг. Назвы «Беларусь» і «Літва» былі забаронены для ўжывання (з 1840 г.), беларускія і літоўскія губерні ва ўсіх канцылярыскіх актах сталі прапісвацца выключна па назвах саміх губерней (Віцебскай, Магілёўскай, Віленскай, Гродзенскай і інш.) [12, спр. 1572, арк. 1]. Замест наймення Беларусь або Літва з'яўляецца тэрмін – «Северо-Западный край».

З 1826 г. распараджэннем імператара католікам забаранялася будаваць капліцы там, дзе большасць насельніцтва складалі праваслаўныя [3, с. 54-55]. У гэты час адбываецца націск на каталіцкую і уніяцкую царкву, што служыла яшчэ большаму аб'яднанню новадалучаных тэрыторый з астатнімі мясцовасцямі імперыі. У 1839 г. адбылося аб'яднанне уніяцкай і праваслаўнай цэркваў. Зачыняюцца і перадаюцца праваслаўным многія каталіцкія манастыры. Так, напрыклад, у Полацку «до 1833 года... были католические монастыри: ксендзов бернардинов, францисканов, доминиканов, базильянов... Исключая доминиканского монастыря все католические монастыри в Полоцке закрыты...» [2, с. 105].

Пашырэнне праваслаўя, якое нярэдка адбывалася з дапамогай адміністрацыйнага рэсурсу, ўплывала на зберажэнне помнікаў ар-

хітэктурны уніяцкай і каталіцкай канфесій. У 1832 г была вернута ў праваслаўе і пазней перабудавана Дабравешчанская царква ў Віцебску. Але былі выпадкі, калі храмы пакідаліся не занятымі і паступова разбураліся. У 1838 г. у Дзярэчыне касцёл быў пераабсталяваны ў праваслаўны сабор, у выніку былі страчаны яго унікальныя архітэктурныя рысы [15, с. 100 – 103].

Многія дзеянні падчас паўстання 1830–31 гадоў адмоўна паўплывалі на захаванне архітэктурнай спадчыны краю. Некаторыя помнікі па закону ваеннага часу пераабсталёўваліся ўрадам Расійскай імперыі пад шпіталі, турмы і інш. Так, напрыклад, мінскі жаночы манастыр базыльянак выкарыстоўваўся для ўтрымання ваеннапалонных. Ігумення манастыра Праскоўя Ляўшыцкая не раз звяртала ўвагу вышэйшых улад на псаванне будынкаў. Аднак яе звароты засталіся без увагі. Праўда, у рэшце рэшт ваеннапалонныя з манастыра былі выселены, але ён так і не быў належна адрамантаваны [14, спр. 22813, арк. 1–2].

Каталіцкія манастыры па прычыне некамплектнасці перадаваліся на так званыя «общепольные заведения» (бальніцы і інш.). Праваслаўная царква па выказванні обер-пракурора П.С. Мяшчэрскага: «Почитая... время сие удобнейшим к исходатайствованию для нужд православных церквей и зданий монастырских, ненужных более для католического исповедания» скарыстала гэтую магчымасць для перадачы іх у царкоўнае ведамства [13, спр. 15765 а, арк. 12 аб, 14]. Апроч таго, у красавіку 1839 г. на аснове найвышэй зацверджанага палажэння многія былыя манастырскія і канфіскаваныя будынкі перадаюцца ваеннаму ведамству. Утрыманне гэтых памяшканняў у належным стане было прызначана імператарам «на счёт края» (г. зн. мясцовых улад) [9, спр. 204, арк. 2].

Разам з тым менавіта падчас праўлення Мікалая I па ўсёй Расійскай імперыі пачынаецца працэс выяўлення помнікаў мінулага. З’явіўся ўказ ад 31 снежня 1826 г. «О доставлении сведений об остатках древних зданий в городах и запрещении разрушать оные».

Змест указа ў хуткім часе быў даведзены да ведама грамадзянскіх і ваенных генерал-губернатараў. Вельмі адметнай стала сітуацыя з замкам у Смалянах (цяпер Аршанскі раён). Спачатку копыскі земскі суд, які збіраў звесткі пра помнікі, адзначаў: «...в Копыском повете древних зданий вовсе не находится». Тады з губернскай канцылярыі ў Магілёве паведамілі: «как известно... в Копыском повете близ местечка Смольян... находятся следы древнего здания замка польской королевы Боны». Таму неабходным вызначалася «распорядиться о описании упомянутого достойного уважения замка, доставлении оному плана и фасада в нынешнем его положении с подробным описанием».

Пры гэтым «доставляя на замечание суду неосновательное донесение начальству» [11, спр. 97, арк. 47 аб.]. Калі ў канцы 1827 г. землямер усё ж выехаў на месца і, як паведамлялася, прыбыў «...в местечко Смольяны для снятия состоящего в оном польской королевы... замка, но как оный замок вовсе истреблен и фундаментов уже не видно, затем и не мог...оному малейшей съёмки» [11, спр. 97, арк. 60]. Замак жа насамрэч збырогся, але ў 1820-х гадах праз абыякавасць мясцовых чыноўнікаў не быў выяўлены.

На жаль, і надалей вынікаў са збору звестак было няшмат. Гэта пацвердзілі і пазнейшыя ўказы і цыркуляры 1837, 1842 і 1848 г. і г.д. У большасці выпадкаў належнага выяўлення помнікаў так і не адбылося, гэты працэс зацягнуўся на дзесяцігоддзі. Тыповымі адказамі на запыты з'яўляліся наступныя: «...остатков древних замков, крепостей и других зданий древности, а также памятников и монументов в вверенном мне городе... вовсе не находится» [6, спр. 169, арк. 3]. Такія адпіскі паступілі з Суража, Лепеля, Веліжскага павета, Радашковічаў, Дзісны, Лідскага павета і інш. Нярэдка збор звестак належала праводзіць паліцыі. Адметная гісторыя адбылася ў Полацку, калі мясцовая паліцыя засведчыла існаванне ў гэтым старажытным горадзе толькі аднаго помніка, а менавіта «...имеется древний каменный одноэтажный дом, в коем изволил квартировать Государь Петр Великий...» [10, спр. 51901, арк. 1], а іншых каштоўнасцей, згодна дадзеных паліцыі Полацк не меў.

Такія казусы са зборам звестак не былі адзінкавай з'явай. У 1838 г. ашмянскі спраўнік паведамляў, што «вверенном мне уезде нет никаких древних зданий» [7, спр. 12, арк. 12]. Такі адказ не задаволіў мясцовага губернатара, які сам звярнуў увагу, што «...в м. Креве находятся развалины старинного литовского замка». Пры гэтым спраўніку даводзілася: «Поставляя вам на вид такую неосновательность в донесении начальству, я строго подтверждаю исполнить немедленно во всей точности данное Вам по сему делу предписание» [7, спр. 12, арк. 18].

Разам з тым указ 1826 г. пра збор звестак аб помніках і забароне іх разбурэння ўжо сведчыў пра цікавасць да рэшткаў мінулага. Пры нязначных выніках па яго выкананні сустракаліся асобныя грунтоўныя і цікавыя звесткі пра разнастайныя аб'екты, напрыклад, пра замак у Веліжы, Рагачоўскае замчышча і інш. Збор звестак 1837 г. таксама прыносіў пэўныя поспехі. Асобныя справаздачы мелі грунтоўны характар, дасылаліся паведамленні пра цагляныя сцены рэшткаў замкаў (Маладзечна, Пінск і інш.), пра цэрквы і гарадзішчы.

На 20–30-я гады XIX ст. прыпадаюць першыя ў імперыі працы па зберажэнні некаторых адметных помнікаў архітэктуры. У тым жа ўка-

зе 1826 г. адзначалася магчымасць рамонту будынкаў, «не змяняючы іх старажытных планаў і фасадаў». Аднак у дачыненні да помнікаў аформіўся прагматычны падыход. На запыты губернатараў, што рабіць са шматлікімі аб'ектамі, што знаходзяцца ў стане заняпаду, быў атрыманы наступны адказ: «Разрушать их не должно, но и чинить не-нужного ненадобно, а поддерживать одни ворота или такие здания, в которых есть нужные помещения» [1, с. 50]. Мусіла быць моцная аргументацыя для правядзення ахоўных мерапрыемстваў. Але тым не менш, працы на помніках архітэктуры пачалі адбывацца. Адныя з га-лоўных працаў праведзеныя ў гэты час – рамонт Спаса-Еўфрасіннеўскай царквы ў Полацку (1832–1833 гг.), Дабравешчанскай царквы ў Віцебску (1833 г.).

Аднак у большасці сваёй наўмыснае знішчэнне помнікаў застава-лася асноўнай праблемай для справы зберажэння адметнасцей. У не-каторых выпадках гэты лёс мог напаткаць і тыя цэрквы, якія па збору звестак былі выяўлены як «принадлежащих к древностям». Так стала-ся з царквой Казьмы і Дзям'яна ў Рагачове, якая заслужыла павагу, як помнік сягаючы сваёй гісторыяй да XV ст. У храме знаходзіліся ста-ражытныя польскія і лацінскія надпісы, партрэты гістарычных асоб. І хоць вызначалася, што «церковь сия достопримечательна... по её древности», помнік быў разабраны з прычыны «ветхага стану» [11, спр. 97, арк. 23].

У 1830-я гг. расійскі ўрад шмат увагі надаваў вайскавай абароне земляў імперыі, гэтай мэце служылі фартыфікацыйныя збудаванні, якія ствараліся і на беларускіх землях. На жаль, пры гэтым часам цярпелі помнікі мінуўшчыны. Яшчэ пры пабудове крэпасці ў Бабруй-ску (будаўніцтва распачалося ў 1810 г.). замест былога езуіцкага касцёла быў зроблены капітальны артылерыйскі цэйхгауз, а на месцы манастыра ўзвялі артылерыйскі арсенал.

Брэсцкая крэпасць будавалася пазней (пачынаючы з 1830-х). Сітуа-цыю з Брэст-Літоўскам добра апісаў П. Шпілеўскі, які сам наведаў Брэст у сярэдзіне XIX ст. Пісьменнік адзначаў: «Там, где был бернардин-ский костёл и монастырь бернардинок, теперь кадетский корпус; где был монастырь августинцев, теперь – комитет крепостных инженеров; где был иезуитский коллегиум, теперь – дом коменданта крепости; где был монастырь базилианский или униатский, теперь – соборная право-славная церковь во имя святого Симеона Столпника. Кроме того, сне-сены римско-католический собор, или фара, униатские церкви святого Михаила, святой Троицы; также упразднен монастырь православный и костёлы реформаторов и кальвинов» [17, с. 31]. Разам з тым, будынкi крэпасці вызначаліся даследчыкам, як «величественные и изящные». У

выніку горад практычна цалкам пазбавіўся сваёй даўняй забудовы, былі знішчаны таксама драўляныя культавыя помнікі.

Так жа сама не надавалася ўвага як помнікам тым адметнасцям, што не адпавядалі пануючай палітыцы і ідэалогіі, у выніку чаго прыходзілі ў запусценне і разбураліся выдатныя адметнасці архітэктуры. У сярэдзіне XIX ст. быў вырашаны лёс Мінскай ратушы (своеасаблівага сімвала магдэбургскіх вольнасцей горада), якая была разбурана паводле асабістага распараджэння Мікалая I (1851 г.). У справе Мінскай гарадской думы «О сломке ратушного здания» сцвярджалася, што «здание это весьма ветхое, занимая собой часть главной площади, стесняет её и закрывает вид соборной церкви и вниз спускающихся присутственных мест» [8, спр. 418, арк. 1]. У выніку «последовала собственноручная Его Императорского Величества резолюция: “Сломать”». Знішчэнне помніка зацягнулася і было здзейснена ў 1857 г.

У 50-я гг. XIX ст. Аляксандр II (1855–1881) спрабуе змяніць палітычны курс на землях «былой Польшчы». Праводзіцца амністыя ўдзельнікаў паўстання 1830–31 гг., дазваляецца пашырэнне дзейнасці каталіцкага касцёла. Аднак гэтыя захады былі спынены з пачаткам паўстання 1863–64 гг. Зноў разгортваецца працэс закрыцця каталіцкіх храмаў і манастыроў. Па распараджэнні М. М. Мураўёва зачынена каля 30 каталіцкіх манастыроў і вялікая колькасць касцёлаў.

Адзначым, што менавіта ў сувязі з паўстаннем расце цікавасць да беларускага краю, яго гісторыі і помнікаў даўніны, што адзначаў гісторык У.К. Стукаліч (1856–1918): «Благодаря мятежу 1863 года, внимание русского правительства и общества было обращено, наконец, на Белоруссию» [16, с. 13].

У беларускія землі кіруючымі коламі Расійскай імперыі накіроўваюцца экспедыцыі па выяўленні помнікаў старажытнасцей. З гэтага часу (1860-я гг.) вывучэнне беларускіх помнікаў стала сістэматычным. Урадавыя мерапрыемствы мелі на мэце абгрунтаваць рускае паходжанне мясцовых земляў. Разам з тым даследаванне Беларусі дазволіла адкрыць багаты пласт нацыянальных асаблівасцей, помнікаў мастацтва.

Даследчыкам І.І. Сразнеўскім (1812–1880), членам Рускага геаграфічнага таварыства, былі складзены два маршруты па беларускіх гарадах, адзін з якіх уключаў Дрысу, Полацк, Віцебск, Оршу, Мсціслаў, Магілёў, Слуцк, Мінск, а другі Гродна, Беласток, Бранск, Драгічын, Брэст, Кобрын, Камянец. Па першаму маршруту накіраваўся мастак маскоўскай зброёвай палаты Д. Струкаў, яго памочнік-малявальшчык С. Пакроўскі, а па другому прафесар акадэміі мастацтваў І.І. Гарнастаеў. Па выніках экспедыцыі Д. Струкаў пакінуў амаль 200 малюн-

каў помнікаў даўніны. І.І. Гарнастаеў наведаў і замалёваў замак у Навагрудку, Барыса-Глебскую царкву ў Гродна, Камянецкую вежу, Лідскі замак, Царкву ў Мураванцы (Мала-Мажэйкаўскую). Адбылося своеасаблівае адкрыццё гэтых малавядомых дагэтуль помнікаў.

Наступны перыяд (1869–1917 гг.) мае вырашальнае значэнне ў справе зберажэння помнікаў архітэктуры. Бо на гэты час прыходзіцца праца па прыняццю агульнадзяржаўнага палажэння па ахове помнікаў.

1. Алексеев, Л. В. Археология и краеведение Беларуси XVI в. – 30-е годы XX в. / Л. В. Алексеев. – Минск : Беларуская навука, 1996. – 206 с.
2. Без-Корнилович, М. О. Исторические сведения о примечательнейших местах в Белоруссии / М. О. Без-Корнилович – СПб : В типографии III Отд. Собст. Е. И. В. Канцелярии, 1855. – 355 с.
3. Брыгадзін, П. І. Гісторыя Беларусі : курс лекцый / П. І. Брыгадзін [і інш.]. – Мінск : РІВШ БДУ, 2002. – Ч. 2. – 655 с.
4. Довнар-Запольский, М. В. История Белоруссии / М. В. Довнар-Запольский. – Минск : Беларусь, 2003. – 680 с.
5. Краткое обозрение древних русских зданий и других отечественных памятников составляемое при министерстве внутренних дел А. Глаголевым. Часть I. Тетрадь I. О русских крепостях. – СПб : в типографии Министерства внутренних дел, 1838. – 52 с.
6. Літоўскі дзяржаўны гістарычны архіў (ЛДГА). – Ф. 382. Воп. 1. Спр. 169.
7. ЛДГА. – Ф. 388. Воп. 1. Спр. 12.
8. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). – Ф. 24. Воп. 1. Спр. 418.
9. НГАБ. – Ф. 299. Воп. 5. Спр. 204.
10. НГАБ. – Ф. 1430. Воп. 1. Спр. 51901
11. НГАБ). – Ф. 2001. Воп. 1. Спр. 97.
12. Расійскі дзяржаўны гістарычны архіў (РДГА). – Ф. 777. Воп. 1. Спр. 1572.
13. РДГА. – Ф. 797. Воп. 4. Спр. 15765.
14. РДГА. – Ф. 797. Воп. 6. Спр. 22813.
15. Страчаная спадчына / Т. В. Габрусь, А. М. Кулагін, Ю. У. Чантурыя і інш. ; уклад. Т. В. Габрусь. – Мінск : Полымя, 1998. – 351 с.
16. Стукалич, В. К. Белоруссия и Литва. Очерки из истории городов в Белоруссии / В. К. Стукалич. – Витебск : Губернская типография, 1894. – 62 с.
17. Шпилевский, П. М. Путешествие по Полесью и белорусскому краю / П. М. Шпилевский. – Минск : Беларусь, 2004. – 251 с.

Корсак А. И.
ПРОБЛЕМА ВЫЯВЛЕНИЯ ПЕРВИЧНЫХ МЕСТ ЗАХОРОНЕНИЯ
ЖЕРТВ НАЦИСТСКОГО ОККУПАЦИОННОГО РЕЖИМА
(ПО МАТЕРИАЛАМ ЧГК)¹

Ключевые слова: нацистский оккупационный режим, место захоронения, жертвы, Чрезвычайная государственная комиссия, Беларусь, Полоцкая область.

События Великой Отечественной войны не отпускают себя спустя многие десятилетия после её окончания. Не только потому, что это один из крупнейших военных конфликтов в рамках Второй мировой войны, но и из-за того, что масштаб потерь особенно среди мирного населения не сравнится ни с каким другим военным столкновением XX в.

Для проведения успешной политики мемориализации мест захоронения погибших в военных операциях и жертв геноцида среди гражданского населения периода Великой Отечественной войны необходимо одно главное условие – знание точного места произошедшего события. В противном случае это искажение фактов. Историческая правда в этом отношении как никогда играет ключевую роль. Памятник должен стоять там, где находятся останки жертв.

Освободив территорию Беларуси летом 1944 г. военным руководством фронтов принималось решение об установлении памятников на месте захоронения воинов Красной Армии. Примером чему является братская могила в центре г. Полоцка, организованная согласно приказу генерал-лейтенанта И.Х. Баграмяна. Далее активную позицию в этом отношении заняло руководство БССР. Несмотря на то, что в ряде документов декларировалось о том, что нет ни одного района Беларуси, где не имеется «мест массовых казней белорусского народа», в том числе и лагеря военнопленных и лагеря смерти [12, с. 34–35]. Всё же вниманием со стороны властей как раз места уничтожения и захоронения мирного населения, жестоко уничтожаемого в ходе карательных операций, были в значительной степени обделены. Спустя четыре года после нацистской оккупации в 1948 г. был поставлен вопрос о взятии на учет и установки памятников на ряду с захоронениями партизан на «местах массового захоронения населения» как «жертв немецкой оккупации», что отражено в стенограмме заседания Бюро

¹ Исследование выполнено в рамках ГПНИ «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства» Подпрограмма 12.1 «История» на 2021–2025 гг. Задание 12.1 «Мемориализация воинских захоронений и мест уничтожения населения германскими оккупантами в 1941–1944 гг. на территории Беларуси» в рамках задания «Военная история Беларуси как фактор обеспечения гуманитарной безопасности белорусского государства»

Совета Министров БССР [12, с. 54]. После данного заседания 16 апреля 1948 г. в документообороте, связанном с вопросами увековечения захоронений периода Великой Отечественной войны, среди воинов Красной армии и партизан появляется и мирное население.

Но, чтобы поставить на учет, нужно определить место захоронения гражданского населения. В большинстве своём последующем были определены места уничтожения (сожжения, расстрела и т.д.), которые не всегда являлись и местами захоронения. В данном случае это имеет отношение к местному населению, уничтоженного в ходе карательных операций путем расстрела, а затем сожжения в сельских постройках (домах, сараях, банях и т.д.) с целью сокрытия фактов преступления.

Иная картина с уничтожением еврейского населения Беларуси: здесь место расстрела и место захоронения совпадают в полной мере. Более того, очевидцев в данном случае, которые могли указать на факты массовых убийств, значительно больше, что подтверждается материалами ЧГК за редким исключением (пример, м. Боровуха-1 и д. Труды Полоцкого р-на).

Документы и материалы Чрезвычайной государственной комиссии (далее ЧГК) считаются максимально достоверным и основным источником информации по установлению преступлений нацистского оккупационного режима в том числе и на территории Беларуси. Они же служили основной доказательной базой судебных процессов над нацистскими преступниками, во время которых вызывались также свидетели и очевидцы событий, связанных с уничтожением мирного населения Беларуси.

В изданиях различного рода, посвященных теме нацистского оккупационного режима в плане принесенного ущерба экономике Беларуси и количества жертв среди мирного населения, взяты за основу итоговые документы – акты по городам и районам, редко по сельским советам, и таблицы с обобщёнными сведениями. Мало кто обращается к низовым материалам, на основе которых составлялись выше указанные официальные бумаги.

Следует отметить, что многие факты не всегда имели место быть в итоговых Актах ЧГК, на которые обращали свое внимание в заявлениях, протоколах опросов и допросов. К примеру, в Акте по Освейскому р-ну Полоцкой обл.¹ факт сожжения д. Иванцово Кохановского с/с в принципе не указан [1, Л. 3–6]. Далее в Акте по Кохановскому с/с в перечне сожженных деревень указан лишь один случай, произошедший в марте 1943 г., когда было уничтожено 30 человек данной деревни [2, Л. 150]. Если обратимся к содержанию протоколов допросов (выявлено два документа, один из них на официальном бланке НКВД СССР,

¹ Здесь и далее административно-территориальные границы указаны на момент 1944 г.

второй – рукописный по типу официального бланка), то увидим еще два факта расстрела жителей д. Иванцово. Первый относится к декабрю 1943 г.: «...расстреляно немцами в количестве 29 чел., расстрел произведен в лесу...свалены в одну кучу, мужчины отдельно, женщины отдельно» [7, Л. 170], «свалены в одну кучу и не зарыты» [8, Л. 169]. Во втором случае указана точная дата – 5 января 1944 г.: «...приехали солдаты немецкие и офицеры, забрали мирное население этих деревень Иванцово и Леснянский и в кустах урочище "Берозовка" произвели расстрел 15-ти человек¹, из числа расстрелянных были сожжены в землянках, а те, которые не сжигались были брошены не закопанными» [7, Л. 170]. Следует отметить, что и первый и второй случаи происходили вне границ самого населенного пункта. Установить первичное место захоронения всех трех фактов уничтожения мирного населения не представляется возможным. На данный момент д. Иванцово не существует. На гражданском кладбище паспортизированы две индивидуальные могилы, в которых захоронены советские партизаны. В базе данных по сожженным деревням указан только факт уничтожения в марте 1943 г. Ни в одном из документов не имеется точной локации даже места уничтожения. Исходя из того, что тела не были захоронены, то вероятно они были в последствии утрачены под влиянием природно-климатических условий.

На такие случаи, когда в ходе карательных экспедиций в процессе прочесывания лесного массива было обнаружено прятавшееся местное население и впоследствии расстрелянное карателями, согласно документам ЧГК приходится больше половины из общего числа. Выявить место их захоронения не представляется возможным. К примеру, «в мае 1943 г. немцы захватили прятавшихся в лесу 26 жителей деревень Лесины и Зарубовщина². Все они были расстреляны из пистолетов в голову» [4, Л. 268], «расстреляли 7 человек в Заволынском лесу³ возле болота» [6, Л.166], «выводили за лес, ставили возле вырытых ям и расстреливали из автоматов»⁴ [10, Л. 300об].

Это имеет отношение не только к тем местам, которые указаны по памяти допрашиваемых при составлении протоколов, когда, не будучи очевидцем событий (при этом они сами проговаривают этот факт), но владеющий данной информацией, человек её фиксирует. Не менее сложно обстоят дела и с теми местами уничтожения населения, в захоронении останков которых принимали участие непосредствен-

¹ Имеется именной список в самом протоколе допроса

² Ушачский р-он Полоцкая обл.

³ Уничтожение жителей д. Сеньково Литвиновского с/с Ветринского р-на Полоцкой области в апреле 1943 г.

⁴ Уничтожение 24 жителей д. Ерши Дмитровского с/с Россонского р-на Полоцкой обл. в феврале 1943 г.

но допрашиваемые: «... кроме того в лесу было много расстрелянных граждан в период блокировки лесов. Я сама лично закапывала граждан мне неизвестных расстрелянных 5 мая 1944 г.... 7 человек жителей Мотырино¹, а остальных 60 человек личность неизвестные с соседних деревень, когда зарывали трупы в большинстве были полуразложившиеся и опознать нельзя было» [9, Л. 259 об.]. В данном случае, помимо того, что не указано точное месторасположение захоронения, так ещё и не имеем его персонификации. Таким образом, 67 человек нескольких населенных пунктов, погибших и захороненных, судя по всему, в лесу, не увековечены путем установки надмогильного памятника по причине невозможности локализации места.

Выше нами приведены примеры массовых мест уничтожения. Но в документах ЧГК значительное количество фактов, имеющих отношение к единичным акциям: повешение, расстрел, сожжение и т.д. отдельно взятых жителей населенных пунктов, место захоронения которых указано крайне редко. Этому подтверждение несколько примеров: *"За связь с партизанами погибли 2 комсомолки Валявко А. и Казаченок К... Когда освободили местечко и отрывши родителями могилу нашли Казаченок и Валявку без ушей и глаз, ноги и руки вывернутые, все тело было порвано собаками"* [5, ЛЛ. 38-38об]; *«замучили гр-на Лесниченко М.П. на глазах у жены и детей жгли зажигалкой пятки, прострелили руку, отрезали уши, нанесли 12 кинжальных ран, затем вывезли на кладбище и добились на смерть"* [3, Л. 4]; *«зимой [фамилия] задержал гражданку из партизанской зоны из д. Зеленовщина Голубовского с/с Шитик, которую передал нач. полиции..., который отвел в Жовненский лес из с. Волынцы и сам лично её расстрелял»* [11, Л. 151 об.].

Следует отметить, что во многих случаях констатируется факт преступления: «убит», «повешен», «расстрелян» – без раскрытия обстоятельств происшествия и тем более без указания факта захоронения. Можно предположить, что скорее всего захоранивали в таких случаях на местных гражданских кладбищах. Для того, чтобы подтвердить данное предположение необходимо обследование соответствующих кладбищ при условии сохранности могилы и памятника на ней.

Подводя итог сказанному, можно еще раз проговорить важный момент. С каждым годом всё меньше и меньше очевидцев и свидетелей трагических событий периода нацистской оккупации территории Беларуси, которые могли бы рассказать не только о конкретных фактах преступлений, но и указать на места захоронения. Более того, топография местности также подвержена изменениям, которые не позволяют найти те или иные ориентиры, описанные в документах ЧГК.

¹ д. Матырино Ушачский р-он Полоцкая обл.

Сохранение памяти о жертвах нацистского оккупационного режима, на наш взгляд, возможно не только через паспортизацию мест массового уничтожения, но и через публикацию отдельных персонифицированных справочных изданий, если невозможно установить место захоронения.

1. Акт по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков на территории Освейского района от 24.03.1945 г. // ГАРФ. – Ф.7021. Оп.92. Д.218. Л. 3–6
2. Акт по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков на территории Кохановского с/с Освейского района от 10.03.1945 г. // ГАРФ. – Ф.7021. Оп.92. Д.218. ЛЛ. 150–150об
3. Акт по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков на территории Дриссенского района от 06.04.1945 г. // ГАРФ. – Ф.7021. Оп.92. Д.215 ЛЛ. 3–4.
4. Акт по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков на территории Вестницкого с/с Ушачского района от 20.04.1945 г. // ГАРФ. – Ф.7021. Оп.92. Д.223. Л. 268–268об.
5. Заявление Коробовой Т.Д. от 24.03.1945 г. // ГАРФ. – Ф.7021. Оп.92. Д.223 ЛЛ. 38–38об.
6. Заявление от гр. Жагулы М.Т. // ГАРФ. – Ф. 7021. Оп. 92. Д. 210. Л.166.
7. Протокол допроса свидетеля Врублевской М.О. от 08.03.1945 г. // ГАРФ. – Ф.7021. Оп.92. Д.218. Л. 170
8. Протокол допроса Яскевич А.В. от 08.03.1945 г. // ГАРФ. – Ф.7021. Оп.92. Д.218. ЛЛ. 168–169.
9. Протокол опроса Михейко Д. от 12.03.1945 г. // ГАРФ. – Ф.7021. Оп.92. Д.223. ЛЛ. 259–259 об.
10. Протокол опроса свидетеля Красовской Ф.С. от 27.03.1945 г. // ГАРФ. - Ф.7021. Оп.92. Д.222. ЛЛ. 300–300об
11. Протокол опроса свидетеля Лохана Ф.П. от 10.03.1945 г. // ГАРФ. – Ф. 7021. Оп. 92. Д.215. ЛЛ. 151–151 об
12. Увековечение памяти защитников Отечества и жертв войн в Беларуси, 1941–2008 гг. : документы и материалы / редкол.: В. И. Адамушко [и др.]. – Минск : НАРБ, 2008. – 302 с.

Котович Т. В.

МУЗЕЙ ИСТОРИИ ВИТЕБСКОГО НАРОДНОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО УЧИЛИЩА: МАЛЕВИЧ И ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ

Музей истории ВНХУ (Витебского народного художественного училища), открытый в Витебске в феврале 2018 года, за недолгую еще историю своего существования, стал центром притяжения ресурсов современной электронной IT-культуры, научных работников разных регионов мира, деятелей культуры и простых посетителей благодаря: 1) образованной в музее виртуальной среде, адекватной проектам русского авангарда 1920х годов; 2) лекциям ученых-искусствоведов, специалистов в области авангарда 20 века; 3) обширной библиотеке, собранной в музее; 4) выставочной деятельности в сфере современно-

го актуального искусства; 5) встречам с художниками, перформансам и инсталляциям современного искусства; 6) научным конференциям, посвященным деятельности Казимира Малевича и членов УНОВИСа (объединение Утвердителей нового искусства).

Основное внимание Музея и его сотрудников сосредоточено на популяризации искусства Казимира Малевича и его витебских учеников, на Витебском периоде культового художника русского авангарда. Эта деятельность Музея является пространством по созданию и ведению информационных ресурсов в сети Интернет.

Обратимся к дефиниции популяризации. Словарь «Академик» даёт следующее определение: «Популяризация – это так называемый «перевод» специализированных знаний на язык неподготовленного или малоподготовленного читателя», что предполагает трансформацию профессионального языка, его специфической терминологии, научного стиля речи [Dic.academic.ru. [Электронный ресурс]: словарь. – Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/597719>]. Вместе с тем, популяризация как вполне специальная сфера деятельности предполагает не только распространение знаний в доступной широкому кругу форме, но и включает в себе стимуляцию интереса к истории и стремление к объёмному распространению научной информации [Ильина, И.Н. Популяризация российской науки и культуры (Наука и СМИ) / И.Н. Ильина // Документальное наследие России: теория и практика сохранения и использования научных фондов. – 2013. – №15. – С. 307]. По мнению эксперта, для усвоения информации пользователи должны иметь определенный уровень подготовки. Главным аспектом этой дефиниции становится процесс распространения знаний.

На современном этапе принято считать, что взаимодополняют друг друга два основных вектора данного процесса: развлекательный и образовательный.

Учитывая специфику Музея истории ВХУ и формат Малевичского художественного проекта в Витебске 1920х гг., мы исключили бы совершенно первый вектор, сосредоточившись на образовательной версии популяризации как наиболее присущей распространению объективных знаний. Для данного вектора характерна насыщенность научными фактами в предоставляемой посетителям информации.

Вместе с тем, здесь не исключается именно «перевод» специальных знаний на язык неподготовленного наблюдателя; – переработка сложных, специфически изложенных, насыщенных терминами данных в увлекательную, интересную информацию.

Работа по популяризации истории русского авангарда в Витебске представлена как совокупность функций подобной деятельности: ин-

формационная + мировоззренческая + практическая. Взаимосочетанием всех трех функций определена вся сфера проектов в Музее.

Из истории проектов для данного выступления мы выбрали один из начальных в Музее, созданных почти за год до его официального открытия. Речь идет о проекте **«Бухаринская, 10 – Правды, 5а – Марка Шагала, 5а»**: Место встречи изменить нельзя.

«Сердце Лисицкого» в самой начальной стадии создания. Время, когда даже стены Дома были ещё не отделаны. Ноябрь 2015 г.

Выставка-акция была назначена на 18 мая 2017 года. Это была традиционная Ночь Музеев. Предполагалось, что Дом скоро будет готов для открытия в нём музея ВНХУ и что именно эта выставка-акция станет эпиграфом к этому открытию и что сами стены Дома должны быть освящены работами витебских художников и что, несмотря на перемены в названиях улицы, место встречи остаётся всё тем же, знаковым для художественной среды города. 100 лет – и место и время невозможно изменить. Улица Бухаринская – это начальная точка в хронотопе. Улица «Правды» – это хронотоп многочисленных художественных акций и художественной памяти. Улица Марка Шагала – это петля времени, когда память приобрела реальные черты в пространстве.

И названия некоторых мест, возникшие в ходе подготовки к выставке-акции, – возникли как метафоры. Сам Дом называется «Белый Архитектон» (пока внутри него нет музейных объектов, нет росписей на стенах, нет документов и информ-киосков, он абсолютно безмолвный и белый, он сам по себе художественный объект и аналог малевичских архитектонов). В его центре на полу – гранитная фреска «Клином красным бей белых», которая названа «Сердце Лисицкого» (это – один из самых знаменитых витебских плакатов Л. Лисицкого и это – самое сердце Дома).

Во время выставки-акции возникло еще несколько топосов, которые также обрели собственные названия-метафоры.

Олег Крошкин, Кирилл Дёмчев, Олег Сковородко, Александр Слепов, Геннадий Фалей, Елена Толобова, Татьяна Котович

Акция окказиональна, экзистенциальна, ориентационна. На равных в ней пребывали и произведения и сами художники. Эта была наша общая метаморфоза. Мы существовали в энергетической ауре Дома, и сами менялись в её времени.

В выставке-акции участвовали 26 художников, чьё творчество так или иначе связано с ядром Витебской художественной школы – от супрематизма до акционизма. Витебскую художественную школу мы пониманием не как весь корпус творческих высказываний художников, проживавших и проживающих в Витебске с конца XIX в., а исключительно как Школу Казимира Малевича, как программу УНОВИСа и как творческое наследие Марка Шагала, т.е. именно то, что определило концептуальное мышление XX века и векторы движения искусства в первой четверти XXI ст. и что сделало Витебск известным миру, что выделило его из всех провинциальных художественных пространств.

Именно такое духовное состояние и отношение к своему историческому наследию даёт витебским художникам платформу для развития и ощущение точки опоры. Именно концептуальное ядро, оставленное в ауре Витебска Казимиром Малевичем сотоварищи даёт ощущение родного дома, истока, того, на что можно оглянуться, с чем можно жить как с алмазным стержнем внутри.

Для когорты участников выставки был важным сам факт участия в этой акции, сам факт движения и понимания себя как принадлежащих к этому особому духовному упражнению – быть в этой точке пространства/времени, быть на пиру сопричастности, личное присутствие и прикосновения к *серебряной нити*, связывающей нас сегоднешних с субстанцией входящих сто лет назад в Круг Малевича.

Во время этой вступительной части всей создаваемой *поэтической* структуры возникали новые названия точек пространства в самом *архитектоне* и вокруг него. **Место стягов** – под балконом Шагала во дворе. Там затем расположилась и экспозиция творческого объединения «Квадрат». **Лестница Малей** – ступени, ведущие на возвышение во дворе (подобие Модели парадной лестницы павильона СССР, в проекте созданной Николаем Суетиным во второй половине 1930-х гг.). **Ниши галереи Валентины Ляхович. Цоколь Кости Селиханова.**

Все художники – участники выставки собрались вечером и открыли экспозицию ровно на один час. Солнечный безупречно тёплый вечер, зелёная яркая трава, булыжная серая мостовая у фасада Дома, серая же плитка во дворе, Чёрный квадрат и белый куб, рыжие кирпичи... Мы начали эту часть у фасадного входа в Дом, и оттуда со стягами пошли по булыжнику вверх к картинам. Галина Васильева представила перформанс «Кора» на растеленом на серой плитке чёрном квадрате. Все мы разместились кольцом, кругом... И стали говорить. О Белом

архитектоне, о Сердце Лисицкого, об УНОВИСе, о тех художниках, которых уже нет на свете, но работы которых были представлены (В. Чукин и А. Досужев).

А. Малей: «Этот Дом - факт культуры. На него было потрачено очень много времени разных людей. Когда всё нынешнее преобразование начиналось, я думал, что всё это произойдёт очень быстро. Какой я был наивный! Но тем не менее это совершилось. Но я не буду говорить об известных явлениях и фактах начала века, я хочу сказать сейчас о вас, дорогие мои. О той когорте художников со своим творчеством, своей позицией, о тех, которых не заставили хлебать тоталитарную похлёбку, сдобленную эрзацем искусства, о тех, которые шли своей дорогой, которые понимали, какая это дорога. О тех, кто понимал само искусство и развивал его не благодаря, а всегда вопреки, начиная от бытовых проблем, кончая проблемами с социумом. Дело в том, что в Витебске сложилась удивительная ситуация. Век двадцатый замкнулся вами! В конце века собрались художники, и они сотворили искусство не в угоду традиции, ведь, когда «КВАДРАТ» создавался, мы боялись, чтобы к нам не приклеили конъюнктуру, что мы, мол, только следуем к УНОВИСу. Вам удалось на основе модернистской культуры и классического русского авангарда создать современное искусство, которое перекликается с началом века. Блаженны алчущие и ищущие правды, они будут насыщены. Вот вы и насытили этой правдой искусство».

К. Селиханов: «Для нас история искусств – это такая абстракция. А глядишь на этот Дом и видишь, что на этом балконе стоял Марк Захарович, распределял скудные средства, выделенные Москвой на обустройство этого витебского мира, и тут же Малевич – и всё это очень живое здесь. Я ведь не очень верил, что это всё было. Для меня это – такой вот миф. Мне казалось, что это всё придумано было, Малевичем ли... Я сейчас, когда я на вас смотрю, я понимаю, что это – правда. Вот у нас сегодня праздник!»

Это всё происходило в сконцентрированном времени. Время, как по законам физика Н. Козырева, сжалось и сделалось гелеобразным, а мы в нём схватили его ядерное, энергетическое составляющее. Время стало стекать в пространстве Дома и вокруг Дома и в нас самих. И исчезло. В нашем мозгу оно стало почти джазовой партитурой, стремительно вспыхнув и сжав свою музыкальную партию.

А потом сделало еще одну петлю, тонкую, как будто сквозь воронку вытекающую из только что сконцентрированного выставочного/акционного времени. Мы перешли на другую сторону улицы и остановились в другом дворе, на том месте, где стояла полвека назад Воскресенская Заручавская церковь. Мы поклонились и этой витебской памяти.

И снова петля. И возвращение во двор Дома. Завершающая часть стала нашей тайной вечерей. Во дворе под балконом Шагала мы преломили чёрный хлеб и пригубили красное вино.

Итак, интуитивно мы повторили все этапы архаического обряда, удерживающего космос от хаоса: омовение (размещение работ, подготовка, начало) – путь (наше движение со стягами) – жертвоприношение (открытие выставки, сама акция, дар памяти) – пир («тайная вечеря»).

Витебские художники во время подготовки к выставке

Студенты-музеееды 2 курса работают как помощники в подготовке выставка

**Студенты-музеееды 2 курса шествуют со знаменами Музея истории ВНХУ
на открытии выставки**

Открытие выставки

Участники выставки

Коц А. Л.
СПЕЦЫФІКА АПРАЦОЎКІ АРХЕАЛАГІЧНЫХ ЗНАХОДАК З РАСКОПАК
НА ПОМНІКАХ АРХІТЭКТУРЫ СТАРАЖЫТНАРУСКАГА ПЕРЫЯДУ
(НА ПРЫКЛАДЗЕ ДАСЛЕДАВАННЯЎ
СПАСА-ПРААБРАЖЭНСКАГА ХРАМА Ў ПОЛАЦКУ)

Ключавыя словы: старажытнаруская архітэктур, Полацк, Спаса-Праабражэнскі храм, фрэскі, плінфа.

Вывучэнне помнікаў архітэктурны з’яўляецца важнай вехай у даследаванні тэндэнцый эканамічнага і культурнага развіцця пэўнага рэгіёна. За савецкім часам склалася некалькі цэнтраў па вывучэнні старажытнарускай архітэктурны на прасторах былога СССР. Галоўнымі цэнтрамі былі ўстановы г. Ленінграда (цяпер Санкт-Пецярбурга). Гэта Дзяржаўны Эрмітаж, Ленінградскі аддзел Інстытута археалогіі АН СССР (цяпер ІГМК РАН) і Ленінградскі Дзяржаўны ўніверсітэт (цяпер СПбДУ). Ленінградскія даследчыкі працавалі на шэрагу помнікаў архітэктурны на тэрыторыі Беларусі, у тым ліку і ў Полацку. Але сваёй навуковай школы па вывучэнні старажытнарускай архітэктурны ў Беларусі не склалася. У айчынай археалогіі вырасла толькі некалькі навукоўцаў, якія займаліся даследаваннямі архітэктурны азначанага перыяду [5, с. 37-43]. На сённяшні дзень практыка даследаванняў культавых і грамадскіх пабудов 11-13 стст. фактычна адсутнічае.

У 2015 г. былі распечатаны археалагічныя раскопкі пры Спаса-Праабражэнскім храме (далей Спаская царква), якія працягваюцца да сённяшняга дня¹. У Полацку гэта першыя мэтанакіраваныя даследаванні помніка старажытнарускай архітэктурны з пачатку 1990-ых гг.

Археалага-архітэктурныя даследаванні паказалі на існаванне прыбудовы да асноўнага аб’ёма храма. Яны складаліся з паўднёвай і паўночнай галерэй, з захаду быў прыбудаваны экзанартэкс з прытворам. Галерэй ў першую чаргу прызначаліся для пахавання: тут выяўлена вялікая колькасць плінфяных саркафагаў. Абсалютная большасць з іх была разрабавана, значна пашкоджана ці нават знішчана. У заходняй частцы паўднёвай галерэй быў выяўлены падземны храм – унікальны архітэктурны аб’ект: невялікае памяшканне з алтаром, якое цалкам заглыблена ніжэй узроўню дзённай паверхні 12 ст. Усе названыя прыбудовы Спасакага храма былі зруйнаваны ў канцы XVII ст. Ад гэтага часу да нашых дзён сфарміравалася ўстойлівае ўяўленне, што царква, ад якой застаўся толькі асноў аб’ём, была ўзведзена Еўфрасінняй Полацкай у такім выглядзе.

¹ Даследаванні арганізаваны Полацкім дзяржаўным ўніверсітэтам пры ўдзеле Дзяржаўнага Эрмітажа Расіі.

Паколькі асноўны аб'ём храма захаваўся амаль у некранутым выглядзе, то тут мае месца быць і архітэктурным даследаванням, якія таксама арганізавана праводзяцца з 2015 г.¹

Раскопы, якія мелі на мэце вывучэнне прыбудовы, пачалі распрацоўвацца толькі з 2017 г. За шэсць гадоў закладзена 5 раскопаў агульнай плошчай каля 220 м². Да сённяшняга дня Спаса-Праабражэнскі храм цалкам аколаны археалагічнымі раскопамі. Застаюцца не вывучанымі толькі паўночная частка паўночнай галерэі і старажытны прытвор. Таксама было закладзена 7 шурфоў у інтэр'еры храма.

У працэсе археалагічных даследаванняў былі выяўлены архітэктурныя канструкцыі і зафіксаваны каштоўнейшыя знаходкі, а таксам сабрана багатая калекцыя фрагментаў тынкоўкі з манументальным жывапісам, які некалі ўпрыгожваў сцены галерэй. Калекцыя археалагічных артэфактаў ў першую чаргу складаецца са знаходак будаўнічых матэрыялаў: фрагментаў плінфы, кавалкаў тынкоўні, кавалкаў каменных крышак саркафагаў, плітак падлогі, мальты і інш. Іншыя знаходкі прадстаўлены побытавымі рэчамі, прадметамі культавага прызначэння, упрыгожваннямі, косткамі жывёл і рыб, бытавой керамікай. Пасля разбурэння галерэй вакол храма арганізаваны могілкі: было выяўлена больш 150 некранутых пахаванняў.

Новыя падыходы і методыкі ў вывучэнні старажытнарускай архітэктуры, у тым ліку з выкарыстаннем высокатэхнічнага абсталявання, абумовілі патрэбу ў больш дэталёвым вывучэнні, захаванні і рэстаўрацыі археалагічных артэфактаў. У першую чаргу гэта датычыцца будаўнічых матэрыялаў.

У першую чаргу апрацоўка плінфы заключаецца ў фіксацыі параметрычных дадзеных: даўжыня, шырыня і таўшчыня. Найбольшую цікавасць уяўляе сабой цэлая плінфа, але знаходкі цэлых экзэмпляраў у межах раскопа вельмі рэдкія. Як правіла пры разбурэнні старажытных архітэктурных канструкцый цэлую плінфу маглі разбіраць для другаснага выкарыстання. Калі цэлая плінфа выяўлена ў некранутай кладцы (*in situ*), то яна не падлягае выманню. Нават, калі ў час даследаванняў ў межах раскопа не было выяўлена цэлых экзэмпляраў старажытнай цэглы. У супрацьлеглым выпадку гэта можна параўнаць з разбурэннем помніка архітэктуры. Тое самае датычыцца і вялікіх памеры блокаў кладкі, калі яны выяўлены не *in situ*, яны павінны быць вынуты з раскопа і ў далейшым перададзены на рэстаўрацыю і на захаванне не разабранымі, ў цэлым выглядзе. У даследаваннях ста-

¹ Асноўная маса даследаванняў па вывучэнні архітэктуры наземнай часткі помніка праведзена супрацоўнікамі Дзяржаўнага Эрмітажа Расіі з удзелам беларускіх спецыялістаў. Таксама агульныя даследаванні архітэктуры Спаса-Праабражэнскага храма праводзіліся рэстаўратарам У.В. Ракіцкім у межах аднаўлення ансамблю фрэскавага жывапісу з 1990-ых гг.

ражытнарускай архітэктуры ёсць прыклады, калі фрагменты сцен маглі быць разабраныя і перанесены на іншае месці ці ў музейную калекцыю. Але такія прыклады датычыцца кладак з вапняковых (ці іншага матэрыялу) блокаў вялікага памеру, цэглы на моцнай рошчыне, але не плінфяной кладкі на цамянцы. Вядомым прыкладам перанясення рэштак мураванага помніка з'яўляецца Верхняя царква ў Гародні [1, с. 184]. Вялікія кавалкі кладкі з плінфы немагчыма перанесці шляхам разбірання з прычыны разбурэння рошчыны.

Параметрычныя дадзеныя варта фіксаваць на ўсёй плінфе, нават на невялікіх кавалках, якія былі выяўлены пад час раскопак, бо гэта дазволіць больш дакладна вызначыць статыстычную хібнасць і дасць больш дакладную інфармацыю аб памерах. У такім выпадку, варта весці збор усіх знойдзеных кавалкаў, які маюць інфармацыю аб памерах. Згодна агульнай тэндэнцыі вывучэння старажытнай цэглы прынята абагульняць памер да 5 міліметраў. Так плінфа, з якой былі ўзвешаны ніжнія часткі сцен галерэй мае памер (27.5-29.5) x (22.5-24.5) x (3-4) см. Варта адзначыць, што выкарыстанне рознага памеру плінфы, а гэта атрымаецца вызначыць толькі пры вывучэнні вялікага аб'ёма артэфактаў, можа сведчыць на карысць этапнасць будаўніцтва харама, дзейнасці розных брыгад майстроў і інш. Так вызначана, што будаўнічы матэрыял з такімі памерамі сустракаецца ў кладцы завяршэння асноўнага аб'ёма помніка [4, с. 13].

Першасная апрацоўка плінфы – гэта яе прамыўка вадой, высушванне і падрабязны візуальны агляд на наяўнасць дэфектаў, браку, слядоў ад формы, наплываў, знакаў на тарцах, малюнкаў або графіці на пастэлых, адбіткаў пальцаў майстроў ці слядоў жывёлы, птушак, травы, на характар абпалу і інш. У выпадку, калі пастэль або бок плінфы закрыты вапнавай рошчынай варта прыняць меры па расчыстцы, але пажадана, каб гэтую працу выконваў спецыяліст-рэстаўратар. Пры расчыстцы ад вапнавай рошчыны пожна нанесці пашкоджанні на плінфяной паверхні ў выглядзе сколаў або драпін, што можа сказаць інфармацыю аб пэўных выявах. Таксама, рэстаўрацыйныя працы варта праводзіць, калі плінфа была выяўлена ў разламаным (раструшчаным) выглядзе. Найчасцей такое адбываецца пры доўгім уздзеянні на старажытную цэглу знешніх прыродных фактараў (вада, прамязанне глебы) пры яе знаходжанні ў глебе.

Візуальны агляд таксама дае магчымасць вызначыць форму плінфы. У выпадку, калі выяўлена лекальная плінфа (трапецыяпадобная, скругленая, са сскошанымі тарцамі і інш.), то інфармацыя аб ёй фіксуецца асобна, найбольш рэдкія лекальныя плінфы могуць быць замаляваны. Лекальная плінфа выкарыстоўвалася ў першую чаргу для выкладвання не стандартных архітэктурных форм. Фіксацыя ле-

кальнай плінфы дазволіць больш дакладна адказаць на пытанні аб будаўнічых традыцыях помніка. Для лекальнай плінфы варта найбольш дэталёва праглядаць сляды аб форме, бо яны могуць сведчыць на карысць яе вырабу. На сённяшні дзень застаецца адкрытым пытанне, якім чынам была арганізавана раз’ёмная форма па вырабу плінфы: няма адказу, як мацаваліся паміж сабою бакавыя дошчачкі.

Асобна трэба звяртаць увагу на знакі на плінфе. Уся полацкая плінфа выраблялася ў раз’ёмных рамках і таму шэраг экзэмпляраў утрымлівае адбіткі рэльефных знакаў на тарцах. Радзей сустракаюцца знакі на пастэлі плінфы. Фіксацыя і сістэматызацыя знакаў вельмі важна. Да сённяшняга дня няма адзінага адказу на пытанне аб прызначэнні знакаў на плінфе. Складанне каталагу па матэрыялам будаўнічых цэнтраў, дазволіла б вырашыць шмат пытанняў з датыроўкамі помнікаў, а таксама спрыяла б вызначэнню сувязяў паміж будаўнічымі арганізацыямі розных зямель Усходняй Еўропы [3, с. 401].

Вылікая колькасць помнікаў архітэктуры 10-13 стст. мае падлогі выкладзеныя з керамічных плітак з паліваю. Вызначана, што Спаса-Праабражэнскі храм не меў пліткавай падлогі, а падлога была сфарміравана слоём залашчонай вапнавай рошчыны. Пад час раскопак вакол храма сабрана багатая калекцыя паліваных плітак, якімі была аздоблена падлога драўлянага храма. Ён з’яўляўся папярэднікам Спаскай царкве і быў знішчаны пад час пажару.

Падыходы да апрацоўкі плітак падлогі вельмі падобная да працы з плінфай. Пранцыповым адрозненнем з’яўляецца наяўнасць паліванай паверхні на плітках. Гэта першае, на што звяртаюць увагу даследчыкі, бо колеры плітак падлогі могуць быць рознымі і таму іх класіфікацыя па колеры вельмі важна, для далейшай працы па рэканструкцыі напольнага пакрыцця.

Большасць архітэктурных помнікаў старажытнай Русі былі распісаны фрэскамі. Да нашых дзён манументальны жывапіс моцна пашкодзаны. У большасці выпадкаў ён захавалася часткова ці нават фрагментарна. На гэтым фоне Спаса-Праабражэнскі храм у Полацку вылучаецца, бо тут, у інтэр’еры асноўнага аб’ёма захавалася каля 90% роспісу 12 ст. Сучасная археалагічная методика і рэстаўрацыйныя працы дазваляюць аднавіць выявы святых, якія былі знішчаны пры разбурэнні таго ці іншага помніка архітэктуры. Так, на сённяшні дзень вызначана, што Спаскі храм акаляўся прыбудовамі. Усе яны былі багата распісаны фрэскамі. У працэсе раскопак была выяўлена вялікая колькасць фрагментаў тынкоўкі з манументальным жывапісам, які выдатна захавалася. Асобныя фрагменты жывапісу захаваліся на фасадах храма, якія да 17 ст. былі сценамі інтэр’ера галерэй.

Пад час працы па выманні фрагментаў жывапісу, першаснай апрацоўцы, інвентарызацыі і рэстаўрацыі выкарыстоўвалася метадыка распрацаваная і прымененая ў працы Цэнтра рэстаўрацыі манументальнага жывапісу Наўгародскага музея-запаведніка пад кіраўніцтвам Т.І. Анісімавай [2]. Да гэтай метадыкі зроблены карэктыроўкі, якія абумоўлены характарам культурнага пласта вакол Спаскага храма і ўмовамі працы.

Выяўленыя фрагменты жывапісу ўяўляюць сабой кавалкі тынкоўкі таўшчынёю 0,5-1,2 см (з адхіленнем), адзін бок якой мае роўную паверхню з слоём фарбы. Памеры фрагментаў розныя: самыя вялікія кавалкі дасягаюць памеру 10х12 см. Асноўная маса фрагментаў мае памеры ад 3х3 см да 1х1 см і больш дробныя.

Працы па выманні фрагментаў жывапісу ажыццяўлялася студэнтамі-гісторыкамі Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта і валанцёрамі¹. Культурны пласт вымаўся з раскопа і насыпаўся на асобным месцы. Слой з пэўнага участка і з пэўнага пласта або аб'екта насыпаўся асобна. Пошук артэфактаў ажыццяўляўся пры дэталёвай пераборцы на спецыяльных дошчачках з дрэва-валаконнай пліты (ДВП). Іх прыблізныя памеры 40х30 см. На адзін край ліста насыпаўся культурны слой і пры дапамозе шуфліка, нажа ці рукой перасыпаўся на супрацьлеглы бок ліста. Пад час перасыпання глебы пры ўважлівым назіранні збіраліся фрагменты тынкоўкі з жывапісам і іншыя археалагічныя артэфакты. Пасля таго, як уся насыпаная на ліст ДВП глеба была перабрана, яна скідвалася ў адвал. Участкі раскопа ці архітэктурныя канструкцыі, якія былі насычаны фрагментамі жывапісу і ўтрымлівалі мінімумкультурнага пласта (асобныя саркафагі, прастора падземнага храма) разбіраліся пад час раскопвання адразу ў пластыкавыя скрынкі з пэўнымі паметкамі.

Сабраныя фрагменты тынкоўкі адразу павінны выкладвацца ў адзін слой у драўляныя скрынкі ці каробкі для далейшага прасушвання². Пры зборы фрагментаў тынкоўкі ў пакункі або кучай ў адну скрынку можа нанесці механічную шкоду слою з фарбай, а таксама ёсць верагоднасць забруджвання цвіллю, што не дапушчальна для жывапісу. Кожная ёмістасць павінна мець бірку з пазначэннем месца вымання, годам раскопак, вызначэннем помніка, нумарам раскопа, нумарам участка, пласта і іншымі дадатковымі дадзенымі. Варта пазначаць і дакладную дату ажыццяўлення пераборкі або вымання фрэсак з раскопа.

¹ Выказваю шчырую падзяку ўсім ўдзельнікам экспедыцыі за праведзеную складаную працу.

² З-за недахопу скрынак выкарыстоўваліся кардонныя каробкі, але яны хутка размакалі ад вільготных кавалкаў тынкоўкі і таму іх выкарыстанне не з'яўецца мэтазгодным пры такім зборы артэфактаў.

Высушванне фрагментаў тынкоўкі з жывапісам павінен працягвацца каля 3-ох месяцаў. Пасля высушвання фрагменты тынкоўкі перастаюць быць крохкімі.

Далей адбываецца праца ачысткі. Пры ачышчэнні фрагмент з жывапісам браўся за тарцы і забруджванні (рэшкты зямлі) выдаляліся шляхам абмятання мяккай шчацінай пэнзля (флейцы №40, №30) з тыльнага боку і з тарцоў. Абмятанне слою з фарбай таксама дапушчальна (пры неабходнасці!) пры выкарыстанні больш мяккага пэнзля (флейцы №50, №40). Потым фрагменты выкладваліся ў адзін слой ўжо на пастаяннае захоўванне або для далейшай апрацоўкі ў спецыяльных скрынкі-“планшэты”¹, з пазначэннем інфармацыі аб месцы выяўлення дадзеных фрагментаў. Таксама варта кожнаму планшэту надаваць свой нумар і весці вопіс планшэтаў.

Існуе два варыянты выкладвання фрагментаў тынкоўкі з жывапісам на планшэты. У адным – жывапіс павінен ляжаць слоём фарбы ўніз. Такі варыянт варта прымяняць пры падрыхтоўцы знаходак для фундавага захавання. У другім выпадку тынкоўка кладзецца слоём фарбы ўверх. Ён прымяняецца ў рэстаўрацыйных майстэрнях, дзе ажыццяўляецца працэс аднаўлення жывапісу. Калекцыя жывапісу з раскопак пры Спаса-Праабражэнскім храме выкладзены па тэхналогіі другога варыянта.

Спецыялістамі-рэстаўратарамі ўжо распачата праца па падборцы і аднаўленню фрагментаў жывапісу. Станоўчая захаванасць фарбавага слою, вялікая колькасць фрагментаў, прымяненне метадыкі па выманню знаходак і іх зняшныя падабенства – усё гэта дае высновы меркаваць, што далейшая праца па падбору і склейванню можа быць вельмі эфектыўнай. Зараз вядзецца падрыхтоўка спецыяліста, які ў далейшым зможа працаваць з дадзенай калекцыяй фрагментаў манументальнага жывапісу. Аднаўленне нават невялікай часткі роспісу зруйнаваных прыбудов Спаскай царквы дазволіць зрабіць новыя адкрыцці адносна бачання жывапісу 12 ст.

У ходзе археалагічных і архітэктурных даследаванняў можна выявіць і іншыя знаходкі, якія цесна звязаны з будаўнічымі канструкцыямі: смальта, свінцовае пакрыццё (лісты) даху, каменныя ці ляпныя дэталі архітэктурных элементаў, вапнавую тынкоўку і інш. Усе яны таксама падлягаюць дакладнай фіксацыі і дэталёвай апрацоўцы, аднак працу з пералічанымі артэфактамі варта ахарактэрызаваць асобна.

¹ Планшэт – гэта скрынка памераў 40х25 см. Паводле тэхналогіі планшэты павінны мець два супрацьлеглых борціка адной вышыні (каля 5 см). Дзве іншыя стараны борцікаў не маюць. Гэта зроблена для таго, каб адбывалася праветраванне. У нашым выпадку планшэты маюць чатыры борцікі: два борцікі вышынёю каля 5 см, і два борцікі вышынёю каля 2 см. Гэта дазваляе больш надзейна захоўваць фрагменты ў выпадку перамяшчэннем планшэтаў у розныя месцы захавання.

На сённяшні дзень, найноўшыя тэхналогіі і новыя падыходы ў вывучэнні старажытнай архітэктуры дазваляюць больш дэталёва разглядаць працэс будаўніцтва помніка. Падрабязная праца з матэрыяламі археалагічных раскопак спрыяе больш дакладнай фіксацыі момантаў, звязаных з узвядзеннем будынка, яго мастацкімі асаблівасцямі. Гэта дае магчымасць разглядаць помнік не толькі ў кантэксце развіцця архітэктурных традыцый (макра ці мікра) рэгіёна, але і як асобны шэдэўр архітэктуры. Усе азначаныя акалічнасці і спецыфіку ў вывучэнні артэфактаў варта прымяняць не толькі пад час працы на храмах старжынай Русі, але і на іншых помніках архітэктуры больш позняга перыяду.

1. Воронин, Н. Н. Древнее Гродно / Н. Н. Воронин // Материалы и исследования по археологии СССР. – 1954. – № 41. – 240 с.
2. Галкина, О. М. Результаты работы реставраторов с фрагментами живописи XII века церкви Благовещения на Городище. Сезон 2016 года / О. М. Галкина, Е. В. Трудникова // Новгородский музей-заповедник. Материалы н-пр. конф. Великий Новгород, 22–23 марта 2017 г. – Великий Новгород, 2018. – С. 48–53
3. Ёлшин, Д. Д. Новые исследования древнерусской плинфы: итоги и перспективы / Д. Д. Ёлшин // Археологія і давня історія України: збірник науч. Робот. – Київ: Інститут археології НАН України, 2010. – Вып. 1. – С. 395–407.
4. Торшын, Я. М. Спасціжэнне першапачатковай задумы архітэктуры Полацкай Спаса-Праабражэнскай царквы: па выніках даследаванняў 2015 года / Я. Торшын, Д. Дук, А. Коц, А. Іаанісян, П. Зыкаў // Беларускі гістарычны часопіс. – 2016. – № 7. – С. 5–16.
5. Трусаў, А. А. Эвалюцыя будаўнічых матэрыялаў і тэхнікі манументальнага дойлідства Беларусі XI–XVIII стст. / А. А. Трусаў. – Мінск : БДУКіМ, 2020. – 306 с.

Кусовская А. В.
ФОРМИРОВАНИЕ КУЛЬТУРОТВОРЧЕСКОЙ СРЕДЫ
В СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЕ
УЧРЕЖДЕНИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Ключевые слова: студенческая молодежь, культуротворческая среда, социально-культурная инфраструктура, учреждения высшего образования.

На студенческую молодежь оказывает воздействие широкий спектр факторов, динамических социокультурных процессов, тенденций, художественных течений и др. Их многообразие формирует уникальную культурную среду, которая играет важную роль в жизни и развитии студенческой молодежи. Сохранение, и распространение ценностно-содержательных текстов культуры поддерживается и регулируется в рамках института трансляции социокультурного опыта в рамках социально-культурной инфраструктуры. В научных исследо-

ваниях повышается интерес к осмыслению роли и значения социально-культурной среды, которая призвана гармонизовать процессы социализации, аккультурации, социокультурной адаптации и самореализации молодежи в рамках учреждения высшего образования. Понятие «социокультурная среда» широко используется в академической литературе [3], однако еще не рассматривалась с культурологической точки зрения в отношении студенческой молодежи. Имеющийся социокультурный опыт учреждений высшего образования носит, по большей части, фрагментарный характер. Нам представляется, что такое положение обусловлено недостаточной разработанностью проблематики и механизмов функционирования социокультурной среды учреждений высшего образования, что влечет недооценку ее роли и места в социокультурном становлении студенческой молодежи, а также реализации ее культуротворческого потенциала.

Инновационные изменения в социально-культурной, экономической, научно-технической сфере обусловили необходимость в специалистах, которые способны решать творческие задачи, готовы к саморазвитию, самообразованию и самоактуализации. Чтобы решить эти задачи, необходимо обеспечить творческие условия развития социокультурной активности студенческой молодежи в самом учреждении высшего образования. В этом аспекте актуальной становится проблема развития социокультурной активности студенческой молодежи в социально-культурной среде учреждения высшего образования.

Необходимым условием эффективной деятельности системы учреждений высшего образования является его деятельность как особого социально-культурного института, который содействует развитию профессиональных, а также и общекультурных компетенций студенческой молодежи. Осуществление данной идеи возможно при условии создания в учреждении высшего образования соответствующей культурно-обогащенной среды.

Термин «социально-культурная инфраструктура» состоит из двух составляющих. Понятие «инфраструктура» относится к внутренней структуре объекта. Инфраструктуру подразделяют на 2 группы: социально-бытовую и социокультурную. Социально-бытовая инфраструктура ориентирована на создание условий для удовлетворения базовых потребностей человека. Социокультурная – содействует воспроизводству духовных, интеллектуальных характеристик человека через культурно-образовательную среду.

Социально-культурная инфраструктура – система условий создания, сохранения, трансляции и воспроизводства культурных ценностей; система информационно-организационного обеспечения культурной жизни и творчества, куда входят музеи, библиотеки, архивы, культурные центры, выставочные залы, мастерские и др. [1]. Задача социокуль-

турной инфраструктуры – удовлетворение культурных потребностей человека в процессе жизнедеятельности. В проекции на студенческую молодежь понятие «социально-культурная инфраструктура» раскрывается как система материальных объектов и видов творческой деятельности, которые создают условия для реализации культурных потребностей обучающихся в учреждениях высшего образования.

Сущность феномена социокультурной инфраструктуры раскрывается в русле системно-функционального и деятельностного подхода к культуре, который предложил М.С. Каган [2]. Социокультурные институты – устойчивые (и одновременно исторически изменчивые) образования, нормы, которые возникли в результате жизнедеятельности человека. В качестве компонентов морфологической структуры человеческой деятельности М.С. Каган выделил следующие: преобразование, общение, познание и ценностное сознание [2]. Исходя из этой модели, мы можем выделить основные направления деятельности социокультурных институтов: 1) Культуропорождающие. Побуждают на процесс производства культурных ценностей; 2) Культуросохраняющие. Организация процесса сохранения и накопления культурных ценностей, социокультурных норм; 3) Культуротранслирующие. Управляют процессами познания и просвещения, передачи культурного опыта; 4) Культуроорганизующие. Управляют процессами пространства и потребления культурных ценностей.

Социокультурную инфраструктуру нельзя рассматривать в отрыве от установок, потребностей, ценностных ориентаций человека, а также отдельных социально-культурных категорий. Поэтому в социокультурной инфраструктуре особую роль имеют ценностные смыслы.

Социокультурная среда включает четыре обязательных элемента: 1) субъекты социокультурного процесса; 2) профессионально-культурные объединения; 3) непосредственно социокультурный процесс; 4) условия актуализации социокультурного процесса.

Социокультурная среда имеет определенные границы, которые обусловлены во времени и в пространстве, что является ее универсальными качествами. Одновременно с этим, структура социокультурной среды не имеет жесткой регламентации и зависит от исторически обусловленной специфики функционирования каждого отдельного учреждения высшего образования, истории становления отрасли образования, традиций учреждения высшего образования, а также, от региональных или национально-культурных особенностей.

В нашем случае субъектом социокультурного процесса является студенческая молодежь, культуротворческая деятельность которой разворачивается в социально-культурном пространстве учреждения высшего образования. Социокультурная среда учреждения высшего образования – это пространство, которое направлено на удовле-

ние потребностей и интересов студенческой молодежи в соответствии с общечеловеческими и государственными ценностями. Сущность социокультурного пространства - целенаправленная и эффективная организация взаимодействия, трансляции и воспроизводства социально-культурного опыта, а также создание условий личностного становления студенческой молодежи, в результате которого происходит включение студента в различные ее сферы. Структура социально-культурной среды определена особенностями учреждения высшего образования, выбором ценностей, способов культурной самореализации, раскрытия потенциала студенческой молодежи. В решении вопросов воспитания студенческой молодежи на уровне учреждения высшего образования действуют:

- структурные подразделения (управления/отделы воспитательной работы со студенческой молодежью, управления по делам культуры, центры культуры, психологические центры, спортивные клубы и др.);
- общественные организации студенческой молодежи (студенческий совет университета, студенческий совет общежитий, профком студентов, волонтерские объединения, отряды добровольной дружины).

Таким образом, социокультурная среда учреждения высшего образования – это системное образование, которое включает ряд структурно-функциональных компонентов. Это открытая, саморазвивающаяся, динамичная система, в структурных элементах которой происходит внутреннее развитие, идет процесс накопления социокультурного опыта, а также формирование информационной культуры и культурной компетентности. Это сложная структура общественных, материальных и духовных условий, в которых осуществляется социализация, самореализация и социокультурное развитие студенческой молодежи.

Мы рассматриваем социокультурную среду учреждения высшего образования как пространство саморазвития и самореализации студенческой молодежи, в которой молодежь может сделать свой выбор и построить свой путь социокультурного развития, а также, реализоваться и совершенствоваться в культуротворческой деятельности. В таком концептуальном ракурсе рассмотрения социокультурная среда удовлетворяет ключевые социокультурные потребности студенческой молодежи – реализации культуротворческого потенциала, самоорганизации, самообразования, саморазвития. Социокультурная среда учреждения высшего образования должна соответствовать следующим требованиям: содействовать самореализации студенческой молодежи; способствовать удовлетворению их потребностей и интересов; содействовать адаптации к социокультурным изменениям; быть инструментом формирования ценностей и моделей поведения студенческой молодежи; определять перспективы развития учреждения высшего образования [4].

В учреждениях высшего образования Республики Беларусь созданы условия для социокультурного развития студенческой молодежи, развивается культурно-обогащенная социокультурная среда. Составляющими социально-культурной инфраструктуры стали: студенческие клубы, спортивные клубы, студенческие театры, литературные студии, коллективы художественной самодеятельности. Например, при студенческих клубах учреждений высшего образования действуют кружки художественной самодеятельности по различным направлениям. Давняя традиция в учреждениях высшего образования проводить философские, музыкальные, поэтические вечера, художественные выставки. В некоторых учреждениях высшего образования издаются студенческие газеты, а также работает студенческое радио.

Таким образом, информационное развитие общества приводит к появлению новой социально-культурной среды, включая и социально-культурную среду высшего учебного заведения. Эта среда, в свою очередь, предъявляет соответствующие требования к социокультурной активности студенческой молодежи, ставя перед ними новые социокультурные задачи по формированию ценностного сознания. Среда высших учебных заведений меняется, следовательно, трансформируется и вся структура учебного заведения.

Социально-культурная активность студенческой молодежи помогает войти им в новое общество, исследовать его ценности, нормы и успешно действовать в данной среде. Социокультурная среда имеет двунаправленный характер: во-первых, содействует студенческой молодежи освоить историко-культурное наследие и укрепить национально-культурную идентичность, а во-вторых, позволяет раскрыть культуротворческий потенциал в актуальных формах.

Социокультурная среда учреждения высшего образования взаимосвязана с процессами развития культуры, как на национальном, так и наднациональном уровнях. Соответственно система ценностей и норм социокультурной среды учреждения высшего образования интегрирует ценности и нормы современного общества, что оказывает влияние и на формирование системы ценностей студенческой молодежи.

1. Горелова, И. Н. Культура и межкультурное взаимодействие: словарь / И. Н. Горелова, Н. Н. Лысенко, Ю. В. Мухлынкина. – М. : РУТ (МИИТ), 2018. – 126 с.
2. Каган, М. С. Морфология искусства / М. С. Каган. – М. : Искусство, 1972. – с.440
3. Кормакова, В. Н. Влияние социокультурной среды вуза на учебно-профессиональную самореализацию студентов / В. Н. Кормакова // Фундаментальные исследования. – 2013. – № 8-5. – С. 1198–1202.
4. Мосина, А. В. Ценностные ориентации студентов в условиях проектирования социокультурной образовательной среды / А. В. Мосина // Интернет-форум в рамках Всероссийской научной конференции с международным участием «Педагогика в современном мире». – 2011. – С.385.

Лицкевич О. В.
ДРЕВНЕЙШИЕ УЧАСТКИ БЕЛОРУССКО-ЛАТВИЙСКОЙ ГРАНИЦЫ
КАК ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНАЯ ЦЕННОСТЬ
(К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

Ключевые слова: Ливония, Витовт, Полоцк, Радивил, Псковская земля, границы.

Прохождение белорусско-латвийской государственной границы определено Договором об установлении государственной границы между Республикой Беларусь и Латвийской Республикой от 21 февраля 1994 г. В соответствии с этим документом ее линия совпадает с латвийской государственной границей на рассматриваемом участке по состоянию на 16 июня 1940 г. Общая ее протяженность составляет 172,9 км. Со стороны Беларуси к белорусско-латвийской границе выходят территории Браславского, Миорского и Верхнедвинского районов Витебской области. Граница начинается близ впадения р. Неверича в р. Синюха (Зилупе), где находится стык государственных границ Республики Беларусь, Латвийской Республики и Российской Федерации, и завершается в нескольких км к западу от оз. Ричу, где близ оз. Людвиново находится стык границ Республики Беларусь, Латвийской Республики и Литовской Республики.

Формирование различных участков белорусско-латвийской границы происходило в разное время. Значительная часть линии границы возникла не ранее XVI в., но есть отрезки, которые можно датировать более древними временами. В этом убеждает обращение к старинным описаниям рубежей, в которых отражена граница ВКЛ и Ливонии, обозначенная на местности в правление великого князя Витовта (в соответствии с Мельнским договором 1422 г.) и короля Польши, великого князя литовского Казимира (в соответствии с договором 1473 г.).

Район от оз. Людвиново до Западной Двины. Около 10 февраля 1426 г. к Витовту в его новый замок Браслав (nouwen hwsze Bratslaw) прибыли послы ландмиистра Ливонии, чтобы обсудить в том числе предстоящую демаркацию границы [17, s. 716]. Из дальнейших описаний ливонской границы известно, что со стороны ВКЛ демаркацией руководил вилькомирский наместник Шедибор Валимонтович, отчего эта граница получила название Шедиборовой. Обозначенная им граница везде шла на несколько км южнее современной белорусско-латвийской границы. Согласно ливонскому источнику 1545 г., она пересекала оз. Дрисвяты, шла по р. Ричанке до оз. Муйса, далее следовала на восток и северо-восток по линии: река Rurwen (по-литовски Puzesillen) от оз. Муйса до оз. Чертовского, оз. Локутя, оз. Савонар,

оз. Буже, оз. Жвирблянское, оз. Ельно, оз. Струсто, оз. Войсо, оз. Недрово, р. Друйка и какой-то из притоков Зап. Двины под названием Pergatz к западу от Друи [16, р. 172–173; 2, с. 427].

В 1473 г. ВКЛ и Тевтонский орден в Ливонии заключили новый договор о границе. Со стороны ВКЛ заключением договора и последующей демаркацией границы руководил трокский воевода, маршалок Литовской земли Радивил Остикович, поэтому новая граница получила название Радивиловой. По литовским описаниям 1529 и 1542 гг., граница на этом участке шла от оз. Акменкас, где начинался ливонский рубеж Дрисвятской волости: лесом до оз. Угаринку, далее по акватории оз. Ричу, через мыс Острый Рог на оз. Ричу, бором до района оз. Беяны. Дальше линия Радивиловой границы не вполне ясна из-за того, что названия озер, упоминаемых в описаниях, к нашему времени изменились. Вновь линия границы начинает четко прослеживаться от оз. Плюсы: она шла до оз. Пресвято и далее по р. Кобыла, вытекавшей из оз. Пресвято, вплоть до ее впадения Западную Двину [18, р. 220–221; 3, с. 35–37, 51, 53]. Эта р. Кобыла надежно отождествляется с нынешней р. Пресвята: в прошлом оз. Пресвято имело гораздо большую площадь, чем сейчас [см. 7, 90:06], поэтому р. Пресвята действительно вытекала из него.

Таким образом, в этом районе современная белорусско-латвийская граница совершенно не соответствует границе времен Витовта, но кое-где **совпадает с известной нам линией Радивиловой границы 1473 г.: на отрезке оз. Ричу – оз. Беяны и на отрезке оз. Плюсы – оз. Пресвято – верхнее течение р. Пресвята.**

Район от Западной Двины до р. Асуница. При Витовте демаркация границы между Полоцким поветом и Ливонией к северу от Западной Двины была проведена около июня 1426 г.; со стороны ВКЛ процессом руководили пан Остик и неизвестный по имени полоцкий наместник [17, s. 731–732; 6, с. 172]. Непосредственных описаний этой границы, называемой в источниках Витовтовой, мы не знаем. Однако можно предполагать, что она начиналась в месте впадения р. Индрица в Западную Двину [ср. сообщение под 1471 г.: 6, с. 324] и далее в основном совпадала с последующей Радивиловой границей 1473 г. В 1542 г. свидетели со стороны ВКЛ говорили: «А мы вси по тые границы за дедовъ и отъцов наших, и мы сами вечно держали есмо. Почонъшы отъ Двины реки, аж до границъ Псковъских, до реки Рубанки, по границу Великого князя Витовътову, а по Витовте по границу Радивилу» [3, с. 39, 56].

По описанию 1542 г. [3, с. 37–38, 55], Радивилова граница 1473 г. шла по р. Индрица до оз. Индро (теперь оз. Индрица), а затем «речъкою Кгекгужицою уверхъ». Эта речка на карте 1990 г. обозначена как Дзегузе, она протекала через озера Ижуни, Илзу и впадала в оз. Индрица с северо-восточной стороны [8, 08:30]. От речки Кгекгужицы

линия следовала на восток до оз. Ормея (теперь оз. Ормияс, вероятно, вместе с оз. Гарайс). Оттуда по протоке, называемой «речьюкою Ормеицою», граница шла через озера Осунцо и Великое Осуно, расположенные близ нынешнего местечка Асуне. На карте Генштаба РККА масштабом 1:50000 по съемке 1916 г. они указаны как озера Малая и Большая Осунь [12, 09:38]. Затем граница проходила в восточном направлении по р. Асунице до впадения в нее р. Водьга (теперь р. Актица). Здесь заканчивался ливонский рубеж Друйской волости.

В этом районе современная белорусско-латвийская граница не совпадает с Витовтовой/Радивиловой границей, поскольку отстоит на значительном удалении к востоку.

Район от р. Асуница до р. Неверица. От устья р. Актица начинался ливонский рубеж Освейской волости. Согласно описанию 1542 г. [3, с. 55–56], он следовал по рекам Водьга и Малая Водьга, которые составляли единое целое: «А тые обедве речьки Водги идуць [зъ] земъли Немецкое, граничечы земълю Освейскую земълею Лифлянтъскою». Анализ этого описания и картографических материалов позволяет предполагать, что под «Водьгой» здесь имелась в виду нынешняя р. Дагдица вместе с течением Актицы от устья Дагдицы до впадения в Асуницу, а «Малая Водьга» – это верхнее течение Актицы от ее истока до устья Дагдицы. В московской «Книге рубежей Полоцка и Полоцкого повета» 1563–1571 гг. р. Актица ошибочно названа Маленицей, но конфигурация границы та же, что в литовском описании 1542 г. [5, с. 427; 4, с. 37].

Близ верховьев Актицы граница доходила до ольхи, на которой были «знаки и рубежи старие». Дальше были насыпаны два кургана («копца») – один полоцкий, другой ливонский. «А какъ тые люди освейские поведили перед нами, иж в томъ местъцу панъ Радивиль хлеба елъ, як тую границу чынилъ» [3, с. 55]. Отсюда шли пограничные знаки по деревьям «вельми частии» – до местности над озером Гагалинец. Приграничное озеро «Гоголенцо» фигурирует на этом же месте и в «Книге рубежей Полоцка и Полоцкого повета» [5, с. 427]. Сейчас оно называется оз. Лесичанским [10, 12:52]. От него «по мъху, по деревью рубежы пошли у ручей Белых, а ручьемъ Белымъ у речьку Човъшу» (р. Товша, правый приток р. Сарьянки) [3, с. 55]. Ручей Белый можно отождествить с протокой, соединяющей оз. Лесичанское с р. Товшей [10, 12:52 и 14:54]. Несколько иначе представлена линия границы в «Книге рубежей Полоцка и Полоцкого повета». Здесь курганы («волотовки») указаны не до, а после оз. Гагалинец, а дальнейший отрезок до р. Човши идет не Белым ручьем, а Черным лесом: «А от Гоголенца озера Черным лесом до дву волотовок 5 верст, а те волотовки рубеж Полотцкому повету Освейской же волости с Резицею. А от дву волотовок до реки до Чавши Черным лесом 2 версты» [5, с. 427]. Как

отмечал Н. Н. Оглоблин, в этом источнике рубежи описаны начерно и не всегда точно [4, с. 8–9].

От устья Товши граница шла по р. Сарье (теперь р. Сарьянка, правый приток Западной Двины), а затем по р. Маленице (теперь р. Мальница, левый приток Сарьянки). От Маленицы она уходила «направо суходоломъ к городищу, а от городища у ручей Красъный, а Красъным ручьем униз, до речъки Любавъки». О каком городище здесь может идти речь? По берегам Сарьянки и Мальницы находятся такие городища, как Анджани (с латгальской стороны) [15] и Городок (с полоцкой стороны) в районе исчезнувшей ныне д. Перепечки [15; 9, 14:58]. Но упомянутое в описании Радивиловой границы городище следует искать дальше вверх по течению Мальницы. Это, скорее всего, городище Полещина (по-латышски *Polišķinas pilskaļns*), которое ранее носило название «Городище». Ныне в значительной мере распаханное, оно находится в черте современного латвийского волостного центра Шкяуне близ белорусско-латвийской границы [21; 20, 50:0]. Соответственно, ручей Красный можно отождествить с безымянной протокой, по которой на карте 1977 г. масштабом 1:50000 обозначена граница между Латвийской ССР и БССР [13, 22:63, 22:64, 22:65, 23:65]. Речка Любавка, вероятно, идентична протоке, которая, судя по довоенной карте, петлей огибала д. Домоново (ныне урочище Домоново) и впадала в Синюху западнее нынешней д. Гаврилины [11, 22:66; 13, 24:68]. Верифицировать описание этого участка Радивиловой границы можно с помощью «Книги рубежей Полоцка и Полоцкого повета», в которой линия границы практически такая же: «От устья реки Чавши Сарьею рекою вверхъ до суходолу до дву копонцов до волотовок 5 верст, а от дву волотовок до верх Любавки речки Черным лесом 5 верст, а речка Любавка вышла из лесу со мхов, а речкой Любавкою внизъ до реки Синие 15 верст [расстояния кажутся завышенными – О. Л.], а та река Любавка рубеж Полотскому повету Освейской же волости с Неметцкою землею Лужи городка» [5, с. 427].

Из речки Любавки граница выходила в реку Синюю (на территории Беларуси это р. Синюха, на территории Латвии – р. Зилупе), вытекавшую из оз. Освея (оз. Освейское). По р. Синей линия границы достигала ручья Неверовского (р. Неверица, правый приток Синюхи). Здесь, как утверждали старожилы в 1542 г., «стоял самъ станом панъ Радивиль на бору». Отсюда он провел границу далее по р. Синей до речки Рубанки, «которая река вышъла с пущи Неметцкое». Там был стык границ и были насыпаны три кургана («горки») – с ливонской, псковской и полоцкой сторон. Рубанку можно отождествить с рекой, впадающей в Синюху слева севернее д. Пасиене; близ устья этой реки находится д. Рубанково [11, 42:72; 19, 30:3]. То, что здесь когда-то был

стык трех границ, показывает и локальная топонимика: к юго-востоку от Рубанково, то есть со стороны ВКЛ, находилась д. Литвяки [19, 20:3], а к северо-востоку, со стороны Пскова, – д. Русины [19, 30:4]. Однако к 1542 г. все пространство к востоку между устьем Рубанки и устьем Неверицы было захвачено Московским государством: «Иновжо то Московъский тые земљи давъно отънялъ и поселъ» [3, с. 56]. По этой причине стык границ Ливонии, ВКЛ и Московского государства установился близ устья Неверицы. По Неверице в XVI в. стала проходить граница Освейской волости Полоцкого повета ВКЛ и Мочажской волости Себежского уезда Московского государства (ее центр находился на нынешнем оз. Мотяз к юго-западу от Себежа) [14, с. 78].

- Условные обозначения на карте: 1. Современные государственные границы. 2. Граница, демаркированная в правление Витовта (1426 г.). 3. Граница, демаркированная в соответствии с договором 1473 г. между ВКЛ и Тевтонским орденом в Ливонии («Радивилова граница»). 4. Место старого стыка границ Ливонии, ВКЛ и Псковской земли близ устья р. Рубанка (XV в.).

Участок современной белорусско-латвийской границы от впадения р. Актицы в р. Асуницу до впадения р. Неверицы в р. Синюху **практически в точности совпадает с границей между ВКЛ и Ливонией, демаркированной в 1473 г., а весьма вероятно, и с той гра-**

ницей, которая была проведена при Витовте в 1426 г. Это один из древнейших отрезков не только белорусско-латвийской границы, но и всей государственной границы Республики Беларусь.

Для определения физической сохранности искусственных объектов, относящихся к рубежам XV в., необходимы дополнительные разведки и исследования на местности (в том числе с латвийской стороны). Судя по описаниям, значительная часть Витовтовой и Радивиловой границ была демаркирована с помощью зарубок на деревьях. Сейчас в Беларуси практически не осталось деревьев старше 400 лет [1], поэтому местонахождение таких ориентиров установить невозможно. Однако есть шанс, что вдоль рубежей XV в. могут еще сохраняться камни с пограничными знаками, остатки искусственных курганов («копцов», «волотовок», «горок») и приграничных городищ.

1. Белорусская лесная газета [Электронный ресурс]. – № 52 (1178). – 28 декабря 2017 г. – Режим доступа: <http://lesgazeta.by/people/tribunauchenogo/tysjacheletnie-duby-ostalis-tolko-v-skazkah>. – Дата доступа: 8.09.2021.
2. Лицкевич, О. В. Граница между ВКЛ и Ливонией от озера Курцума до Западной Двины в XIV–XV вв. / О. В. Лицкевич // Актуальные проблемы источниковедения: материалы VI Международной научно-практической конференции, Витебск, 23–24 апреля 2021 г. / Витеб. гос. ун-т ; редкол.: А. Н. Дулов (отв. ред.) [и др.]. – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2021. – С. 426–428.
3. Метрыка Вялікага Княства Літоўскага. Кніга 560 (1542 год). Кніга перапісаў № 3 (копія канца XVI ст.) / падрыхт. А. І. Дзярновіч. – Мінск : Беларуская навука, 2007. – 157 с.
4. Оглоблин, Н. Н. Объяснительная записка к карте Полоцкого повета во 2-й половине XVI-го века (начало) / Н. Н. Оглоблин // Сборник Археологического института. – Кн. 3. – СПб.: Тип. В. Безобразова и комп., 1880. – Отделение II. – С. 3–53.
5. Писцовые книги XVI в. Издание Императорского Русского географического общества под ред. Н. В. Калачова. – Отделение II. Местности губерний: Ярославской, Тверской, Витебской, Смоленской, Калужской, Орловской, Тульской. – СПб. : Тип. Второго Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1877. – 1598 с.
6. Полоцкие грамоты XIII – начала XVI в. – Т. 1. – М. : Русский фонд содействия образованию и науке, 2015. – 864 с., XVI с.
7. Топографическая карта СССР 1:100000. – N-35-007, 1938 г.
8. Топографическая карта СССР 1:100000 – O-35-139, 1990 г.
9. Топографическая карта СССР 1:100000. – O-35-140, 1939 г.
10. Топографическая карта СССР 1:100000. – O-35-140, 1988 г.
11. Топографическая карта СССР 1:100000. – O-35-141, 1939 г.
12. Топографическая карта СССР 1:50000. – O-35-140-С, 1940 г.
13. Топографическая карта СССР 1:50000. – O-35-140-3, 1977 г.
14. Шеламанова, Н. Б. Себежская земля в XVI в. (Историко-географический обзор) / Н. Б. Шеламанова // Археографический ежегодник за 1967 год. – М. : Наука, 1969. – С. 73–95.
15. Andžānu pilskalns [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.latvijas-pilskalni.lv/andzanu-pilskalns/>. – Date of access: 01.09.2021.

16. Čelkis, T., Antanavičius, D. 1545 metų Livonijos ir Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės sienos patikrinimas (Livonijos pareigūnų ataskaita) / T. Čelkis, D. Antanavičius // Lietuvos istorijos studijos. – 2011. – Nr 27. – P. 164–178.
17. Codex epistolaris Vitoldi Magni Ducis Lithuaniae. 1376–1430 / collectus opera A. Prochaska. – Kraków : Druk. Wł. L. Anczyca i sp., 1882. – CXVI, 1114 s.
18. Dogiel, M. Limites Regni Poloniae et Magni Ducatus Lituaniae, ex originalibus et exemplaris authenticis descripti / M. Dogiel. – Vilnae : Typographia Regia & Reipublicae Collegii Vilmensis Scholarum Piarum, 1758. – 225 p.
19. Latvijas Armijas Štābs 1:75 000. – 110 – Zilupe, circa 1930.
20. Latvijas Armijas Štābs 1:75 000. – 111 – Poleščina, circa 1930.
21. Poliščinas pilskalns [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.latvijas-pilskalni.lv/poliscinas-pilskalns/>. – Date of access: 01.09.2021.

Лю Цзин **СТИЛИСТИКА ШИНУАЗРИ** **В ЕВРОПЕЙСКОМ САДОВО-ПАРКОВОМ ИСКУССТВЕ**

Ключевые слова: шинуазри, архитектура, Китайский сад, Лондон, Европа.

В XVII веке в европейских странах строили некоторые здания в садах и парках в китайском стиле. Популярный китайский стиль в европейской культуре получил название «шинуазри». Причиной возникновения и распространения стилевого направления «шинуазри» стало появление в европейских странах разнообразных китайских товаров как результат торговых путешествий коммерсантов в Китай. В это же время в Европе появилась информация о китайских садах.

С конца XVII века до первой половины XVIII века европейское искусство было охвачено волной романтизма. В рамках романтической тенденции появляется тяга к экзотике, которой отвечало стилевое направление «шинуазри».

В это время в Англии появились сады в китайском стиле, состоящие из сложенных камней, рокариев, пещер и арочных мостов, в совершенно ином стиле, чем традиционная геометрическая планировка западного сада.

В середине XVIII века архитектор Уильям Чемберс стал сторонником садов в стиле шинуазри в Англии. Чемберс в юном возрасте некоторое время жил в Китае в регионе Линнань. После получения европейского образования Чемберс не вернулся в Китай, однако стал популяризатором китайской архитектуры. В некоторых своих книгах он систематически и всесторонне знакомил европейцев с китайским садом, архитектурой, стилями мебели и методами китайского строительства [2, с. 465]. Он пришел к выводу что принцип дизайна китайского сада заключается в создании разнообразных ландшафтов и внимании на утонченности природной красоты. Чемберс считал, что,

хотя европейский сад с элементами шинуазри полностью интегрирован с окружающей сельской местностью, ему не хватает креативности. Поэтому Чемберс построил в 1761–1762 годах китайскую пагоду в Королевском ботаническом саду (ричмондские сады) Кью в Лондоне [4, с. 235]. Эта пагода получила название «Большая пагода», она стала первым сооружением в духе китайской архитектуры в Европе. Большая пагода была построена У. Чэмберсом в соответствии с пожеланием Августы, матери короля Георга III. Высота этого сооружения из сероватого кирпича 50 м, диаметр нижнего яруса 15 м. Внутри десятиярусной восьмигранной пагоды устроена лестница из 243 ступеней, крыша облицована кафельной плиткой. В XVIII веке пагода воспринималась как эталон шинуазри и наиболее точное воспроизведение китайской архитектуры в Европе [1, с. 239].

У. Чемберс построил в Англии множество садово-парковых сооружений в стиле шинуазри. Элементы садовой архитектуры шинуазри распространились на европейском континенте. Первый китайский павильон в Германии был построен в г. Потсдам в парке Сан-Суси. Китайский сад был оформлен в парке Бетман во Франкфуркте-на-Майне (Германия), павильоны в китайском стиле (так называемые «китайские домики») построены в дворцово-парковом ансамбле Делотнингхольм в окрестностях Стокгольма (Швеция). Заметим, что в то время европейское понимание шинуазри было не совсем ясным, его во многих случаях даже путали с "готическим". Большинство дизайнеров при проектировании сада в стиле шинуазри основывались только на информации по фотографии, добавляя собственные воображаемые элементы. Под влиянием европейской моды на шинуазри в садово-парковой архитектуре были оформлены некоторые парковые комплексы в Италии и России.

После 1980 года китайское садоводство стало вновь популярно в западном мире. Например, в китайском стиле оформлен сад в Музее искусств Метрополитен (Нью-Йорк, США) – один из крупнейших и четвёртый по посещаемости художественный музей мира. Внутренний дворик с садом в стиле садово-паркового искусства династии Мин, выполненный по образцу сада Ваншиюань в Сучжоу (Китай). Этот сад полностью воплощает традиционные китайские классические садовые методы садоводства. В саду есть лунные ворота, изогнутый коридор, бамбук, цветы и растения и т.д. Этот сад полностью воплощает традиционные китайские классические методы садоводства.

Классические китайские сады в основном имитируют природу при строительстве садов, то есть используют искусственную энергию для создания естественных пейзажей. Поэтому, помимо большого количества построек в саду, необходимо также высекать бассейны и от-

крытые горы, сажать цветы и деревья, искусственно имитировать природные ландшафты или использовать в качестве основы старинные пейзажные картины, добавлять настроение поэзии и формировать множество живописных сцен. Поэтому классический китайский сад представляет собой комплекс различных искусств, таких как архитектура, горные бассейны, садоводство, живопись, резьба и даже поэзия. Эта характеристика классических китайских садов в основном определяется природой китайских садов. Потому что, независимо от того, являются ли они феодальными императорами или землевладельцами, они не только жаждут щедрых материальных удобств города, но и хотят наслаждаться пейзажем и лесными источниками. Поэтому для их садоводства, в дополнение к удовлетворению гедонистических потребностей жизни, более важно стремиться к красивым пейзажам гор и лесов, чтобы достичь цели жизни в городе и по-прежнему наслаждаться развлечениями в горах и лесах.

Во-вторых, поскольку классические китайские сады ограничены историческими условиями длительного феодального общества, большинство из них закрыты, то есть вокруг садов есть стены, а пейзаж скрыт в садах. Более того, за исключением нескольких королевских дворцов, площадь садов, как правило, относительно невелика. Чтобы показать красоту природных ландшафтов на небольшой территории, самое важное и сложное – это преодолеть ограничения пространства и сделать ограниченное пространство шоу бесконечно богатым ландшафтным дизайном. В этом отношении классические китайские сады обладают высокими художественными достижениями и стали сущностью классических китайских садов.

После 1980 года культурный обмен между Китаем и Западом вновь стал частым и тесным. Некоторые сады, которые действительно могут отражать достижения китайского садового искусства, были созданы в западных странах.

1. Desroches J.-P. Yuanming Yuan. Die Welt als Garten. In: Europa und die Kaiser von China. Frankfurt am Main, Berliner Festspiele. – Insel Verlag, 1985. – P. 122–136.
2. Власов, В. Г. «Чемберс» стиль / В. Г. Власов // Новый энциклопедический словарь изобразительного искусства. В 10 т. – СПб.: Азбука-Классика. – Т. X, 2010. – С. 465–466.
3. Джекобсон, Д. Китайский стиль / Д. Джекобсон. – М.: Искусство – XXI ВЕК, 2004. – С. 239.
4. Ландер, И. Г. Китайские сады в английских гравированных изданиях / И. Г. Ландер // Образ Поднебесной. Взгляд из Европы. Сборник научных статей XXI Царскосельской научной конференции. – Ч.1. – СПб.: Серебряный век, 2015. – С. 230–249.

Малишевский Н. Н.
АРХИВ КОЛОЖСКОЙ ЦЕРКВИ В ГРОДНО

Ключевые слова: архивное дело, Коложская церковь, историко-культурное наследие, НИАБ Гр.

Оригиналы документов относящихся к гродненской Коложской церкви во имя Святых мучеников благоверных князей Борис и Глеба можно разделить на две основных группы: (1) материалы, составляющие накопившийся за века архив храма, хранящийся в Национальном историческом архиве Беларуси в Гродно (НИАБ Гр.) и (2) материалы не относящиеся к этому архиву, которые можно сгруппировать следующим образом:

А) Документы, оригиналы которых находятся за пределами Республики Беларусь. Прежде всего в архивных, музейных и библиотечных фондах Вильнюса, Санкт-Петербурга, Москвы, Киева, Варшавы. Хронологически они охватывают период свыше 500 лет и тематически имеют как прямое, так и опосредованное отношение к Коложской церкви в Гродно. При этом они изначально могли не иметь отношения к архиву храма и храниться в других местах. В качестве примера опубликованного документа подобного рода можно привести Грамоту короля Польского и великого князя Литовского Александра Ягеллона от 29 апреля 1506 года, позволяющую осуществить денежное пожертвование в пользу гродненской Борисо-Глебской церкви (Грамота королевская князю Михаилу Глинскому, о дозволении ему, по званию душеприказчика Киевского воеводы Дмитрия Путятича, данников его и движимое имущество раздать на православные монастыри и церкви и на выкуп пленников // Акты, относящиеся к истории Западной России, 1846. Т.1. 1340-1506 гг. - С. 369-371).

Б) Документы, оригиналы которых хранятся в белорусских архивах. Хронологически относятся к периоду, последовавшему за обрушением части храма в реку Неман в 1850-х гг. Тематически посвящены в основном судьбе древнего строения – как попыткам восстановления в XIX веке, так и передаче храма «по идеологическим мотивам» из под церковной юрисдикции в светскую - при польских, немецких и советских властях в XX веке. Значительную часть документов посвящённых реставрации и ремонту церкви можно найти в архивных делах под грифом Строительного отделения Гродненского губернского правления в фонде № 8 НИАБ Гр.: «Дело о ремонте Коложской церкви в гор. Гродно», начатое 24 января 1895 г. и оконченное 15 марта 1895 г. (в оригинале дата зачеркнута и исправлена на 21 января 1899 г., содержит 38 листов, при этом № 21 и № 33 пропущены) [1]. 8.1.1409. Дело № 4а «О вос-

становлении полуразвалившейся церкви на Коложе в гор. Гродно... и др. вопросам», начатое 21 января 1866 г. и оконченное 5 января 1871 г. [2]. «Дело о реставрации Коложской церкви в гор. Гродно», начатое 17 июля [июля] 1904 г. и оконченное 24 декабря 1904 г., содержит 12 листов [в оригинале 1904 г. указано – на 8 листах], из которых имеется 10 листов, остальное вклейки в виде чертежей храма, включая план Коложи середины XIX века) [3].

В) Документы, оригиналы которых хранятся в самой Коложской церкви. В основном относятся к поздне- и постсоветскому периодам и являются действующими, то есть не утратившими юридическую силу. Примеры: Решение Исполнительного комитета Гродненского областного Совета народных депутатов за № 246 от 18.09.1989 г. о передаче Коложского храма вместе с кладбищенской часовней по ул. Антонова «для последующего использования их под религиозные нужды верующих без регистрации нового религиозного общества» Свято-Покровскому собору и выданное 21 апреля 1992 года Гродненским областным исполнительным комитетом на основании решения № 107/4 Свидетельство за № 177 о государственной регистрации религиозной общины Приход храма Святых мучеников благоверных князей Бориса и Глеба г. Гродно, входящей в структуру Гродненской епархии Белорусской Православной Церкви (Белорусского Экзархата Московского Патриархата).

Что же касается собственно архива Коложской церкви, то он (или его основная часть) хранится в фонде № 128 НИАБ Гр., созданном в середине XX века, при превращении храма в музей. Документы архива охватывают период с конца XV века и до середины XIX века. Самый «молодой» документ датируется 22 мая 1832 года. Фонд создан 29 октября 1951 года. Более чем через столетие. Ни одного документа за этот период нет. Маловероятно, что со времени обвала части храма в р. Неман (1853) и перенесения Борисо-Глебского монастыря и его архива с Коложской возвышенности в центр города Гродно архивный фонд церкви больше не пополнялся. Скорее всего, из-за катаклизмов и войн часть его материалов (включая фактически весь период со второй половины 1840-х гг. по вторую половину 1940-х гг.) была утрачена или оказалась за пределами Гродно (Беларуси). Например, известно об эвакуации части документов церкви вместе с Коложской иконой Божией Матери в годы Первой мировой войны. Схожая проблема имеет место и с документами до XVI века, которые исчезли либо были уничтожены уже к моменту составления описей XVIII века [2]. О существовании по меньшей мере части таких грамот нам известно благодаря упоминаниям в королевском привелее Сигизмунда I Ягеллона 1511 года [3].

Хронологически документы архивного фонда охватывают 1480-1832 гг. Они были датированы в основном во время инвентаризаций XVIII-XIX вв. Согласно описи XVIII века, «старшие» из сохранившихся на то время документов датируются «около 1460 года». Старейший из представленных в настоящее время в фонде (в виде копии XVIII века) документов датируется 29 мая 1480 года. Что же касается оригиналов самых старых из сохранившихся до наших дней документов, то их несколько и все они датированы 1502 годом (некоторые современные исследователи считают, что эти документы на 3-7 лет «моложе», относя их к 1505-1509 гг.).

Тематически архив содержит уникальные материалы, имеющие отношение к истории не только самого храма, города Гродно, их духовенства и светских властей, но и государств, в состав которых входили на протяжении столетий белорусские земли (Великого княжества Литовского, Русского и Жемайтского, Речи Посполитой, Российской империи). Например, в некоторых грамотах есть интересные оттиски печатей и личные подписи монарших особ. Большой интерес представляет группа монастырских грамот (т.н. продажных, связанных с недвижимостью), сохранившихся в большинстве своем в оригиналах, тексты которых не издавались и неизвестны исследователям и т.д. К сожалению, большинство документов написаны на польском и латыни, к тому же не очень разборчивым почерком, что существенно затрудняет работу с ними. Примечательно, что согласно «Листам использования документов», имеющимся в каждом деле-описи фонда, некоторые из них не были ни разу востребованы, по меньшей мере, последние полвека. Многие выдавались за этот период буквально несколько раз, причем часть этих выдач приходится на «проверку листов», «каталогизацию», «усовершенствование» и т.п. действия самих сотрудников архива.

Структурно фонд состоит из 22 описей, последняя из которых является инвентарной и представляет собой краткий перечень содержания 21 предыдущей описи. Общее количество документов в архиве составляет 277 документов на 618 листах. Сгруппированы они следующим образом:

1 Опись: 128.1.1. Решения трибунала ВКЛ о записи в городские книги перехода частных землевладений и имущества монастырю базилианов за 1480-1821 гг. (Крепостные документы на землю и имущество, принадлежащие монастырю). 32 документа (на 63 листах). Начало: 29 мая 1480 г. Окончено: 25 мая 1821 г.

2 Опись: 128.1.2. Дарственные записи на землю, приобретенную монастырем за 1502-1807 гг. (Документы на земли, купленные монастырем: купчие крепостные на землю, приобретенную монастырем

1502-1506). 9 документов (на 10 листах). Начато: 17 июня 1502 г. Окончено: 1506 г.

3 Опись: 128.1.3. Крепостные акты за 1502-1613 гг. на частные земли, подаренные монастырю, распоряжения настоятелей монастыря, литовских базилианских монастырей, за 1815-1824 гг. о распространении газет среди раненых солдат и инвалидов, информировании крестьян о съедобности исландского мха и др. (Сборник крепостных документов на дареные монастырю земли и распоряжений синода об оказании помощи войнам и бракосочетаниях). 29 документов (на 81 листах). Начато: 20 июня 1502 г. Окончено: 12 января 1824 г.

4 Опись: 128.1.4. Документы о дарении земли монастырю, денежных долгах Гродненского кагала за 1512-1792 гг. (инвентарь монастырских земель, дарственные записи, реестры и др.). (Сборник документов, подтверждающих владение земель монастыря и окружающих землевладельцев). 14 документов (указано, что на 36 листах, но л.8 пропущен). Начато: 6 ноября 1512 г. Окончено: 28 мая 1792 г.

5 Опись: 128.1.5. Документы, подтверждающие принадлежность подаренных земель монастырю за 1546-178 гг. (дарственные записи, выписки из гродненских книг и др.). (Сборник документов, подтверждающих принадлежность дареных земель монастырю). 13 документов (на 21 листах). Начато: 13 июня 1546 г. Окончено: 21 апреля 1780 г.

6 Опись: 128.1.6. Документы о грабежах монастырских земель и садов, внесении в земские книги земель, подаренных монастырю, об измере монастырских земель и др. за 1546-1634 гг. (выписки из гродненских книг, жалобы и др.). (Крепостные документы на фольварок По-немунь, подтверждающие принадлежность его к монастырю). 10 документов (на 23 листах). Начато: 13 июня 1546 г. Окончено: 20 октября 1634 г.

7 Опись: 128.1.7. Дело о судебном споре монастыря с Гродненской экономией (Сборник документов по спорному делу монастыря с Гродненской экономией о земле). 6 документов (на 16 листах). Начато: 1562 г. Окончено: 18 ноября 1754 г.

8 Опись: 128.1.8. Дело о судебных спорах монастыря с арендаторами о возврате арендной платы и имущества. (Сборник документов по спорному делу монастыря с разными лицами о земле). 9 документов (на 24 листах). Начато: 20 октября 1593 г. Окончено: 10 июня 1644 г.

9 Опись: 128.1.9. Дело о судебных спорах монастыря с разными лицами о правах на владение землей. (Сборник документов по спорному делу, относящемуся к процессу монастыря с помещиком Флемингом и др. лицами о правах на владение землею). 23 документа (на 37 листах). Начато: 6 июня 1615 г. Окончено: 14 июня 1820 г.

10 Опись: 128.1.10. Дело о судебных спорах монастыря с лицами о земле, денежных долгах, о праве владения крепостными крестьянами за 1460-1832 гг. (выписки из судебных книг, решения Сената и др.). (Сборник документов по спорному делу монастыря с помещиками Солтанами и др. лицами [о правах владения землею]). 10 документов (на 19 листах). Начато: 10 августа 1618 г. Окончено: 24 мая 1832 г.

11 Опись: 128.1.11. Переписка ген.-майора войск ВКЛ Декацлера с настоятелем монастыря об аренде участка земли над рекой Соколдой и др. (Сборник документов по спорному (судебному) делу монастыря о правах владения землею с помещиком Клапецким). 13 документов (на 21 листах). Начато: 28 мая 1753 г. [15 мая 1625 г.] Окончено: 20 мая 1778 г.

12 Опись: 128.1.12. Завещания от 20 января 1643 г. и 9 июня 1644 г. Помещиков Рабеев-Гнойницких Николая Федоровича и Анны Матвеевны на им. Гнойница Гродненского у[езда]. (Дарственные завещания на им. «Гнойницу» отданное монастырю помещиком Гнойницким на вечное владение). 2 документа (на 7 листах). Начато: 20 мая 1643 г. Окончено: 9 июня 1644 г.

13 Опись: 128.1.13. Завещания помещиков Гродненского и Волковысского поветов Паценко Андрея Ярошевича, Олехнович Анны Васильевны, Шешмонтович Андрея Станиславовича, Тарасевич Станислава, Солтан Геронима, Козич Юзефа, Боушки Регины, Стефана и Юзефа, Глебович Яна, Горбачевского Михаила на свои имения в пользу монастыря за 1665-1759 гг. (Духовные завещания разных лиц, даривших землю в пользу монастыря). 10 документов (на 17 листах). Начато: 1665 г. Окончено: 1759 г.

14 Опись: 128.1.14. Дело о выделении казенной земли дворянам Солтану Михаилу-Мону-Пересвету Маршалку стародубскому, Солтану Герониму, подкоморию стародубскому, Солтану Александру маршалку стародубскому Смоленского воеводства, покупке и завещанию ими своего имущества наследникам и гродненским монастырям. (Сборник документов по спорному делу наследников Солтана с монастырем о земле [о 5 уволоках земли] в дер. Ос...[неразборчиво]. 36 документов (на 65 листах) – Связка 1 с № 1 до № 19 (1670-1733). Связка 2 с № 20 до № 36 (1670-1733). Начато: 16 мая 1670 г. Окончено: 25 декабря 1773 г.

15 Опись: 128.1.15. Дело о конфискации кирпичного завода у Лапаноса Лейбы Эльяшевича и Маеровича Лейбы и завещании его виленским воеводой Пацем Казимиром Гродненскому Коложскому монастырю. (Сборник документов по спорному делу с ксендзами Бернардинами о кирпичном заводе. Документы, относящиеся к процессу с о.бернардинцами и евреями о кирпичном заводе, принадлежащем мо-

настырю). 5 документов (на 13 листах). Начато: 7 августа 1682 г. Окончено: 15 января 1686 г.

16 Опись: 128.1.16. Дело о судебных спорах монастыря с Гродненским магистратом и о нападении, грабежах, изгнании жителей солдатами из Коложской юридики, избиении и убийстве крепостных крестьян монастыря. (Выписки из решений гродского суда на принадлежавших монастырю лиц). 16 документов (на 40 листах). Начато: 27 мая 1719 г. Окончено: 5 октября 1786 г.

17 Опись: 128.1.17. Дело о судебном споре администратора Гродненской экономии гр. Флеминга Ежи с монастырем о захвате им земель экономии в уроч. Сухое Село. (Сборник документов по спорному делу монастыря с графом Флемингом о земле). 11 документов (на 71 листах). Начато: 25 августа 1740 г. Окончено: 2 февраля 1761 г.

18 Опись: 128.1.18. Документы по судебному спору о возврате крепостного крестьянина Коложского монастыря Матусевича-Новика Мартина за 1786-1788 гг. (решения гродских судов, письменные свидетельства и др.). (Сборник документов о крестьянине Мартине Матусевиче Новике, бывшем крепостном Коложского монастыря). 10 документов (на 14 листах). Начато: 25 апреля 1780 г. Окончено: 12 мая 1788 г.

19 Опись: 128.1.19. Дело о наследовании монастырем земли и имущества ошмянского ротмистра Длусского Михаила. (Сборник документов по спорному делу между монастырем и помещиками Длусскими о земле). 4 документа (на 8 листах). Начато: 16 декабря 1788 г. Окончено: 2 января 1789 г.

20 Опись: 128.1.20. Контракты между монастырем с разными лицами об аренде корчем в деревнях Чещевляны, Каплица и Польница Гродненского у[езда] за 1801-1821 гг. (Контракты, заключенные монастырем с разными лицами при отдаче в аренду корче в селах: Чещевляны, Каплица и Польниках). 11 документов (на 20 листах). Начато: 12 июня 1801 г. Окончено: 12 апреля 1821 г.

21 Опись: 128.1.21. Дело о возврате монастырем долгов наследникам гродненского советника Войтеховича Францишка. (Контракты (сборник документов) по спорному делу между монастырем и помещиками Войцеховичами). 3 документа (на 8 листах). Начато: 11 июня 1810 г. Окончено: 20 января 1811 г.

22 Опись: 128.1.22. Коложский базыльянский женский монастырь Литовской консистории г. Гродно. Фонд № 128. Инвентарная опись № 1. За 1480-1832 гг. [Пометка на последней странице: в данную опись внесено 21 (двадцать одна) единица хранения на 2х (двух) листах. 29/X.51. Ст. научн. сотруд. Храброва. Проверено 12.05.2010. Подпись Гушель А.М., Жук Г.И.]. [Пометка на обложке: опись пересостав-

лена см. оп. №1 на «2» листах. Ст. науч. сотр. Бомбель А.Г. 15.02.2011]. 1 документ (на 4 листах).

В настоящее время практически все вышеперечисленные материалы имеются в созданном благодаря настоятелю храма о. Александру (Болонникову) уникальном электронно-цифровом архиве Коложской церкви.

1. Национальный исторический архив Беларуси в Гродно. – Ф. 8. Оп. 2. Д. 1022.
2. Национальный исторический архив Беларуси в Гродно. – Ф. 8. Оп. 1. Д. 1409. Полное название: Дело № 4а «О восстановлении полуразвалившейся церкви на Коложе в гор. Гродно, о постройке помещиком им. Антополь Кобринского у.[езда] кн. Гедройцем церкви в мест. Антополь и др. вопросам».
3. Национальный исторический архив Беларуси в Гродно. – Ф. 8. Оп. 2.1684.
4. Национальный исторический архив Беларуси в Гродно. – Ф. 128. Оп. 1. Д. 7. Л. 15об.
5. Национальный исторический архив Беларуси в Гродно. – Ф. 128. Оп. 1. Д. 2. Л. 9.

Мирзаев Дж. З.
ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО
НАСЛЕДИЯ: ЛОКАЛЬНЫЙ ОПЫТ

Ключевые слова: археологические памятники, музей, местное сообщество, махалла, Зараутсай.

Исторические памятники имеют свою специфику и требуют бережного отношения, большинство из них находятся на пространстве местного сообщества, которая должна принимать участие в планировании сохранения культурного наследия и развитии туризма. В данной статье мы рассмотрим разработки специалистов в Термезском регионе.

Южный регион Узбекистана, Сурхандарьинская область является средоточием многочисленных археологических памятников, число которых приближается к 800. Собранные находки хранятся в Термезском археологическом музее, единственным в своем роде специализированным учреждением Центральной Азии. Музей, построенный и открытый в 2 апреля 2002 года к празднованию 2500-летия города Термеза, стал признанным центром международного сотрудничества в области археологических исследований, осуществляя совместные проекты со специалистами из Японии, Франции, Германии, России и Испании. Благодаря эффективности научно-исследовательских работ, осуществляемых на территории Сурхандарьи различными экспедициями со времен образования музея его фонд, обогатился более чем в

десять раз. Сегодня в Термезском археологическом музее бережно хранятся около 80 тысяч предметов старины, имеющих не только национальное, но и международное значение. В их числе находятся 624 уникальные музейные реликвии мирового значения. В музейных залах они демонстрируются с использованием современных информационных и коммуникационных технологий. Уникальные экспонаты музея стали объектами многочисленных публикаций и демонстрировались в различных странах мира. За всем этим стоит огромная работа многочисленных археологических экспедиций, музейных работников, специалистов разных профилей. В 9 основных залах музея выставлены более 5 тысяч экспонаты, найденные в Сурхандарьинской области, начиная от примитивных каменных орудий первобытного человека до произведений искусства, выполненных руками искусных мастеров. Они расположены в хронологическом порядке, от 100 тыс. до Р.Х и до начала XX в.. В каждом зале демонстрируются видеоматериалы, рассказывающие по каждому периоду человеческой цивилизации, древней и богатейшей истории народов края на узбекском, английском и русском языках.

В музее также имеется научная библиотека с современным читальным залом, насчитывающая свыше 17 тысяч томов ценнейших книг по археологии и истории, а также конференц-зал. Кроме того, здесь имеются и специально оборудованные залы для показа драгоценных металлов и камней. Ежегодно демонстрационные залы музея посещают в среднем около 50 тысяч человек. Научно-исследовательская деятельность музея осуществляется в рамках отделов: эпохи камня и бронзы, эпохи эллинизма и Древней Бактрии, Кушанской культуры Северной Бактрии, раннесредневековая Северного Тохаристана, развитого средневековья, эпохи ханств и нумизматики. В музее создана реставрационная мастерская, работниками которой используется современные реставрационные технологии.

Традиционным стало проведение в стенах этого очага просвещения и различных семинаров, научных конференций, форумов, встреч с деятелями культуры и искусства. Для многочисленных гостей города, иностранных туристов и учащейся молодежи в экспозиционных залах музея проводятся тематические выставки по результату археологических исследований, проведенных в регионе. Регулярно здесь проходят и персональные художественные выставки местных авторов, посвященные различным историческим и культурным событиям в жизни страны. По мнению экспертов, министерство по делам культуры и спорта Узбекистана, среди 110 музеев страны деятельность Термезского археологического музея наряду с Мемориальным музеем Обсерватории Мирзо Улугбека (Самарканд), Музеем памяти жертв репрес-

сий (Ташкент), Музеем истории развития науки к 1000-летию Хорезмской Академии Маъмуна, Государственным музеем искусств им. Савицкого (Нукус) является показательным примером организации и налаживания музейного дела.

Проводимые масштабные работы по охране и сохранению исторических памятников региона, охватывают главным образом архитектурные памятники. Сохранение археологических памятников региона остается острой проблемой. Для его решения музей использует новые формы работ по охране и сохранению археологических памятников с привлечением местного сообщества. Для этого используется потенциал местного органа самоуправления – махаллы. В Республике Узбекистан проводится целенаправленная политика в целях повышения роли и статуса *махалли* – уникального общественного института с многовековой историей и важнейшего звена в системе современных органов самоуправления граждан. До сих пор не были использованы потенциал института самоуправления в деле охраны и пропаганды культурных памятников. На территории махаллей, где находятся археологические памятники, местное сообщество, заинтересованно в территориальных ресурсах региона. Как правило, местное сообщество рассматривается службами охраны памятников как источник воздействия, главным образом негативного, на культурные объекты в границах охраняемой территории. Действительно, если говорить об историко-культурных ценностях, обычными стали ситуации, когда памятник, чаще всего полуразрушенный, разбирается местными жителями на кирпичи, когда объект превращается в свалку мусора, когда уничтожаются под застройкой или распахиваются археологические памятники. Однако надо понимать, что все это – отражение господствовавшей системы ценностей в общественном сознании. На повестку дня встала задача изменения ситуации из конфликтной в конструктивную, создания атмосферы взаимной поддержки и сотрудничества. Следует несколько расширить ее рамки, понимая работу с местным населением не только как нейтрализацию возможных негативных влияний, но так же, как выявление культурного потенциала и поддержание культурной идентичности традиционных местных сообществ. Без установления партнерства и покровительства музея над местными жителями, ни о каком комплексном сохранении историко-культурных богатств региона не может быть и речи, так как историко-культурное наследие создается, поддерживается и воспроизводится людьми. С позиций сохранения историко-культурного наследия в местном сообществе наибольший интерес представляют местная интеллигенция. Преобладающее большинство местных жителей во многих случаях выступает как источник разнообразной информации о

культуре своего региона. Среди ее представителей немало собирателей и коллекционеров различных древностей, исторических документов. Местные школы и краеведческие музеи часто служат локальными культурными центрами, через которые осуществляется связь местной интеллигенции с остальным сообществом и внешним миром. Привлечение этих учреждений к программам музея и заинтересованных организаций имеет широкие перспективы. Небольшие частные коллекции этнографических, археологических или художественных предметов, происхождение которых связано с историей края и которые хозяин готов демонстрировать посетителям памятника, также могут служить существенным дополнением к историко-культурному наследию территории и соответствующим просветительским программам.

Работниками археологического музея для осуществления систематического контроля за состоянием и использованием археологических памятников, разработана специальная программа по привлечению местного сообщества к охране и пропаганде памятников «Махалла & Музей». Для этого в ходе осуществления конкретных проектов создаются в махаллах группы волонтеров, связанных с работниками музея, внедряются новые разработки в практику деятельности местного органа самоуправления.

Специалисты предоставляют информацию о культурной ценности археологических памятников, формируют устойчивые представления о невозможности несанкционированных раскопок и ответственности каждого местного жителя за сохранение культурного наследия. Налаживание взаимодействия ученых-исследователей, представителей местного сообщества и структур самоуправления станут первыми шагами на пути создания эффективного механизма защиты памятников историко-культурного наследия силами общества.

Местное сообщество должна принимать участие в планировании сохранения культурного наследия и туризма. Деятельность, связанная с туризмом и сохранением культурного наследия, должна приносить выгоду сообществу. Условия региона и его окрестностей, породивших данное культурное наследие, являются важным фактором поддержания ценности культурного наследия. Среди местных жителей есть заинтересованные лица, которых необходимо организовать и обучить как волонтеров в деле сохранения культурного наследия. Местные жители не могут стать интерпретаторами культурного наследия без содействия специалистов. С другой стороны, специалистам необходимо знать полную информацию об археологическом объекте.

С осуществлением проектов в рамках программы впервые разрабатывается и устанавливается связь между музеем и *махаллой*, разра-

батуется туристический маршрут по знаменитым археологическим памятникам юга Узбекистана.

Один из проектов по осуществлению программы «Махалла & Музей» была посвящена памятнику каменного века Зараутсай. Реализация проекта стала возможной при финансовой поддержке гранта Олий Мажлиса Республики Узбекистан.

На склоне горы Кугитанг, являющейся одним из хребтов Южно-Гиссарской гряды, около ста километров севернее Термеза расположена местность, которая называется Зараут. В 2,5 километрах от местности, ниже по саю, в ущелье найдены наскальные рисунки каменного века. Наскальный памятник Зараутсая стал широко известен в научном мире летом 1939 года. Десятилетний мальчик Рауф, искавший на скалах потерявшегося козла, увидел в гроте красного цвета рисунки с изображением людей и животных. Это первая находка наскальных рисунков древности, обнаруженная на территории Центральной Азии. С того времени на территории региона обнаружено более 300 памятников наскального искусства, из них 150 памятников зафиксировано в Узбекистане. Всё же изображение, найденное в Зараутсае остаётся одним из древнейших памятников наскального искусства на территории Центральной Азии. Он выделяется своеобразным сюжетом, неповторимым стилем. Поэтому является достойным особого внимания и признания. Выполненный естественными красками, плод художественного творчества людей каменного века, является уникальным образцом наскальной живописи. Сохранившиеся на протяжении тысячелетий нежные и прелестные рисунки Зараутсая и теперь продолжают очаровывать нас. К сожалению, современное состояние Зараутсая печальное. Неповторимые и бесценные рисунки год за годом исчезают. Уже полвека памятник нуждается в охране и защите. Основная причина постепенных исчезновений бесценных рисунков заключается в бесконтрольном посещении Зараутсая «дикими туристами». После себя они оставляют «автографы», царапая надписи на поверхности свода с древними рисунками.

Разработанный специалистами проект ставил целью создание механизма сотрудничества между музеем и махаллой, проведением пропагандистских мероприятий, разработкой проектов вовлечения в дело защиты памятника местного населения кишлаков Худжанко, Гурджак, Кизилолма, Зарабаг и Карабаг, расположенных вблизи Зараутсая в осуществление охраны и поддержании памятника. Большое значения имела определения направлений туризма, связанного с наследием и бизнеса, которые возможно развивать в местном уровне. Индивидуальная и ориентированная на потребности конкретного памятника концепция проекта подходит для того, чтобы помочь участ-

никам проекта получить навыки по а также развить их способность и готовность вести диалог с туристами. Кроме этого, отобранные из числа местных жителей волонтеры познакомились с трудовой и повседневной жизнью археологического музея и в рамках своего пребывания наладили контакты с сотрудниками музея, которые они смогут использовать для будущего сотрудничества после окончания проекта. Таким образом, были налажены и укреплены связи между музеем и местным сообществом, организациями для сотрудничества.

Как показал опыт привлечение местного сообщество в сохранение памятников, создание системы учета, паспортизации и контроля памятников местным сообществом при координации работников музея дает положительные результаты как местным жителям, так и музейным работникам. С одной стороны, музей стал привлекать местных жителей, с другой обогащать тематические разделы музея. В ходе проекта были разработаны рекомендации по охране и поддержанию археологических памятников и собраны материалы для путеводителя «Знаменитые археологические памятники Сурхандарьи».

С осуществлением проектов в рамках программы впервые разрабатывается и устанавливается связь между музеем и махаллой, разрабатывается туристический маршрут по знаменитым археологическим памятникам юга Узбекистана. Налаживание взаимодействия ученых-исследователей, представителей местного сообщества и структур самоуправления станут первыми шагами на пути создания эффективного механизма защиты памятников историко-культурного наследия силами общества.

Новікаў С. Я.

МІЖНАРОДНЫ ПАТЭНЦЫЯЛ ГІСТОРЫКА-КУЛЬТУРНАЙ СПАДЧЫНЫ МЕМАРЫЯЛЬНАГА КОМПЛЕКСУ «ТРАСЦЯНЕЦ»

Ключавыя словы: аўстрыйскі помнік, Благаўшчына, Вялікі Трасцянец, Малы Трасцянец, масіў імёнаў, мемарыяльны комплекс «Трасцянец», Шашкоўка.

Набліжаецца 20-я гадавіна з моманту прыняцця Саветам Міністрам Рэспублікі Беларусь пастановы «Аб стварэнні мемарыяльнага комплексу «Трасцянец» [1, с. 67]. За менш чым паўтара дзесяцігоддзі на месцы былога працоўнага лагера Малы Трасцянец каля аднайменнай вёскі побач з мінскім жылым мікрараёнам «Шабаны» адбылося афіцыйнае адкрыццё на вышэйшым дзяржаўным узроўні першай [2] і другой чэргаў [3] мемарыяла, на тэрыторыі якога

вясной 2019 г. быў уведзены ў строй міжнародны аб'ект памяці «Аўстрыйскі масіў імёнаў» [4]. Па цяперашні час тут, на месцы гістарычных падзей, яшчэ працягваюцца работы па ўшанаванні памяці аб той маштабнай трагедыі, якая ў гады германскай акупацыі крывёю тысяч бязвінных ахвяр, у тым ліку з Аўстрыі, Германіі і Чэхіі, назаўсёды ўпісана ў агульнаеўрапейскую памяць.

Як вынік, на сённяшні дзень каля вёсак Вялікі і Малы Трасцянец месяцаца практычна побач старыя і новыя помнікі айчыннага і замежнага паходжання, узведзеныя ў прывязцы да сумна вядомага гістарычнага месца, аднак не заўсёды адпавядаючыя канкрэтным аб'ектам ваеннага мінулага ці вядомым артэфактам трагедыі. Згаданыя супярэчнасці становяцца яшчэ больш відавочнымі, калі пачынаеш разглядаць падзеі мінулага, з аднаго боку, не толькі ў кантэксце даступных на цяперашні час шырокаму чытацкаму колу значнай колькасці дакументальных крыніц і гістарыяграфічных фактаў як айчыннага, так і замежнага паходжання, а з другога – відавочнага ўзмацнення інтарэсу да новага месца памяці ў турыстаў з розных краін, рознаўзроставых экскурсантаў, асабліва родзічаў ці землякоў загінуўшых тут замежных вязняў. Не кажучы пра тыя выклікі, якія чакваюць шараговых наведвальнікаў новага мемарыялу не толькі з яго супярэчлівым інфармацыйным наратывам, змешчаным на памятных дошках, але і ў кантэксце сусветнага навуковага досведу пра Халакост і розныя формы захавання памяці аб трагедыі яўрэяў на акупаванай тэрыторыі еўрапейскіх краін, у тым ліку ў Беларусі [5, с. 80; 6, с. 187].

Палітыкі, навукоўцы нашай краіны і шырокая грамадскасць, у тым ліку творчыя калектывы розных інстытуцый добра ўсведамляюць той гісторыка-культурны патэнцыял, якім валодае памяць пра мінулае як Трасцянца, так і пра безліч вядомых і безыменных ахвяр, агульная колькасць якіх па афіцыйных звестках складае 206,5 тысяч чалавек [7, с. 590]. Нагадаем чытачу, самы буйны на акупаваных усходняй тэрыторыі лагер масавага знішчэння каля вёскі Малы Трасцянец быў вядомы з канца 1980-х гадоў у замежнай гістарыяграфіі пад назвай «беларускі Асвенцім» [8, S. 91]. У апошні час у даследаваннях беларускіх [9; 10; 11; 12; 13; 14; 15; 25] і нямецкіх аўтараў [16; 17; 18; 19; 20; 21; 22], зборніках дакументаў і матэрыялаў [23; 24], каталогах выстаў [26; 27], а таксама на Internet-парталах [28; 29; 30] з'явіўся цэлы корпус звестак, якія фармуюць інфармацыйны наратыў аб гістарычных падзеях, што ў гады германскай акупацыі адбываліся каля Мінска ў раёне вёсак Вялікі і Малы Трасцянец. Як вынік, можна сцвярджаць пра існаванне розных даследчыцкіх, пазнавальных і экскурсійных практык. Відавочна, што любы зацікаўлены чытач можа самастойна знайсці самую розную інфармацыю, каб на яе падставе паспрабаваць

скласці поўныя ці частковыя, праўдзівыя ці не дастаткова аб'ектыўныя ўяўленні пра трагічныя старонкі гісторыі лагера смерці Трасцянец, а таксама даведацца аб складаным працэсе мемарыялізацыі тых падзей не толькі ў пасляваенны, але і цяперашні часы.

Коротка нагадаем зацікаўленаму чытачу базавую версію, вядомую з савецкай гістарыяграфіі дзякуючы артыкулу В. П. Раманоўскага, апублікаванага ўпершыню ў 1990 г. у энцыклапедыі «Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне» [7]. З яго вынікала: Трасцянецкі лагер смерці быў створаны ў лістападзе 1941 г. каля вёскі Трасцянец Мінскага раёна для масавага знішчэння савецкіх грамадзян і ваеннапалонных, палітычных вязняў з еўрапейскіх турмаў і лагераў Аўстрыі, Германіі, Польшчы, Францыі і Чэхаславакіі. Масавыя расстрэлы праводзіліся ва ўрочышчы Благаўшчына (да кастрычніка 1943 г. было знішчана 150 тыс. чалавек), затым ва ўрочышчы Шашкоўка (знішчана больш за 50 тыс. чалавек), дзе была створана спецыяльная яма-печ. Дастаўленыя ў канцы чэрвеня 1944 г. ахвяры з мінскіх турмаў і лагераў былі спалены ў калгасных хляве в. Малы Трасцянец і на штабелі дроў побач з ім (6,5 тыс. чалавек). Усяго ў Трасцяненцкім лагеры смерці знішчана 206,5 тыс. чалавек. Лагер па колькасці знішчаных людзей стаіць на 4-м месцы пасля Асвенціма, Майданека і Трэблінкі [7, с. 590].

У навукова-папулярным выданні «Экскурсія ў Трасцянец» (Мінск, 1986) супрацоўніца Беларускага дзяржаўнага музея гісторыі Вялікай Айчыннай вайны А.Г. Ванькевіч фактычна ўпершыню знаёмілі шырокую грамадскасць з фактамі, аснову якіх складалі афіцыйныя лічбы ахвяр у 206500 чалавек, устаноўленыя Надзвычайнай дзяржаўнай камісіі ў выніку расследавання злачынстваў нямецка-фашысцкіх захопнікаў у ваколіцах Мінска ў гады германскай акупацыі Беларусі 1941–1944 гг. Заўважым, што ў самым пачатку працы змешчана фота абеліска каля вёскі Вялікі Трасцянец, на фоне якога гарыць полымя вечнага агню (у апошнія гады закансервавана. – С.Н.) і на помніку высвечваецца мемарыяльная дошка з меншай лічбай у 201500 ахвяр.

Такім чынам, базавым палажэннем, замацаваным у беларускай савецкай і захаваным у сучаснай айчыннай гістарыяграфіі, з'яўляецца навуковы тэзіс В.П. Раманоўскага аб масавым знішчэнні савецкіх грамадзян і ваеннапалонных, а таксама замежных палітычных вязняў у Трасцянецкім лагеры смерці агульнай колькасцю 206,5 тыс. чалавек. Пры тым, што лічбы, прынятыя на той час ў навуковым і замацаваныя ў грамадскім дыскурсе, не карэліравалі паміж сабой.

У 2003 г. прафесійнымі гісторыкамі, музейнымі работнікамі і архівістамі быў падрыхтаваны зборнік «Лагерь смерти Тростенец», які складалі 117 архіўных дакументаў і матэрыялаў. У навуковым звароце

замацоўваліся даныя, адпаведна якім у месцы масавага знішчэння ў гэтым раёне загінулі 206,5 тыс. чалавек [23, с. 116–117].

Такой жа лічбы прытрымліваюцца аўтары новага выдання «Тро-стенец. Трагедия народов Европы, память в Беларуси» [24, с. 7]. Таму для чытача будзе не зусім зразумелай новая лічба, якую ў мінулым годзе прапанавалі Н. А. Яцкевіч і М. Г. Нікіцін – аўтары новага навукова-папулярнага выдання «Трасцянец. Трагедия народаў Еўропы» [25], якія ў дачыненні да дзейнасці спецыяльнай каманды-1005 і колькасці спаленых трупў ў раёне вёскі Трасцянец Мінскага раёна сцвярджаюць наступнае: «У перыяд з кастрычніка 1943 г. па сакавік 1944 г. зондэркаманда «1005 Цэнтр» раскапала і спаліла ў Благаўшчыне 125 тысяч трупў» [25, с. 23]. Адразу звернем увагу чытача на два істотна важных моманты ў прыведзенай цытаце: па-першае, на храналагічныя рамкі дзейнасці зондэркаманды, якія не пацвярджае ні адзін нямецкі дакумент; па-другое, на колькасць тых, хто быў спалены ў Благаўшчыне, што значна адрозніваецца ад звестак мінскай абласной камісіі садзейнічання Надзвычайнай дзяржаўнай камісіі (НДЗК). Як вядома, у дакуменце камісіі была прыведзена дакладная лічба ў 150 тысяч. Тады як аўтары названай працы не прыводзяць дакументальныя звесткі, з якіх бы вынікалі згаданыя новаўвядзенні, не тлумачаць прычыну змяншэння гэтай лічбы, асабліва без неабходных дакументальных доказаў. Аўтары не палічылі патрэбным зрабіць спасылку на архіўны ці іншы матэрыял, на падставе якога можна было б вызначыць больш працяглы тэрмін спальвання «зондэркамандай 1005-Цэнтр» ва ўрочышчы Благаўшчына, калі па дакументах судовага працэсу ў Гамбургу ў дачыненне да начальніка 9-й танкавай паліцэйскай роты старшага лейтэнанта О. Гольдапа, які называе дакладную дату апошняга дня работы каманды 15 снежня 1943 г.

Таму ў чытача ўзнікаюць лагічныя пытанні, на падставе якіх дакументальных крыніц уводзяцца ў навуковую, грамадскую і экскурсійную практыку звесткі, якія адрозніваецца ад агульнапрынятых даных. Гэта надзвычай важна, паколькі новае выданне адрасавана не толькі беларускамоўным, але і англа- і рускамоўнай чытацкай аўдыторыі, г. зн. уводзіць факты беларускай ваеннай гісторыі ў еўрапейскі кантэкст, дзе на цяперашні час замацаваны ацэнкі, да якіх у ходзе даследавання згаданай праблематыкі прыйшлі ў сучаснай нямецкай гістарыяграфіі. І высновы нямецкіх даследчыкаў, у аснову якіх пакладзены дакументальныя крыніцы, істотна адрозніваюцца. Такім чынам, уведзеныя новыя лічбы не проста ставяць новыя пытанні, колькі ствараюць пэўныя праблемы.

Малавядомай для шырокага чытача на цяперашні момант застаецца практыка дзейнасці «зондэраманай 1005-Цэнтр», назва якой

паходзіла ад чарговага ўліковага нумара ў бягучым справаводстве RSHA (Імперскага ведамства бяспекі Германіі), скіраваная на ліквідацыю слядоў масавых злачынстваў на акупаванай савецкай тэрыторыі, у тым ліку тэрыторыі Беларусі. Рэдкія звесткі, галоўным чынам ускоснага характару, сустракаюцца ў асобных дакументах Надзвычайнай дзяржаўнай камісіі (НДзК) і фігуруюць у сведчаннях некаторых мясцовых жыхароў як прамых сведак тых падзей. Тады як падборка дакументальных матэрыялаў, апублікаваныя ў апошнія гады ў гісторыка-дакументальнай хроніцы гарадоў і раёнаў Беларусі па згаданай тэме, практычна абыходзіць маўчаннем ці не закранае гэты жахлівы факт ваеннай гісторыі Беларусі [13, с. 3–13].

У той жа час навуковы аналіз сведчанняў мясцовых жыхароў пераконае ў тым, што падчас іх апытанняў прадстаўнікамі НДзК размова часцей за ўсё вялася толькі аб агульных, схематычна прадстаўленых рэчах, пры гэтым давалася выключна знешняя, а не ўнутраная характарыстыка падзей, пры гэтым не прыводзяцца канкрэтныя дэталі, без чаго практычна нельга было рэканструяваць тыя надзвычайноеасаблівыя падзеі, тым больш прывесці дакладныя звесткі, канкрэтныя факты, згадкі асобных імён і г.д. У гэтай сувязі ў даследчыкаў узніклі прынцыпова важныя пытанні, наколькі згаданыя сведчання адпавядаюць іншым дакументальным крыніцам, у якой ступені ўскосныя звесткі відавочцаў раскрываюць сутнасць гістарычных падзей і ці могуць яны вытрымаць праверку верыфікаванымі дакументамі. У выніку – ці могуць і надалей заставацца ў якасці адзіных дакументальных крыніц для ўсебаковага вывучэння гэтай малавядомай гістарычнай праблемы.

Другі бок праблемы па адэкватным выкарыстанні супярэчлівых дакументальных звестак, розных тлумачальных сімвалаў і нават супрацьлеглых моўных сродкаў у час правядзення экскурсій вынікае з розных падыходаў да фарміравання новай прасторы памяці, створанай у апошнія гады ў выніку незавершанасці планаў па ўвядзенні ў строй архітэктурных аб'ектаў Мемарыяльнага комплексу «Трасцянец».

Па ацэнках вядучага нямецкага спецыяліста ў сферы мемарыялізацыі падзей Халакосту К. Янеке, у сувязі з паходжаннем шматлікіх ахвяр з розных еўрапейскіх краін Трасцянец «з'яўляецца чыста еўрапейскім месцам памяці» [20, с. 10]. Еўрапейскасць гэтага месца памяці яшчэ больш узрасла пасля адкрыцця на афіцыйным дзяржаўным узроўні ў Трасцянец аб'ектаў другой чаргі мемарыялу ва ўрочышчы Благаўшчына летам 2018 г., а таксама новага помніка «Аўстрыйскім ахвярам Халакосту» вясной 2019 г. [3; 4; 6].

Такім чынам, на цяперашні час у Мемарыяльным комплексе «Трасцянец» створаны значны патэнцыял гісторыі і памяці, які намаганнямі палітыкаў, навукоўцаў і экскурсаводаў пераўтвараецца ў

месца супольнай еўрапейскай памяці, становіцца адкрытым вакном магчымасцей для міжнароднага дыялогу. Кажучы інакш, на цяперашні час перад беларускім і замежным суб'ектамі і практыкамі стаяць новыя задачы не столькі па ўсебаковым вывучэнні і асэнсаванні асобных малавядомых фактаў у гісторыі трагедыі, колькі па забеспячэнні грамадскай патрэбы ў новым інфармацыйным наратыве, які мог бы істотна зблізіць погляды даследчыкаў, экскурсантаў і экскурсаводаў. На гэтым этапе спалучэнне ў архітэктурных аб'ектах нацыянальных практык ушанавання гістарычнай памяці ў Трасцянец пераконвае ў тым, што нягледзячы на захаванне пэўных стэрэатыпаў у працэсе перадачы гістарычных ведаў кожны з мемарыяльных аб'ектаў павінен адпавядаць аб'ектыўным навуковым ведам аб трагедыі розных народаў Еўропы ў Трасцянец. Такія падыходы становяцца надзвычай актуальнымі ў сувязі са з'яўленнем папулісцкіх матэрыялаў, якія часам пішуцца без уліку навуковых напрацовак айчынных і замежных гісторыкаў, а таксама цэлага комплексу новых гістарычных дакументаў, а таксама вузка тэматычных навуковых даследаванняў.

Адзначым у гэтым плане найноўшыя аўстрыйскае калектыўнае выданне «Масіў імёнаў» [19] і магісцёрскую дысертацыю нямецкай даследчыцы Г. Поль на тэму «Ніхто не забыты, нішто не забыта? Мемарыялізацыя памяці пра Шоа ў Мінску і Малым Трасцянец» [21], у фуксе якіх апынуліся гістарычныя дакументы і найноўшыя навуковыя ацэнкі, прааналізаваныя пад вуглом не толькі еўрапейскіх даследчыцкіх практык, але і сучасных патрабаванняў да месцаў захавання памяці ў агульнаеўрапейскай прасторы. Практычны бок аналізу гэтых прац сведчыць не столькі пра імкненне глыбокай распрацоўкі тэмы і ўвядзенне малавядомых матэрыялаў у шырокі зварот, колькі ў неабходнасці іх адэкватнага выкарыстання ў працы турыстычных бюро, экскурсійных фірм і непасрэдна самімі экскурсантамі [6, с. 187].

Выпрацоўка адэкватных падыходаў да выкарыстання беларускай гісторыка-культурнай спадчыны ў адпаведнасці з агульнаеўрапейскімі патрабаваннямі ставіць на парадак дня важнае пытанне: нягледзячы ні на што, ці з'явіцца мемарыяльны комплекс «Трасцянец як сімвал трагедыі беларускага і яўрэйскага народаў з яго ўнікальным экскурсійным патэнцыялам на карце еўрапейскага і міжнароднага турызму?

1. Постановление № 654 Совета Министров Республики Беларусь «О создании мемориального комплекса «Тростенец» в г. Минске, 22 мая 2002 г. // Тростенец: трагедия народов Европы, память в Беларуси : документы и материалы / сост. В. И. Адамушко [и др.] ; редкол. : В. В. Андриевич (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Беларус. Энцыкл. імя П. Броўкі, 2016. – С. 394–400.

2. Информация об участии Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко в митинге-реквиеме «Врата памяти», 22 июня 2015 г. // Тростенец: трагедия народов Европы, память в Беларуси : документы и материалы / сост. В. И. Адамушко [и др.] ; редкол. : В. В. Андриевич (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Беларусь. Энцикл. імя П. Броўкі, 2016. – С. 445–447.
3. Лукашенко с президентами Германии и Австрии посетил мемориальный комплекс «Тростенец» [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: <https://www.belta.by/president/view/lukashenko-s-prezidentami-germanii-i-avstrii-poseschaet-memorialnyj-kompleks-trostenets-308766-2018/>. – Дата доступу: 19.09.2021.
4. Президент Беларуси и федеральный канцлер Австрии открыли памятник жертвам нацизма «Массив имен» [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: <https://www.belta.by/president/view/prezident-belarusi-i-federalnyj-kantsler-avstrii-otkryli-pamjatnik-zhertvam-natsizma-massiv-imen-341860-2019/>. – Дата доступу: 19.09.2021.
5. Валігурска, М. Памяць пра Халакост. На лініях разлому паміж усходне- і заход-нееўрапейскай культурамі памяці. Новы мемарыяльны комплекс у Трасцянец / М. Валігурска // АРСНЕ-Пачатак. – 2018. – № 3. – С. 80–96.
6. Новікаў, С. Я. Аўстрыйская канцэпцыя ўшанавання памяці ў Мемарыяльным комплексе «Трасцянец» / С. Я. Новікаў // Вестник МГЛУ. Серия 3 : История, философия, социология, экономика, культурология, политология. – 2021. – № 20. – С. 181–187.
7. Раманоўскі, В. П. Трасцянецкі лагер смерці / В. П. Раманоўскі // Беларусь у гады Вялікай Айчыннай вайны, 1941–1945: Энцыкл. / Беларусь. Сав. Энцыкл. ; рэдкал.: І.П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелСЭ, 1990. – С. 591.
8. Kohl, P. Trostenez – das Auschwitz von Belorußland // Kohl, P. „Ich wundere mich, dass ich noch lebe“: sowjetische Augenzeugen berichten / P. Kohl. – Gütersloh: Gütersloher Verlag – Haus Mohn, 1990. – S. 91–103.
9. Тростенец / сост. С. В. Жумарь, Р. А. Черноглазова. – Минск : Полиграфоформление, 2003. – 103 с.
10. Yatskevich, N. Zur Gründung einer Gedenkstätte in Trostenez / N. Yatskevich // „Existiert das Ghetto noch?“. Weißrussland: Jüdisches Überleben gegen nationalsozialistische Herrschaft. Assoziation A. – Berlin ; Hamburg ; Göttingen : IBB Dortmund, 2003. – S. 246–247.
11. Кузнецов, И. Н. Тростенец: актуальные проблемы исследований / И. Н. Кузнецов // Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць : матэрыялы міжнароднай навуковай канферэнцыі, Мінск, 6 красавіка 2012 г. Вып. 12. У 2 т. Т. 1 / рэдкал.: А. А. Каваленя (адк. рэд.), С. Я. Новікаў (нам. адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск : МДЛУ, 2013. – С. 84–89.
12. Новікаў, С. Я. Урочышча Благаўшчына – месца масавага знішчэння людзей на тэрыторыі акупаванай Беларусі / С. Я. Новікаў // Беларускі гістарычны часопіс. – 2013. – № 10. – С. 21–27.
13. Новікаў, С. Я. Ліквідацыя слядоў масавых нацысцкіх злачынстваў у Беларусі ў 1943–1944 гг.: да пытання аб дзейнасці “зондэркаманды 1005-Цэнтр” // Беларускі гістарычны часопіс. – 2019. – № 5. – С. 3–13.
14. Багданава, Г. П. Ахвяры і злачынцы нацысцкага лагера Малы Трасцянец: малавядомыя факты / Г. П. Багданава // Беларускі гістарычны часопіс. – 2019. – № 6. – С. 13–13.
15. Кошман, В. И. Трагедия урочища Благовщина: анализ огнестрельного материала по итогам археологических исследований 2017 года / В. И. Кошман //

- Гістарычна-археалагічны зборнік. Вып. 35. – Мінск : Беларуская навука, 2020. – С. 189–203.
16. Kohl, P. Das Vernichtungslager Trostenez / P. Kohl. – Dortmund : IBB, 2003. – 112 S.
 17. Rentrop, P. Tatorte der „Endlösung“. Das Ghetto Minsk und die Vernichtungsstätte von Maly Trostinez / P. Rentrop. – Berlin : Metropol, 2011. – 256 S.
 18. Rentrop, P. Maly Trostinez – eine Landgut als Vernichtungsstätte / P. Rentrop // Im Schatten von Auschwitz. Spurensuche in Polen, Belarus und der Ukraine: Begegnen, erinnern, lernen. – Bonn : BPB. 2017. – S. 152–169.
 19. DAS MASSIV DER NAMEN. Ein Denkmal für die Österreichischen Opfer der Shoa in Malz Trostinec / Hrsg. von Pia Schölnberger. – Wien : Czernin Verlag, 2019. – 168 S.
 20. Янеке, К. Официальные германо-белорусские отношения 1990–2019 гг. в зеркале развития места памяти «Тростенец» / К. Янеке // Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць : матэрыялы міжнароднай навуковай канферэнцыі, Мінск, 5 красавіка 2019 г. Вып. 18. / рэдкал.: А. А. Каваленя (адк. рэд.), С. Я. Новікаў (нам. адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск : МДЛУ, 2020. – С. 4–13.
 21. Pohl, G. Nikto ne zabyt, nisto ne zabyto? Memorialisierungen der Erinnerung an die Shoah in Minsk und Maly Ttoscjanec. Masterarbeit zur Erlangung des Akademischen Grades Master of Arts (M.A.) / G. Pohl. – Berlin, 2020. – 109 S.
 22. Поль, Г. Мыслить в национальных категориях: «Массив имен» как мемориал «Австрийским жертвам Холокоста» / Г. Поль // Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць : матэрыялы міжнароднай навуковай канферэнцыі, Мінск, 3 красавіка 2020 г. Вып. 19 / рэдкал.: А. А. Каваленя (адк. рэд.), С. Я. Новікаў (нам. адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск : МДЛУ, 2021. – С. 55–65.
 23. Лагерь смерти Тростенец. Документы и материалы / Под ред. Г.Д. Кнатько. – Минск : НАРБ, 2003. – 292 с.
 24. Тростенец: трагедия народов Европы, память в Беларуси : документы и материалы / сост. В. И. Адамушко [и др.] ; редкол.: В. В. Андриевич (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Беларус. Энцыкл. імя П. Броўкі, 2016. – 520 с.
 25. Яцкевіч, Н. А. Трасцянец. Трагедия народаў Еўропы = Тростенец. Трагедия народов Европы = Trastsianets. The tragedy the peoples of Europe / Н. А. Яцкевіч, М. Г. Нікіцін. – Мінск : Беларуская Энцыклапедыя імя Петруся Броўкі, 2018. – 128 с.
 26. Лагерь смерти Тростенец: история и память. Каталог передвижной выставки. – Берлин: МОЦ Дортмунд, 2016. – 246 с.
 27. Vernichtungsort Maly Trostinez. Geschichte und Erinnerung. Katalog der deutsch-belarussischen Wanderausstellung. – Berlin: IBB Dortmund, 2016. – 246 S.
 28. Досье: лагерь смерти Тростенец [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: <https://www.belta.by/society/view/dose-lager-smerti-trostenets-308621-2018>. – Дата доступу: 19.09.2021.
 29. Лагерь смери Тростенец. Документы и материалы [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: <https://archives.gov.by/index.php?id=973276>. – Дата доступу: 19.09.2021.
 30. Выставка в БГУ с «Белой Русью» [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: <https://belayarus.by/news/glavnye-novosti/lager-smerti-trostenets-istoriya-i-pamyat>. – Дата доступу: 19.09.2021.

Олейник В. В.
ПОЛЬСКИЕ ЛЕГИОНЕРЫ НА БОБРУЙЩИНЕ
В 1918 И 1919–1920 ГОДАХ

Ключевые слова: польские legionеры, Бобруйщина, начало XX в., Первая Мировая война, советско-польская война.

Боевые действия в период, предшествующий окончанию Первой Мировой войны, на территории Беларуси были связаны с наступлением кайзеровских войск и последующим нахождением части белорусских земель под немецкой оккупацией. Сложившаяся в то время сложная политическая ситуация, а также объявленный большевиками лозунг о праве наций на самоопределение, способствовали тому, что руководство сформированных в конце Великой войны польских национальных формирований (легионов, где проходили службу не только подданные Российской империи, но также и другие военнослужащие из числа этнических поляков), отказалось выполнять требования советских органов власти. Это послужило основанием для начала в 1918 году вооруженного конфликта, в ходе которого польским войскам, объединенным в Первый польский корпус под командованием генерал-лейтенанта Ю. Довбор-Мусницкого в начале февраля того же года удалось, в частности, захватить город и крепость Бобруйск, имевшие важное стратегическое значение.

Грамотно спланированная и четко проведенная в ночь со 2 на 3 февраля 1918 г. операция по овладению ключевыми укреплениями Бобруйской крепости, среди которых особое значение имели форт «Фридрих-Вильгельм» и «башня Оппермана», привели к тому, что без больших людских потерь в руках польских военнослужащих оказались тыловые запасы армий бывшего Западного фронта, что позволило им практически на равных вести боевые действия с противником. В дальнейшем, войска корпуса Довбор-Мусницкого, дислоцировавшиеся на территории Бобруйщины и включавшие пехотные, кавалерийские, артиллерийские, инженерные подразделения и особые «рыцарские легионы», путем проведения диверсионных акций и войсковых операций смогли значительно расширить подконтрольную им территорию.

Вместе с тем недальновидная политика в отношении местного населения, которая была вызвана, в том числе, активной деятельностью «красных» партизан на коммуникациях польских войск, а также ожесточенным сопротивлением белорусских крестьян начавшимся реквизициям со стороны последних, вылилась в проведение карательных экспедиций против населения Бобруйского повета. Среди пострадавших оказались жители многих деревень, в том числе Больших и Малых Бортников, Жиличей и других. Ситуация усугублялась еще и

тем, что местное население использовало сложившуюся обстановку для поправления своего материального положения за счет крупных собственников, фактически занимаясь грабежом дворянских поместий, владельцы которых, в свою очередь, обращались за помощью к оккупационным властям. Ответные действия кавалерийских (уланских) подразделений не отличались гуманностью, что приводило к многочисленным жертвам среди мирного населения.

История Первого польского корпуса на Бобруйщине завершилась после предъявления немецким командованием 20 мая 1918 г. требований о его полном расформировании и издания 22 мая 1918 г. приказа по корпусу об его эвакуации. Большинство военнослужащих-поляков предпочли вернуться на родину; многие из них впоследствии вернулись на белорусские земли в ходе начавшейся вскоре советско-польской войны. Данный вооруженный конфликт, вспыхнувший после отступления немецких войск, которое началось в первой половине ноября 1918 года, вновь принес на белорусские земли боль и страдания, при этом интересы нашего народа противоборствующими сторонами не учитывались.

Вместе с тем, в данном конфликте с обеих сторон принимали участия подразделения, укомплектованные уроженцами Беларуси. Это не были, конечно, в полном смысле национальные белорусские войска. Однако, в составе польских вооруженных формирований действовали, к примеру, 1-я и 2-я Литовско-белорусские пехотные дивизии [1, с. 57], а в Красной армии – Западная пехотная (позже – стрелковая) дивизия [2, с. 57], в которую, в числе прочих, входил 6-й Гродненский полк. Кроме того, в середине августа 1920 года Временный революционный комитет Польши и Реввоенсовет Западного фронта РСФСР приступили к формированию в районе Бобруйска и Рославля 1-й Польской Красной армии [3, с. 81]. В ней проходили службу и белорусы католического вероисповедания, а штаб армии размещался в городе Бобруйске. Решение о расформировании этой армии было принято советским командованием 20 ноября 1920 г. В свою очередь, польскими властями еще раньше в Гродно были разоружены национальные белорусские 1-й и 2-й пехотные полки и кавалерийский эскадрон [4, с. 85]. Таким образом, руководство сторон конфликта не было заинтересовано в наличии у белорусов в тот период своей собственной армии.

В ходе войны 1919-1920 годов, к сожалению, имели место многочисленные случаи жестокого обращения с мирным населением и военнопленными, что даже послужило основанием для проведения конференции обществ Красного Креста, вылившейся в неофициальные переговоры сторон, которые проходили с 10 октября по 13 декабря 1919 г. на станции Микашевичи [2, с. 45]. Современники отмечали, что особенно жестоким преследованиям и пыткам со стороны поля-

ков подвергались коммунисты; в некоторых случаях таким же истязаниям подвергались и работники Красного Креста [5, с. 20]. Также, польскими войсками периодически предпринимались жестокие бомбардировки и артобстрелы не имевших гарнизонов городов. Объектами обстрела нередко становились медицинские учреждения, отмеченные опознавательными знаками. Занятие городов и населенных пунктов сопровождалось самочинными расправами военных с местными представителями советской власти, а также еврейскими погромами, выдававшимися за акты искоренения большевизма [1, с. 41-42].

По официальным данным Западный фронт РСФСР только в течение 1920 года потерял пропавшими без вести и попавшими в плен около 54 тыс. бойцов и командиров [6, с. 124]. По другим данным, в 1919-1920 гг. польские войска взяли в плен более 146 тыс. красноармейцев, содержание которых в Польше было очень далеко от каких-либо гуманитарных стандартов. Особым издевательствам подвергались коммунисты или заподозренные в принадлежности к ним. Широко было распространено ограбление пленных, издевательства над пленными женщинами. Все это привело к тому, что около 60 тыс. советских военнопленных умерли в польских лагерях [1, с. 171-172].

В ходе летнего наступления 1919 года польскими войсками 28 августа был захвачен Бобруйск. В штурме города и крепости польскими войсками впервые на территории Беларуси были использованы танковые подразделения, укомплектованные французскими танками Renault FT-17 [7, с. 337]. Атаку с нескольких направлений подразделениями, имевших как танки, вооруженные пулеметами, так танки с артиллерийскими орудиями, поддерживали польские пехотные части. Несмотря на потерю нескольких машин, две из которых были захвачены советскими войсками, успешные действия танковых подразделений поляков на пересеченной местности явились решающим фактором в штурме Бобруйска. Данный эпизод применения польскими войсками новейшей по тем временам бронетехники против обороняющейся пехоты, поддерживаемой артиллерией и пулеметами, продемонстрировал ее высокую эффективность, которая в дальнейшем была доказана во всех конфликтах XX века.

В Бобруйской крепости поляками был организован лагерь для военнопленных красноармейцев, в основном из 71-го пехотного полка Красной армии, разбитого во время советского наступления 19 октября 1919 г. [7, с. 345]. Нечеловеческие условия содержания, эпидемии инфекционных заболеваний, голод и пытки оставляли для них мало шансов на то, чтобы остаться в живых. Каждый день в лагере умирало по несколько десятков военнопленных. Местные жители пытались их всячески поддержать, в лагерь ежедневно приходили врачи для оказания медицинской помощи больным. Состоявшееся в лагере восста-

ние было жестоко подавлено, убежать удалось лишь нескольким красноармейцам. По некоторым сведениям, после восстания в крепости польская администрация решила тех пленных, которые еще оставались в живых, вывезти во Французское Конго и продать в качестве рабов [7, с. 346]. На родину в 1934 году вернулись единицы.

Война с поляками 1919-1920 годов завершилась для РСФСР поражением и заключением печально знаменитого «Рижского мира». Советское командование характеризовало результаты этого вооруженного конфликта как «небывалую катастрофу, взявшую у нас 100 000 пленных и 200 орудий» [1, с. 156]. Вместе с тем, в ходе летнего наступления Красной армии 10 июля 1920 г. поляки оставили Бобруйск [1, с. 112]. На этом период польской оккупации Бобруйщины был завершен. Сейчас о том страшном времени в Бобруйске напоминает только памятник погибшим подпольщикам. Он находится вблизи того места на территории Бобруйской крепости, где польскими военнослужащими было организовано кладбище погибших legionеров и насыпан курган в честь солдат, павших в боях 1918-1920 годов. Этот курган размещался на территории цитадели возле Слуцких ворот крепости. В советское время данные объекты, напоминающие о польской оккупации, были уничтожены. Кроме того, в 1927 году на месте захоронения замученных в лагере красноармейцев был поставлен памятник [7, с. 347].

Как выглядел вышеупомянутый курган, названный «курганом Довборчиков», можно увидеть только на дошедших до нас старых фотоснимках. Также, его сохранившаяся до наших дней копия была воздвигнута на военном кладбище в Варшаве. По нашему мнению, проведение полевых поисковых работ силами 52 отдельного специализированного поискового батальона Вооруженных Сил способствовала бы определению конкретного места воинского захоронения, что может послужить основой для установки памятного знака, который позволит сохранить историческую память о трагических событиях начала XX века и привлечет внимание общественности к проблемам, вытекающим из произошедших тогда событий.

Как известно, чтобы не повторять ошибок прошлого, нам всем нужно хорошо знать свою историю, в том числе историю взаимоотношений с соседними народами. Советско-польский вооруженный конфликт, который военные историки первой трети прошлого века называли русско-польской кампанией 1918-1920 годов, дает возможность извлечь важные уроки, вытекающие из ее особенностей, предопределивших специфику многих войн XX столетия. Она была одной из первых необъявленных, «обе стороны не обменялись, как это было принято до сих пор, нотами об объявлении войны» [5, с. 7].

Также не следует забывать об уже упомянутом отношении к пленным, не соответствующим нормам международного гуманитар-

ного права, которое было характерно как для польских войск, так и для Красной армии (в лагерях для военнопленных в РСФСР содержалось 60 тыс. польских пленных, из которых вернулась домой только половина [1, с. 172]). Продолжавшаяся Гражданская война сделала возможным варварское отношение к мирному населению со стороны всех вооруженных формирований. Завершилось все в Риге переговорами, на которых советское руководство решило перейти «к политике соглашательского мира с Польшей» [1, с. 154]. Не допустить повторения вышеописанных событий – главное дело уже современного поколения граждан Республики Беларусь.

1. Мельтюхов, М. Советско-польские войны / М. Мельтюхов. – 2-е изд. – М. : Яуза, Эксмо, 2004. – 672 с.
2. Зуев, М. Н. Советская Россия и Польша. 1918–1920 гг. Советско-польское вооруженное противостояние 1918–1919 гг. Советско-польская война 1920 г. / М. Н. Зуев, В. В. Ионов, Т. М. Симонова ; под общ. ред. Кольтюкова А. А. – М. : Московская типография – № 2, 2006. – 264 с.
3. Гісторыя Беларусі : У 6 т. Т. 5. Беларусь у 1917–1945 гг. / А.Вабішчэвіч [і інш.] ; рэдкал. М.Касцюк (гал. рэд.) і інш. – Мінск : Экаперспектыва, 2007. – 613 с.
4. Гісторыя Беларусі : Вучэб. дапам. У 2 ч. Ч. 2. Люты 1917 г. – 2000 г. / Я. К. Новік [і інш.] ; пад. рэд. Я. К. Новіка, Г. С. Марцуля. – 2-е выд. – Мн. : Універсітэцкае, 2000. – 464 с.
5. Какурин, Н. Русско-польская кампания 1918–1920. Политико-стратегический очерк / Н. Курин. – М. : Военная типография штаба РККА, 1922. – 76 с.
6. Россия и СССР в войнах XX века : Статистическое исследование. – М., 2001.
7. Мельнікаў, І. Заходнебеларуская Атлантыда 1921–1941 гг./ І. Мельнікаў. – Мінск : Галіяфы, 2015. – 428 с.

Панов С. В.
НАЦИОНАЛЬНОЕ КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ
В ШКОЛЬНОМ ИСТОРИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: ФАКТОРЫ ТРАНСЛЯЦИИ
СОВРЕМЕННОМУ ПОКОЛЕНИЮ ОБУЧАЮЩИХСЯ

Ключевые слова: содержание образования, история Беларуси, трансляция социального опыта.

Школьное историческое образование как социокультурный феномен предполагает трансляцию своего контента, оформленного как педагогически адаптированный социальный опыт и культурные ценности современной белорусской нации. Феноменологическое понимание образования соответствует его культурологической парадигме, которая соотносится с возможностью реализации культуросообразного подхода к дидактическому конструированию содержания истори-

ческого образования, ориентированного на формирование личностных качеств обучающихся с учетом усвоения ими историко-культурного наследия Беларуси. Развитие личности обучающихся, в частности, в процессе обучения истории, связано со становлением индивида как культурно-исторического субъекта, который воспринимает историю как своё прошлое. Обозначилась проблема культурного наследования, что видно из анализа результатов мониторинга формирования нравственной культуры и ценностного сознания учащихся 9-х, 11-х классов, проведенного Национальным институтом образования Министерства образования Республики Беларусь в 2016 г. В иерархии ценностных ориентаций старшеклассников национальная культура оказалась предпоследней (4,0 % респондентов) из 19 представленных для опроса дистракторов, среди которых ценность семьи оказалась на первом месте (90,6 % респондентов) [1, с. 13]. Данное обстоятельство актуализирует целесообразность использования аксиологического подхода к дидактическому конструированию содержания школьного исторического образования.

Смена культурно-исторического типа наследования социального опыта поколением информационного общества, установка на национально-культурную идентификацию содержания учебного предмета «История Беларуси» актуализируют такие теоретико-методологические концепты в школьном историческом образовании как историческая память и национально-культурная идентичность. Обозначенные автором факторы (культуросообразный подход в школьном историческом образовании и его целеполагание, связанное с формированием исторической памяти и национально-культурной идентичности) актуализируют ориентацию образовательных практик на учет культурного наследия современной белорусской нации в условиях обозначившегося межпоколенческого разрыва и формирования собственно белорусской модели памяти.

На Республиканском педагогическом совете 2021 г. Председатель Постоянной комиссии по образованию, культуре и науке Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь, член-корреспондент НАН Беларуси, доктор исторических наук, профессор И. А. Марзалюк озвучил мнение о необходимости недопущения разрушения на протяжении жизни одного поколения культурного кода нации, который формировался столетиями, и роли в этом историков, которые участвуют в подготовке учебных пособий [6].

Актуальным в рамках проблематики статьи представляется реализация принципов, изложенных в Манифесте качественного исторического и гражданского образования, а также образования в области культурного наследия, подготовленного в 2013 г. Европейской ассо-

циацией исторического образования (Евроклио). Качественное образование в данной области, как указано в Манифесте, использует «историю вокруг нас» как мощный способ представить явное понимание прошлого и использует традиции как уникальный доступ к этому прошлому через материальное и нематериальное наследие [4].

При реализации культуросообразного подхода к дидактическому конструированию содержания школьного исторического образования целесообразно использовать принцип культурно-исторической среды. Под ним автором статьи понимается исходное положение о педагогической целесообразности усвоения обучающимися совокупности достижений белорусского народа в области материальной и духовной культуры, транслируемой в процессе обучения. При трансляции культурного наследия целесообразно использование историко-антропологического подхода к дидактическому конструированию, который предполагает, в соответствии с принципами вышеуказанного Манифеста, многоаспектное освещение различных сфер исторической жизнедеятельности, в т.ч. с рассмотрением роли личности как активного субъекта истории. При этом в содержании исторического образования представляются идеалы и т.н. культурно-оформленные образцы (культурно-исторические аналоги) поведения человека в истории, характерные для представителей белорусского народа с использованием в учебной литературе дидактического алгоритма усвоения содержания учебного материала «человек – культура – история».

Концепт исторической памяти в школьном историческом образовании Республики Беларусь понимается как все виды информации о событиях прошлого, их времени и месте, участниках, а также способность личности дорожить историческими традициями своего народа [3, с. 4]. Историческая память сохраняет и воспроизводит сведения о прошлом на основе чувств и ощущений, вызванных настоящим, она по своей природе образна. Под образами понимаются представления о ком-либо или чём-либо, которые формируются в сознании обучающихся в условиях информационно-образовательного процесса и общественно-политических практик. Образы исторического прошлого в образовании не столько реконструируются, как в истории как отрасли научного знания, а конструируются в учебном предметном содержании потомками, которые, позитивно или негативно оценивая предшественников, обосновывают таким образом собственные решения и действия. Актуальным в процессе трансляции культурного наследия является дидактическое конструирование образа исторического прошлого, который будет способствовать консолидации белорусского общества, чего требует принятая в 2019 г. Концепция информационной безопасности Республики Беларусь. Пункт 49 этой Концепции

предполагает государственную историческую политику, направленную на закрепление в Беларуси и за ее пределами белорусской модели памяти [2]. Принципиальным является реализация в школьном историческом образовании консолидационной (объединяющей граждан Республики Беларусь), а не конфронтационной функции исторической памяти, что остается проблемным в рамках политизации истории. Видится оптимальным дидактически инструментальное превращение институционального концепта коллективной исторической памяти как компонента целеполагания в личностно-востребованное и эмоционально-окрашенное знание обучающихся, трансформирующееся в их личностные качества.

Концепт национальной идентичности в школьном историческом образовании Республики Беларусь понимается как конкретная эмоционально-психологическая (предполагает собственное отношение к изучаемому материалу), политико-идеологическая (связана с умением обучающегося выявлять и соотносить различные точки зрения) и культуросообразная (формируется через первоначальное представление и усвоение художественного образа исторических событий) позиция личности, которая проявляется в восприятии и идентификации себя в окружающем мире с точки зрения представителя современной белорусской гражданской (политической) нации [3, с. 4]. Сотрудниками Центра политических и социологических исследований Белгосуниверситета в 2013 г. был сделан вывод о том, что национальное сознание белорусского студенчества остается достаточно слабо выраженным и содержательно незаполненным никакими символами, что может иметь в перспективе его полное размывание и наполнение неожиданным содержанием [9]. Плодотворным представляется решение вопроса о содержательном наполнении национального самосознания учащейся молодежи идентификационными маркерами, соответствующими историко-культурному наследию Беларуси.

При формировании национальной идентичности обучающихся по мнению И. А. Марзалюка целесообразно учитывать своеобразие идентификационных маркеров на «краёвым» (региональном, субэтническом) уровне. Так, например, утверждается, что наш славный земляк А. Мицкевич осознавал себя территориально по происхождению литвином, на национальном уровне считал себя поляком, а гражданство для него было одновременно и национальностью [5, с. 77]. По результатам авторского контент-анализа учебного пособия по истории Беларуси конца XVIII – начала XX в. для 8 класса (Минск : Изд. центр БГУ, 2018), в котором представлен учебный материал про А. Мицкевича, номинация «славные земляки» доминирует в персонификации, в то время, как номинация «национальные герои» остается идентифика-

ционным маркером современных массмедиа и некоторых общественных практик. В контексте обозначенной проблематики приходится констатировать наличие ярко проявленного территориально-культурного аспекта идентичности, имеющего свое выражение через собственно белорусский феномен «тутэйшасці», что может быть учтено в процессе трансляции национального культурного наследия.

Представляется интересным решение вопроса об имиджевой составляющей культурного наследия Беларуси. Так, например, в современном информационном пространстве она представлена таким слоганом, как «Беларусь – Родина Марка Шагала», что свидетельствует о реализации принципа упоминаемого выше Манифеста о том, что исторические нарративы имеют множество пластов и интерпретаций. В этом аспекте реализована авторская интерпретация М. Шагала в двух поколениях учебных пособий по истории Беларуси новейшего времени 2006 и 2019 гг. издания с учетом актуализации ценностей семьи и любви, т.е. возможности реализации аксиологического подхода [7, с. 21; 8, с. 12]. В первом из них творчество художника, в частности репродукция картины «Над городом», созданной в 1914–1918 гг., представлено в контексте революционных событий октября 1917 г., после которых М. Шагал был назначен уполномоченным комиссаром по делам искусств в Витебской губернии, с акцентацией его чувств к своей избраннице, ставшей женой, что отражено в авторской художественной манере, вошедшей в мировое культурное наследие. В этом сюжете в рамках дидактики истории использован методический прием комплексной художественно-исторической характеристики событий и их участников. В современном нам издании культурное наследие М. Шагала акцентируется через созданную им на протяжении 1937–1968 гг. картину «Революция», которую мастер считал вершиной своего творчества. Тут использован методический прием мультисенсора, который ориентирован на формирование и творческую реконструкцию образов исторического прошлого. Использование в процессе трансляции культурного наследия возможностей образного образования связано с тем, что образы событий и персонажей исторического прошлого, представленные прежде всего художественными средствами, являются основой для первоначального эмоционально-ценностного восприятия обучающимися содержания учебного материала, что способствует дальнейшему его личностному присвоению как компонента индивидуальной исторической памяти.

Таким образом, факторами трансляции национального культурного наследия (сохранения и приумножения культурного кода современной белорусской гражданской нации) в школьном историческом образовании Республики Беларусь целесообразно определить:

- на концептуальном уровне такие качества личности обучающихся, как коллективная и индивидуальная историческая память с актуализацией консолидационного потенциала ее собственно белорусской модели и национально-культурная идентичность с маркизацией не только ее территориально-культурного, а и национально-государственного компонента в рамках реализации государственной исторической политики;

- на педагогическом и предметном уровнях культуросообразный, аксиологический и историко-антропологический подходы к дидактическому конструированию содержания учебной литературы по истории Беларуси с представлением норм и образцов социального поведения в качестве культурно-исторических аналогов для их выбора обучающимися в рамках вероятностного моделирования ими своего поведения в ситуации выбора;

- на частнодидактическом инструментальном уровне использование методических приемов, характерных для образного образования (комплексной художественно-исторической характеристики исторических событий и их участников, мультисенсор) и ориентированных на актуализацию эмоционально-ценностной сферы развития личности обучающихся как представителей информационного общества (поколения Z) для возможного преодоления межпоколенческого разрыва.

1. Жоголь-Лабзеева, И. П. Особенности формирования нравственной культуры учащихся (по результатам мониторингового исследования) / И. П. Жоголь-Лабзеева // Адукацыя і выхаванне. – 2016. – № 11. – С. 9–17.
2. Концепция информационной безопасности Республики Беларусь // СБ Беларуси сегодня. Спецвыпуск. – 2019. – 21 марта. – С. I–V.
3. Концепция учебного предмета «Всемирная история. История Беларуси» // Гісторыя: праблемы выкладання. – 2009. – № 7. – С. 3–12.
4. Манифест качественного исторического и гражданского образования, а также образования в области культурного наследия. 15 принципов признания значимой роли истории для развития молодежи [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://euroclio.eu/wp-content/uploads/2015/12/EuroClio-Manifesto-on-high-quality-history-heritage-and-citizenship-education_Russian.pdf. – Дата доступа: 30.08.2021.
5. Марзалюк, І. А. Фальшывая гісторыя – маці фальшывай палітыкі / І. А. Марзалюк // Беларуская думка. – 2010. – № 7. – С. 72–79.
6. Марзалюк: мы абязаны сахраніць культурны код нацыі [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.belta.by/society/view/marzaljuk-my-objazany-sohranit-kulturnyj-kod-natsii-456639-2021/>. – Дата доступа: 24.08.2021.
7. Паноў, С. В. Гісторыя Беларусі, 1917-1945 гг. : вучэб. дапам. для 9-га кл. устаноў, якія забяспечваюць атрыманне агул. сярэд. адукацыі з беларус. мовай навучання з 12 гадовым тэрмінам навучання / С. В. Паноў, У. Н. Сідарцоў. – Мінск : Выд. цэнтр БДУ, 2006. – 215 с.

8. Панов, С. В. История Беларуси, 1917 г. – начало XXI в. : учеб. пособие для 9-го кл. учреждений общ. сред. образования с рус. яз. обучения / С. В. Панов, В. Н. Сидорцов, В. М. Фомин. – Минск : Изд. центр БГУ, 2019. – 180 с.
9. Ротман, Д. Г. Тенденции изменения ценностного сознания студенческой молодежи Республики Беларусь / Д. Г. Ротман, А. В. Посталовский, И. Д. Расолько // Адукацыя і выхаванне. – 2013. – № 11. – С. 3–13.

Папроцкая А. Ю.
СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ МУЗЕЯ XXI ВЕКА
КАК СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ФЕНОМЕНА

Ключевые слова: музей, культура, стратегия, культурное наследие, коммуникация, социокультурный феномен, музейное пространство.

Период второй половины XX – начала XXI столетия стал временем серьезных концептуальных изменений в мире музейной деятельности. Произошло не только становление музея как социокультурного феномена, но и расширилось поле путей усовершенствования и трансформации понятия традиционного музея. Изменяется понимание музейного пространства: ранее музей ассоциировался с учреждением, охраняющим наследие культуры, теперь это еще и социокультурное пространство, имеющее возможность транслировать и создавать [5].

Современный музей не имеет возможности оставаться прежним, зачастую вызывая ассоциации в сознании посетителя в качестве чего-то застывшего, статичного, не способного к изменению. Управленческая система музея оказывается перед сложным выбором, определяющим дальнейшее его развитие. Таким образом, можно выделить актуальные тенденции развития музейного дела в XXI веке, многие из которых в дальнейшем станут векторами и стратегиями развития музейной структуры.

Цель исследования: проанализировать стратегии развития музея XXI века как социокультурного феномена, определить перспективные направления трансляции и популяризации культурного наследия музеем. Материалом для данного исследования послужил опыт работы известных музеев мира в период 2000 – 2021 гг. Использован комплекс методов, среди которых центральное место занимают сравнительно-сопоставительный, социологический, аналитический, междисциплинарный подход.

Многие современные исследователи рассматривают музей как социокультурный феномен, отражающий ключевые смыслы эпохи. Сейчас музей должен динамично и своевременно воспринимать те изменения, которые происходят в социуме, так как является его

неотъемлемой частью [6]. В результате этого взаимодействия рождаются новые формы коммуникации музея с обществом. В нашем мире ничто не постоянно и не стоит на месте. Все явления либо совершенствуются, либо разрушаются. Совершенствование – социокультурный феномен развития музея. Это процесс, направленный на качественную модернизацию как материальных, так и духовных объектов с одной единственной целью – стать лучше. Право на диалог с современной культурой открыло возможность переосмысления феномена культурной среды музея. Динамичность и непредсказуемость меняющейся действительности диктуют свои условия для успешного развития музейного пространства. Основой для достижения максимальной эффективности деятельности музея является стратегия.

Стратегия – комплекс действий тактического характера, направленных на определенный вектор развития музея, и способствующих достижению поставленных целей. Все стратегии музеев на современном этапе направлены на удержание внимания публики.

Одной из важнейших является стратегия коммуникации, которая очерчивает принципы и ориентиры решения проблем взаимодействия музея и социума. В рамках стратегии коммуникации определяющую роль играет стратегия открытости и доступности музеев [4]. Она представляет собой оптимизацию процесса общения посетителя с музейными предметами. Это открытость и удобство доступа в музей для различных групп населения, включая людей с ограниченными возможностями. Происходит создание интерактивных, более понятных посетителю экспозиций с использованием достижений дизайна и современных информационных технологий. Для совершенствования данной стратегии музеи модернизируют свои технические возможности (создание парковок для велосипедов и колясок, монтаж подъемников для инвалидов, лифты), готовят специализированные музейно-педагогические проекты и программы. Транслируя открытость музея, вносятся изменения в режим работы учреждения: вводится вечернее посещение по определенным дням. Стратегия открытости музея проявляется в доступности информации о его деятельности, публикаций и изданий. Это не только прямая коммуникация с посетителем, но и доступность объектов хранимого им культурного наследия. В рамках этой стратегии проводятся информатизация музеев, оцифровка предметов основного фонда, создание виртуальных музеев.

Ярко очерчена в деятельности современного музея и стратегия партнерства. Заметным становится сотрудничество отечественных и зарубежных музеев: возможность выезда сотрудников на стажировки, конференции, семинары [1]. На современном этапе все более значительной становится роль благотворительных фондов в реализации

музеем многих планов и инициатив. Становятся партнерами в деятельности музея и другие субъекты коммуникации: организации сферы бизнеса, реальные и потенциальные спонсоры, дарители и коллекционеры, средства массовой информации, волонтеры, организации сферы туризма. Современному культурному пространству характерно укрепление межмузейного сотрудничества и формирование общей коммуникационной и конкурентной политики.

Одним из важных факторов успеха музея XXI века и инструментом продвижения музея стал переход от концепции созерцания к концепции участия. Интерес к деятельности музея закрепляется в сознании человека и занимает достойное место в жизни социума. Стратегия участия направлена не только на создание интерактивных экспозиций и программ, но и на реальное вовлечение посетителей в жизнь музея, на личностную и творческую самореализацию [4]. Происходит изменение характера коммуникации между музеем и посетителем. Ранее это был формат монолога, где музейный сотрудник транслировал информацию в одностороннем порядке, сейчас – это диалог, где посетитель полноправный его участник. Экспозиция стала универсальным каналом коммуникации, системой культурных кодов, которые посетитель будет трансформировать через собственную культурную память и ценностные установки. Сейчас становится значимым не только экспонат коллекции, но и сам человек. Одним из примеров стратегии участия является создания обществ «Друзей музея» (например, программа «Клуб Друзей Эрмитажа» и др.) [2]. Среди «Друзей музея» зачастую – крупные международные компании, благотворительные фонды, коллекционеры, которые во многих случаях довольно активно участвуют в жизни музея.

Одной из основополагающих в популяризации музея и культурного наследия XXI века является маркетинговая стратегия [3]. На новый виток развития выходит изучение потребностей и интересов целевой аудитории музея. Это дает возможность разработки в будущем музейных услуг, форм культурно-образовательной деятельности для различных групп населения. В крупных музеях появляются соответствующие отделы – маркетинга, рекламы и PR. Музейный маркетинг включает в себя два стратегических вектора – это презентация музея и его коллекции и продвижение сопутствующих услуг и товаров.

Посредством маркетинговых подходов осуществляется постановка конкретных целей и задач, которые необходимо решить в ходе продвижения музея. Цели музейной структуры могут быть различные: привлечение внимания к выставкам, мероприятиям и акциям музея; продвижение бренда; увеличение посещаемости; сбор данных статистики для анализа целевой аудитории; создание положительно-

го образа музея. Для того чтобы понимать, достигнуты ли поставленные перед музеем цели, необходимо заблаговременно создать систему оценки эффективности и на определенных этапах осуществления стратегии проводить ее анализ [3].

В рамках маркетинговой стратегии можно выделить контент-стратегию музея. Без качественного контент-плана многие методы продвижения оказываются бесполезными. Сотрудники музея и их квалификация являются основополагающими факторами, которые оказывают влияние на полученное от посещения музея впечатление. Сейчас особенно актуальным среди крупнейших музеев мира становится введение в штат таких профессионалов, как SMM-специалист, который является мастером по коммуникации с аудиторией. Именно он подбирает необходимый контент, ведёт диалог с потенциальными посетителями и подписчиками, дает оперативную информацию о скидках и акциях, работает над позитивным имиджем музейной структуры, занимается управлением продвижения в медиапространстве.

Таким образом, стратегия и вектор коммуникации музеев являются закономерным следствием развития всего общественного пространства. Музеи XXI века – это смена привычного стиля, образа и направления мысли, многофункциональность и поиск самоопределения в изменившейся социальной среде. В ходе исследования мы выделили превалирующие стратегии в развитии музейного дела в XXI веке: стратегия коммуникации, стратегия открытости и доступности музеев, стратегия партнерства, стратегия участия и маркетинговая стратегия. Уникальность музеев в современных реалиях становится одним из определяющих факторов успеха. Поэтому представленные стратегии в будущем, безусловно, будут совершенствоваться, дополняться и видоизменяться, как и само музейное пространство.

1. Музеи Беларуси [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http:// museum.by](http://museum.by). – Дата доступа: 01.09.2021.
2. Эрмитаж [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ermitazh.org>. – Дата доступа: 02.09.2021.
3. Котлер, Ф. Основы маркетинга / Ф. Котлер. – «Диалектика-Вильямс», 1984. – 68 с.
4. Сапанжа, О. С. Основы музейной коммуникации / О. С. Сапанжа. – СПб, 2007. – 116 с.
5. Шляхтина, Л. М. Основы музейного дела / Л. М. Шляхтина. – М.: Высшая школа, 2005. – 183 с.
6. Юренева, Т.Ю. Музееведение: учебник для высшей школы / Т. Ю. Юренева. – М.: Академический проект, 2004. – 560 с.

Пераверзева Ю. А.
БІБЛІЯТЭЧНЫ ФОНД ЯК ФОРМА ІНТЭГРАЦЫІ ДАКУМЕНТАЎ
У ГРАМАДСТВА: АСАБЛІВАСЦІ ФАРМІРАВАННЯ Ў СУЧАСНАЙ
ІНФАРМАЦЫЙНАЙ ПРАСТОРЫ

Ключавыя словы: бібліятэка, бібліятэчны фонд, дакументы, камплектаванне і захаванасць бібліятэчнага фонду.

Бібліятэчны фонд ва ўсе часы прызнаваўся культурнай каштоўнасцю. У сучасным фондазнаўстве існуе пэўная колькасць трактовак паняцця “бібліятэчны фонд”, пры гэтым, на наш погляд, найбольш аптымальным і змястоўным з пункту гледжання раскрыцця яго значэння ў бібліятэчна-інфармацыйнай дзейнасці з’яўляецца азначэнне, прапанаванае прафесарам Ю.М. Сталяровым. Пад бібліятэчным фондам ён прапаноўвае разумець «упарадкаваную сукупнасць афлайн-авых і анлайн-авых дакументаў, якія належаць пэўнай бібліятэцы, адпавядаюць задачам і профілю бібліятэкі, прызначаную для задавальнення рэальных і патэнцыяльных, інфармацыйных і маральных патрэбнасцей карыстальнікаў, якая фарміруецца зыходзячы з матэрыяльных і інтэлектуальных рэсурсаў» [8, с. 60]. Такая трактоўка дэманструе базавы статус фонду як інфармацыйнай крыніцы, дзе сканцэнтраваны дакументы і матэрыялы, у тым ліку рэдкія і каштоўныя, якія дазваляюць атаясамліваць бібліятэку як інстытут культурнай спадчыны і ўстанову-стваральніцу інфармацыйнага фундаменту найноўшых дасягненняў у розных сферах жыцця.

Бібліятэчны фонд выконвае сістэмаўтваральную ролю ў дзейнасці бібліятэкі: садзейнічае рэалізацыі камунікатыўнай, мемарыяльнай і кумулятыўнай функцый. Ён забяспечвае бытаванне дакументаў як кампанентаў матэрыяльнай і духоўнай культуры, без яго немагчыма развіццё культуры кнігі, культуры чытання, культуры кнігараспаўсюджвання [2]; ён стварае сацыяльную сілу чытання, якая на думку Ю.П. Мяленцэвай, ўздзейнічае на інтэлектуальны, тэхналагічны, маральна-этычны стан чалавецтва як віда [7, с. 319]. Бібліятэчны фонд як асноўны складнік бібліятэкі робіць яе «формай генерацыі культурнага фонду нацыі, захавальніцай яе гістарычнай памяці, уладальнікам унікальных дакументаў» [6].

Сённяшні бібліятэчны фонд – гэта спалучэнне нонэлектроннага (кнігі, часопісы, газеты і інш.) і электроннага (афлайн-авы, анлайн-авы, змешаны) сегментаў. Яго фарміраванне, захаванне, апрацоўка заўсёды былі і застаюцца прыярытэтнымі напрамкамі бібліятэчнай работы. Якасць яго зместу і афармлення залежыць ад кваліфікацыі бібліятэчнага супрацоўніка і выканання тэхналагічных рэжымаў фондавытвор-

часці, фондаэксплуатацыі, фондазахавання [8], рацыянальнага выкарыстання розных спосабаў камплектавання, што патрабуе прафесійнага маніторынгу інфармацыйнага рынку, вывучэння чытацкіх пераваг і запытаў, іх уплыву на змястоўныя і каштоўнасныя аспекты работы з фондамі. Да таго ж, фарміраванне і выкарыстанне бібліятэчнага фонду абумоўліваецца «фонавымі практыкамі для чытання» – фактарамі, да якіх адносяць сацыякультурны, сацыяльна-эканамічны, палітыка-тэхналагічны, дзейнасна-антрапалагічны [Цыт. па: 1, с. 41]. Гэтыя фактары ў кантэксце характарыстык сучаснага грамадства дэтэрмінуюць чытанне асобы і падштурхоўваюць бібліятэчных спецыялістаў да аптымальнага і рацыянальнага фарміравання інфармацыйных рэсурсаў з улікам таго, што пад уздзеяннем камп’ютарных тэхналогій «змяніўся працэс чытання – з’явіліся яго разнавіднасці: экраннае чытанне, аўдыячытанне, інтэрнэт-чытанне, мабільнае чытанне і г. д.» [Цыт. па: 1, с. 41]. Так, у фондах бібліятэк прадстаўлены дакументы, зафіксаваныя на CD/DVD-дысках, флэш-картах, ёсць электронныя рэсурсы сеткавага распаўсюджвання; бібліятэкі прадастаўляюць доступ карыстальнікам да шматлікіх ліцэнзійных электронных інфармацыйных рэсурсаў (Університетская библиотека онлайн, Электронно-библиотечная система «Лань», ЛитРес: Библиотека, ZNANIUM, EastView, EBSCO Complete, ProQuest Dissertations & Theses Global і інш.), якія задавальняюць іх навуковыя, вучэбныя, вытворчыя, мастацка-эстэтычныя патрэбы.

Для кожнай нацыі асобую каштоўнасць маюць нацыянальныя дакументы. Для Беларусі – гэта сукупнасць розных відаў дакументаў, створаных на яе тэрыторыі ў розныя гістарычныя перыяды, за яе межамі на беларускай мове, беларускімі аўтарамі, а таксама прысвечаных Беларусі. Бібліятэчныя калекцыі нацыянальных дакументаў – культурны здабытак, які адлюстроўвае непарыўную сувязь пакаленняў, сукупнасць культурных дасягненняў грамадства, яго гістарычны вопыт і сацыяльную памяць. Ён падлягае зберажэнню, даследаванню і памнажэнню. На гэтым акцэнтуюць увагу Т.В. Кузьмініч, Р.С. Матульскі, Л.Г. Кірухіна і шэраг іншых навукоўцаў і практыкаў у галінах бібліятэказнаўства і фондазнаўства.

Акрамя нацыянальных дакументаў у бібліятэчныя фонды беларускіх бібліятэк уключаюцца замежныя дакументы, неабходныя і запатрабаваныя для развіцця эканомікі краіны.

Так складваецца, што паўната і дынаміка фарміравання бібліятэчнага фонду абумоўліваецца пэўнымі акалічнасцямі. У адносінах да выпуску айчынных кніг і брашур трэба адзначыць паступовае скарачэнне выпуску ўсіх відаў друкаваных выданняў за апошнія 10 гадоў (за 2010–2019 гады на 32,9%), адносную стабілізацыю колькас-

ных паказчыкаў выпуску друкаваных кніг (колькасць назваў і тыражоў) за апошнія 4 гады, значнае дамінаванне ў кніжным патоку колькасці малатыражных выданняў, удзельная вага якіх у апошнія 5 гадоў трымаецца ў межах 60%, прэваліраванне выпуску вучэбных выданняў, штогадовае павелічэнне выпуску перакладных выданняў, узмацненне канкурэнтных пераваг электронных сродкаў інфармацыі ў адносінах да друкаваных крыніц пераважна рэкламнага, даведачнага характару, паступовая інтэграцыя лічбавых тэхналогій у выдавецкую справу [4].

Удзельнікі шматлікіх дыскусійных пляцовак (бібліятэкары, выдаўцы, кнігагандляры) сведчаць, што, напрыклад, ў Расіі фіксуецца нестабільнасць выхаду друкаванай прадукцыі па назвах і тыражах, павялічваецца доля e-book на кніжным рынку. Як і ў краінах Захаду пачынаецца выкарыстанне тэхналогіі друку па патрабаванні, якая пэўным чынам стрымлівае паступленні ў фонды бібліятэк друкаваных выданняў.

Тым не менш, адзначаецца «павелічэнне аб'ёму Бібліятэчнага фонда Рэспублікі Беларусь (на 12 жніўня 2020 г. – 52 561 443 адзінкі)» [3].

У Беларусі прадугледжаны шэраг мер па падтрымцы кніжных фондаў бібліятэк:

- згодна з даручэннем Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь не менш за 12% ад сумы, якая выдаткоўваецца на ўтрыманне бібліятэк, павінна накіроўвацца на камплектаванне;

- Кодэксам Рэспублікі Беларусь «Аб культуры» (глава 18 «Бібліятэчная справа») замацаваны асноўныя напрамкі бібліятэчна-інфармацыйнай дзейнасці, звязаныя з фарміраваннем бібліятэчных фондаў (камплектаванне, кіраванне, арганізацыя, выключэнне дакументаў); прапісаны шляхі камплектавання (абавязковы бясплатны экзэмпляр, набыццё і падпіска, дакументаабмен, атрыманне, стварэнне копій дакументаў у электронным выглядзе, ахвяраванні); прадугледжана вядзенне Дзяржаўнага рэестра кніжных помнікаў Рэспублікі Беларусь;

- на тэрыторыі краіны функцыянуе Палажэнне аб абавязковым бясплатным экзэмпляры дакументаў, зацверджанае пастановай Савета Міністраў Рэспублікі Беларусь ад 3 верасня 2008 г. № 1284, якое рэгулюе парадак рассылкі абавязковага экзэмпляра друкаванай і электроннай прадукцыі, якая выйшла ў свет на беларускіх паліграфічных прадпрыемствах ці выраблена за мяжой рэзідэнтамі Рэспублікі Беларусь; правы і абавязкі яго вытворцаў і атрымальнікаў; устанаўлівае пералік дзяржаўных арганізацый, у т. л. бібліятэк, куды павінен трапляць абавязковы экзэмпляр;

– Дзяржаўнай праграмай «Культура Беларусі» на 2021–2025 гады прадугледжваюцца мерапрыемствы, накіраваныя на папаўненне бібліятэчнага фонду рэспублікі;

– штогод у рамках дзяржаўнага заказу ў адпаведнасці з Палажэннем аб парадку фарміравання плана выпуску сацыяльна значных выданняў, зацверджаным пастановай Савета Міністраў Рэспублікі Беларусь ад 20 чэрвеня 2013 г. № 501, выдаюцца сацыяльна значныя выданні, якія накіроўваюцца ў бібліятэчныя фонды па ўсёй краіне.

Развіццё і інтэнсіўнасць напаўнення і выкарыстання фондаў беларускіх бібліятэк звязана са станам кнігавыдавецкай справы. Яе ўстойлівае функцыянаванне заклікана падтрымаць дзяржаўная праграма «Масавая інфармацыя і кнігавыданне» на 2021–2025 гады, дзе акцэнт з зроблены на выкарыстанне патэнцыялу айчыннага кнігавыдання, задавальненне патрэбнасці беларускага грамадства ў літаратуры, якая садзейнічае замацаванню культурнага, духоўнага, інтэлектуальнага патэнцыялу нацыі. Таксама важнымі фактарамі з’яўляюцца падтрымка і ўмацаванне эканамічных, культуралагічных, сацыяльных функцый кнігі, сбражэння яе жанравай і тэматычнай разнастайнасці, адаптацыя да зменлівых эканамічных умоў [5].

Захаванню дакументаў, якія знаходзяцца ў бібліятэчных фондах, надаецца асобая ўвага. «Паляпшаецца матэрыяльная база ўстаноў культуры, удасканалваецца нацыянальнае заканадаўства, < > вядзецца дзяржаўны ўлік гісторыка-культурных каштоўнасцей, ажыццяўляецца інфарматызацыя ўстаноў культуры» [5, с. 27]. Важным крокам да аднаўлення і захавання дакументаў, асабліва рэдкіх і старадрукаваных, стала алічбоўка фондаў, віртуальная рэканструкцыя матэрыялаў, факсіміль, стварэнне адпаведных электронных інфармацыйных рэсурсаў і арганізацыя доступу да іх шырокіх колаў грамадскасці і спецыялістаў. У гэтым напрамку вядомасць атрымалі праекты: «Книжное наследие Франциска Скорины», «Беларусь і Біблія», «1000-годдзе Брэста: праз прызму старадаўніх дакументаў», «Слонім і наваколле праз прызму гістарычных дакументаў, паданняў, даследаванняў», «Навагрудак. Наваградак. Новогрудок. Nowogródek: старажытны горад у дакументах і матэрыялах», «Быхаў – старажытны беларускі фарпост», зводны электронны інфармацыйны рэсурс «Нацыянальная бібліяграфія Беларусі». З дапамогай зводнага электроннага каталога бібліятэк Беларусі і рэгіянальных зводных электронных каталогаў калекцыянарам аператыўна становіцца даступнай бібліяграфічная інфармацыя аб выданнях з фондаў бібліятэк.

У цэлым, развіццё фондаў бібліятэк – аб’ёмістая, працаёмкая справа. Ёсць патрэба ў ажыццяўленні комплексных мерапрыемстваў па папаўненні фондаў бібліятэк актуальнымі, новымі дакументамі,

прыцягненні да гэтага спонсарскай дапамогі. Камплектаванне павінна своечасова фінансавацца; у бібліятэкараў-камплектатараў павінна быць магчымасць аператыўнага выкарыстання найноўшых крыніц інфармацыі аб бягучых і рэтраспектыўных дакументах, якія ёсць на кнігагандлёвым рынку; профільнага павышэння кваліфікацыі, засваення новых форм і метадаў работы, абмену вопытам.

1. Безнюк, Д. К. Современные социокультурные факторы чтения: опыт определения / Д. К. Безнюк // Современные проблемы книжной культуры: основные тенденции и перспективы развития : к 95-летию Центр. науч. б-ки НАН Беларуси : материалы XII Белорус.-Рос. науч. семинара-конф., Москва, 26–27 марта 2020 г. / Междунар. ассоц. акад. наук [и др.] ; сост.: Л. А. Авгуль, Н. В. Вдовина ; редкол.: Л. А. Авгуль [и др.]. – Минск ; М., 2020. – С. 39–43.
2. Васильев, В. И. Книжная культура в отечественной истории: теоретические и историко-книговедческие аспекты (XVIII – начало XXI в.) : дис. в виде науч. докл. ... д-ра ист. наук : 05.25.03 ; 07.00.02 / В. И. Васильев. – М., 2005. – 100 л.
3. Государственная программа «Культура Беларуси» на 2021–2025 годы [Электронный ресурс] : утв. постановлением Совета Министров Респ. Беларусь, 29 янв. 2021 г., № 53 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=C22100053>. – Дата доступа: 06.09.2021.
4. Государственная программа «Массовая информация и книгоиздание» на 2021–2025 годы [Электронный ресурс] : утв. постановлением Совета Министров Респ. Беларусь, 18 янв. 2021 г., № 21 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: https://pravo.by/upload/docs/op/C22100021_1611176400.pdf. – Дата доступа: 07.09.2021.
5. Кірухіна, Л. Г. Захаванне нацыянальнай дакументальнай спадчыны ў межах дзяржаўнай праграмы “Памяць Беларусі” / Л. Г. Кірухіна // Інфармацыйныя рэсурсы Нацыянальнай бібліятэкі Беларусі: праблемы фарміравання і выкарыстання : зб. арт. / Нац. б-ка Беларусі ; склад. Т. В. Кузьмініч ; рэдкал.: Л. Г. Кірухіна [і інш.]. – Мінск, 2008. – С. 25–32.
6. Матвеева, Е. А. Комплектование библиотек: значение процесса для сохранения национальной культуры, основные источники пополнения библиотечных фондов [Электронный ресурс] / Е. А. Матвеева // Омск. науч. вестн. – 2003. – № 1. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/komplektovanie-bibliotek-znachenie-protssessa-dlya-sohraneniya-natsionalnoy-kultury-osnovnye-istochniki-popolneniya-bibliotechnyh>. – Дата доступа: 07.09.2021.
7. Мелентьева, Ю. П. Энергия чтения / Ю. П. Мелентьева // Берковские чтения. Книжная культура в контексте международных контактов, 2021 : материалы VI Междунар. науч. конф., Гродно, 26–27 мая 2021 г. / Междунар. ассоц. акад. наук [и др.] ; сост.: Л. А. Авгуль, Н. В. Вдовина ; редкол.: Л. А. Авгуль [и др.]. – Минск ; М., 2021. – С. 318–320.
8. Столяров, Ю. Н. Признаки библиотечного фонда как научного понятия. Дефиниция понятия «Библиотечный фонд» / Ю. Н. Столяров // Науч. и техн. б-ки. – 2014. – № 10. – С. 52–60.

Півавар М. В.
НОВЫЯ ПОМНІКІ ГІСТОРЫІ І КУЛЬТУРЫ Ў ВІЦЕБСКІМ РАЁНЕ

Ключавыя словы: помнік гісторыі, помнік культуры, Віцебскі раён.

У Віцебскім раёне як помнікі архітэктуры ахоўваюцца дзяржавай сядзібны дом маёнтка “Мілае” ў Мазалава (1804), паштовая станцыя ў в. Бараўляны (1843), будынак Земляробчай школы (1909) і Узнясенскай царквы (1908) у Лужасна.

Статуса гісторыка-культурнай каштоўнасці не маюць, але вядомы: былая Крыжаўзвіжанская царква ў Лужасна (1815), сядзіба У. Адамава ў в. Вялікія Лётцы (кан XIX ст.), сядзіба Астрэйкаў у в. Лукі (пач. XX ст, але моцна пашкоджаны пажарам 200_ г.), гаспадарчыя пабудовы сядзібы Магучых у в. Падбярэззі (кан. XIX ст.).

Апошнімі даследаваннямі выяўлена яшчэ некалькі цікавых помнікаў архітэктуры ў раёне.

1. Мураваная капліца на могілках у в. Будзянка (кан. XIX – пач. XX ст). Капліца знаходзіцца ў 0,4 км на поўдзень ад вёскі, на грамадзянскіх могілках. Узведзена ў кан. XIX – пач. XX ст. верагодна панамі Вайцяхоўскімі. Збудавана з чырвонай цэглы. Планіроўка квадратная. Памеры 3 на 3 м. Адзін з вуглоў будынка зрэзаны і ў ім утвораны уваход. Захаваўся металічны дрок, якім ён быў абкладзены. На ўзроўні 1,5 м. ад зямлі з кожнага боку ў сценах у нішах зроблены невялікія вузкія вокны памерамі 90 x 45 см. Уверсе яны маюць закругленыя зводы на ўзор раманскага стылю. На вокнах меліся металічныя рамы. Па баках ад вакон нішы ўтвораны нішы памерамі 25 x 40 см, якія паўтараюць форму акон. На даху меўся купал, які на наш час страчаны. Капліца была ў добрым стане да 1970-х гг. У сутарэннях знайшлі снарады часоў вайны. Сапёры правялі размініраванне, але пашкодзілі будынак. На наш час добра захаваліся толькі сцены, адна з іх нахілілася. Даху няма. Стан не здавальняючы.

2. Будынак павятовай бальніцы ў в. Курына (пач. XX ст.). будынак былой бальніцы ў в. **Курына**. Аднапавярховы Г-падобны ў плане будынак пад вальмавым дахам. Кожны з крылаў мае асобныя ўваходы. Да правага крыла прымыкае квадратная ў плане частка з асобным уваходам. Гэтая частка будынка мае большы высокі вальмавы дах. У выступ, утвораны паміж Г-падобнай часткай і квадратнай прыбудаваны падобныя памяшканні. Фасады плоскія, выведзены з чырвонай цэглы. Па вуглах пілястры, карніз па перыметру, вокны і праёмы дзвярэй лучковыя з сціплым ліштвам характэрнымі для эпохі мадэрну.

Будынак гарманічны, вытрыманы ў адным стылі, мае выразныя элементы архітэктуры функцыяналізму канца XIX – пач. XX ст. Хутчэй

за ўсё яго часткі пабудаваны ў адзін час, без пазнейшых прыбудов. Па словах мясцовых жыхароў была павятовай бальніцай. З 2020 г. не выкарыстоўваецца.

3. Каменны гаспадарчы будынак у Ноўцы (пач. XX ст.). Знаходзіцца каля шашы. Узведзены з цэглы. Па вуглах упрыгожаны квадратнымі выступаючымі элементамі па 4 цагліны. Усяго 7 выступаў на кожным вуглу. Пад дахам выкладзены карніз. Сцены глухія, на адной каля вузкай і высокай дзвяры закратаванае вакно. Аўтэнтчны дах страчаны, цяпер пакрыты шыферам. На сцяне надпіс фарбай “Хлебороб! Любі землю – главный источник богатства, силы и славы нашей Родины”.

4. Гаспадарчы будынак пры вадзяным млыне, узведзены з чырвонай цэглы захаваўся ў Мазалава.

5. Знойдзены яшчэ адзін помнік дарожна-тэхнічнай архітэктуры – кавалак дарогі пакрытай каменным брукам – брукаванка. Такі вядомы ў в. Вялікія Лётцы, а цяпер выяўлены ў в. Цяцёркі. Некалькі частак брукаванкі цяпер засыпаны пяском – каля Храпальна, Шчучына.

Дзякуючы працы краязнаўцаў удалося выявіць цікавыя здымкі, якія праліваюць святло на некаторыя старонкі нашай мінуўшчыны. У газеце “Зара Запада” за 1 верасня 1929 года змешана фатаграфія сядзібнага дома ў Брыгіполлі. З дугога здымка мы ведаем, як выглядала сядзіба ў генерала Андрыянава ў Старым Сяле. Міжваенны здымак школы ў Мазалава вырашыў пытанне, ці быў балкон на другім паверсе панскага дома Манькоўскіх, ці не? Для іншага такія факты могуць паказацца дробязямі, але ўлічваючы, што сядзіб у нас на пачатак XX ст. было некалькі соцень, а захаваліся толькі адзінкі, і, як выглядалі яны, мы не ведаем, то такія фотаздымкі каштоўны. З такіх “драбніц” складаецца гісторыя.

Раемский Ю. А.
СТАВКА ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО
В МОГИЛЕВЕ (1915–1917 ГГ.): ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ
ВОЕННОГО НАСЛЕДИЯ И ЕГО ТУРИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ

Ключевые слова: Могилев, Ставка Верховного главнокомандующего, император Николай II.

С началом Первой мировой войны Ставка Верховного главнокомандующего действующей армией и флотом Российской империи разместились недалеко от станции Барановичи-Полесские, на территории соснового леса, где ранее располагалась железнодорожная бригада. Неоднократно сюда приезжал император Николай II, но пробыл

здесь не более двух месяцев за первый год войны. В последующие годы от объектов Ставки не осталось никаких физических следов, а сейчас на ее месте – городская застройка.

В дни «великого отступления», когда Ставка передислоцировалась в губернский Могилев, царь принимает командование армией, проводя большую часть времени вдалеке от столицы. События, произошедшие затем в Ставке, сыграли важнейшую роль не только в истории монархии, но и в истории российской государственности. Большое значение при этом имели особенности личности императора, его взаимоотношения с генералитетом Ставки, сильная привязанность к супруге и детям, использованная революционерами для достижения своих целей.

В этом контексте в современной Российской Федерации произошел значительный рост интереса к семье Николая II. События 1990-х гг. многим современникам отдаленно напоминали события начала XX века, ассоциировавшиеся с крахом и упадком государства, игравшего ведущую роль в мировой политике. Трагическая судьба императора, его супруги и их детей на фоне следовавшего за этим хаоса и гибели миллионов людей, не могла не вызывать сочувствие у поколения, пережившего сходные по своим итогам события. Еще большему росту популярности темы способствовала канонизация всей царской семьи Русской православной церковью в 2000-м году.

В связи с этим актуальным становится стремление людей не только ознакомиться с духовным миром царской семьи, но и посетить места, непосредственно связанные с их земной жизнью. Исходя из собственного опыта работы в Могилевском областном краеведческом музее был сделан вывод, что подробности пребывания царской семьи в Могилеве чрезвычайно интересуют большинство гостей из Российской Федерации.

К сожалению, приходится констатировать факт того, что в плане туристического потенциала и архитектуры провинциальный Могилев изначально не мог тягаться со столичным Петроградом и его окрестностями. Более того, в городе сохранилось крайне мало объектов исторической застройки, непосредственно связанных с Царской Ставкой. Кафедральный Иосифовский собор, который Николай II посетил первым по своему прибытии в город, был взорван в конце 30-х гг. XX века в связи с постройкой на его месте партийной гостиницы на 120 номеров. Такие старинные объекты архитектуры XVIII века как дом губернатора, в котором проживали император и наследник престола, губернское правление, где находился штаб Ставки, штабная Спасо-Преображенская церковь, где неоднократно молилась вся царская семья, были полностью уничтожены в годы Великой Отечественной

войны. Не пощадили после войны партийные деятели и пострадавший входе боевых действий Богоявленский собор XVII века, в стенах которого Романовы стояли на коленях перед иконой Могилево-Братской Божьей Матери. Здания в Могилеве, которые посещал император или члены его семьи, сохранившиеся по сей день, можно пересчитать по пальцам одной руки. Назовем самые известные из них.

Неоднократно Государь, императрица и их дети посещали кинематографические сеансы, которые проходили в здании городского театра, реконструированного в 90-х гг. XX века (ныне областной драматический театр). Во время празднования годовщины вступления царя в должность Верховного главнокомандующего 23 августа (5 сентября) 1916 года вся семья посетила офицерскую столовую и штабное собрание, находившиеся в здании нынешнего колледжа искусств. Праздник георгиевских кавалеров в 1915 году император с наследником провели в Ставке. Завтрак для офицеров-георгиевских кавалеров, который посетил Николай II, состоялся в здании городской думы (ныне дворец бракосочетаний). В этот же день царь посетил здание современного Могилевского областного краеведческого музея. Во время обеда для нижних чинов-георгиевских кавалеров, устроенного в помещении дежурного генерала, император произнес следующую речь: «За дальнейшую боевую славу нашей грозной, славной и могучей армии, за ваше дорогое мне здоровье и за здоровье всех Георгиевских кавалеров «ура». Еще раз от всего сердца выражаю вам мое сердечное спасибо за вашу боевую службу. Дай вам Бог дальнейших успехов и окончательной победы над нашими врагами. Прощайте, молодцы» [1, с. 1083].

Но более известен другой случай посещения Николаем II здания, в стенах которого ныне находится краеведческий музей. 8 (13) марта 1917 года в бывшем зале уголовных заседаний могилевского окружного суда отрекшийся от престола император прощался с чинами штаба и управлений Ставки. На этот раз никто не записывал речь Николая Александровича слово в слово, лишь несколько очевидцев оставили относительно противоречивые воспоминания о тех событиях.

Однако при всех вышеперечисленных недостатках, Могилев все же имеет потенциал туристического центра, связанного с темой Ставки Верховного главнокомандующего. В последние годы работниками краеведческого музея ведется целенаправленная работа по изучению источников личного происхождения, таких как дневники, письма и фотоальбомы членов царской семьи, находящихся на хранении в Государственном архиве Российской Федерации. Благодаря издательской деятельности и оцифровке они становятся более доступными. Также планируется работа с еще неопубликованными источниками непосредственно в архиве.

Результатами деятельности стало выявление или уточнение местоположения некоторых объектов, исчезнувших в годы советской власти. Главным событием стало определение точного места первоначальной стоянки императорских литерных поездов. Как это ни удивительно, но за несколько десятилетий с тех пор, как тема стала актуальной, историкам и краеведам не удалось установить местоположение Ставки императора Николая II в августе 1915 года. Только благодаря методичным поискам и скрупулезному анализу широко известных источников, а также выявлению новых, таких как «План путевого устройства станции специального назначения на 144 версте ветви Витебск-Жлобин Риго-Орловской железной дороги» из фондов Российского государственного исторического архива, стало возможным установить местоположение путей, на которых стоял императорский поезд [2, с. 193-201; 3, с. 161-167]. При содействии работников музея руководством Государственного профессионального лицея № 9 г. Могилева имени А.П. Старовойтова были предприняты первые шаги по меморализации данного места путем установки памятного знака и информационного стенда. На момент написания статьи вопрос находится на рассмотрении Могилевского городского исполнительного комитета.

Также с помощью плана начала XX века, скопированного в Российском государственном историческом архиве работниками музея истории РУП «Могилёвское отделение белорусской железной дороги», было уточнено положение разобранной в годы первых пятилеток военной платформы станции Могилев, у которой с октября 1915 года стоял поезд императора. В периоды своего пребывания в Могилеве женская половина семьи проживала прямо в поезде, стоящем у военной платформы. Именно отсюда 8 (21) марта 1917 года Николай II навсегда покинул город в сопровождении комиссаров Временного правительства. Увековечивание данного события требует активной поддержки со стороны руководства РУП «Могилёвское отделение белорусской железной дороги», поскольку место расположено среди запасных путей станции Могилев.

Еще одним результатом поисков знаковых объектов, связанных с пребыванием царской семьи в Могилеве, стало обнаружение их любимого места отдыха на правом берегу Днепра. Песчаный пляж, который цесаревич Алексей назвал «Евпаторией», не сохранился в том виде, в котором его застали Романовы в 1916 году. Но сотрудники краеведческого музея приложили максимум усилий для достоверного установления места, чаще всего посещаемого Николаем II и членами его семьи во время загородных прогулок [4, с. 106-112]. Однако «Евпатория» находится в труднодоступном для посещения туристами ме-

сте, без соответствующих подъездов. Отсутствие водного транспорта, пригодного к доставке экскурсантов «царским» маршрутом по реке, также усложняет включение «Евпатории» в список объектов, связанных с пребыванием императорской семьи в Могилеве.

В настоящее время ведется работа по установлению точных границ закрытого в 30-е гг. XX века военного кладбища, на котором производились захоронения умерших от ран в могилевских лазаретах солдат и офицеров Первой мировой войны. По окончании данной работы также планируется подать предложение установки мемориального знака.

Опыт работы в музее подсказывает, что даже несмотря на отсутствие в Могилеве богатого архитектурного наследия, профессиональный историк-экскурсовод, используя в том числе современные технологии, не может оставить равнодушными целевую аудиторию. Сопровождая свой рассказ интересными подробностями из дневников и писем членов царской семьи, он способен оживить моменты далекого прошлого.

Туристический потенциал темы Ставки Верховного главнокомандующего в Могилеве довольно высок. При нынешнем развитии средств связи соответствующая реклама и взаимодействие работников туристических агентств города со своими коллегами из Российской Федерации может сделать из Могилева туристический центр для людей, интересующихся не только жизненным путем царской семьи, но и событиями, предшествовавшими «второму смутному времени» в истории России.

1. Георгиевский праздник в Царской Ставке // Летопись войны 1914–1915 гг. – 1915 г. – № 68 – С. 1082–1083.
2. Раемский, Ю. А. Ветка специального назначения для литерных поездов императора Николая II в Могилеве / Ю. А. Раемский // Научные труды Республиканского института высшей школы. – Вып. 21, Часть 2. – Минск : РИВШ, 2021. – С. 193–201.
3. Раемский, Ю. А. К вопросу о существовании платформы на месте первоначальной стоянки императорского поезда «Литера А» в Могилеве / Ю. А. Раемский // Гісторыя Магілёва: мінулае і сучаснасць : зборнік навуковых артыкулаў удзельнікаў XII Міжнар. навук. канф., 25-26 чэрвеня 2021 г., г. Магілёў / уклад А. М. Бацюкоў, І. А. Пушкін. – Магілёў : МДУХ, 2019. – С. 161–167.
4. Раемский, Ю. А. По следам царской семьи: Евпатория и другие забытые места могилевской Ставки / Ю. А. Раемский // Гісторыя Магілёва: мінулае і сучаснасць : зборнік навуковых артыкулаў удзельнікаў XI Міжнар. навук. канф., 20-21 чэрвеня 2019 г., г. Магілёў / уклад А. М. Бацюкоў, І. А. Пушкін. – Магілёў : МДУХ, 2019. – С. 106–112.

Румянцева М. Ф.
ДВЕ СТРАТЕГИИ ОСВОЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Ключевые слова: культурное наследие, историческая наука, социально ориентированное историописание, ренарративизация, метод аналогии, инаковость, культурно-исторический контекст.

Увиденное глазами истории, прошлое – чужая страна; если мы смотрим на него как на наследие, оно вполне знакомо и привычно.

Дэвид Лоуэнталь [3, с. 7]

Без обращения к историческим источникам человек, во многих случаях, не мог бы испытывать на себе благотворного влияния и поддерживать преемство той культуры, в которой он родился и непрерывному развитию которой он служит. Вообще, без постоянного пользования историческими источниками человек не может соучаствовать в полноте культурной жизни человечества.

Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский [2, т. 2, с. 392]

Выход из ситуации постмодерна характеризуется процессом ренарративизации, принимающим в ситуации постпостмодерна форму борьбы/войны нарративов [см. напр.: 5, с. 187–190 и след.], что делает историческую науку стратегическим фактором существования современного мира и, соответственно, актуализирует проблему целеполагания, способов и результатов освоения культурного наследия – его включенности в те или иные нарративы.

Знаковая работа американского историка-географа Дэвида Лоуэнталя (1923-2018) «Прошлое – чужая страна» (The Past is a Foreign Country), опубликованная в 1985 г. – на переломе постмодерна, посвящена механизмам инкорпорирования культурного наследия в настоящее и, соответственно, его переинтерпретации. В Предисловии к русскому изданию книги, написанному в 2003 г., уже в иной социокультурной ситуации – в начале постпостмодерна, Лоуэнталь несколько трансформирует свою позицию – акцентирует внимание на противопоставлении *наследия* и *истории*: «Легенды о возникновении и длительности, о победах или бедствиях проецируют настоящее на прошлое, а прошлое, в свою очередь, на настоящее. Они ставят нас в один ряд с предками, чьи добродетели мы разделяем и чьи пороки скрываем. Однако подобное сообщество – *еще не собственно история*,

как ее понимают историки. Это наследие. Такое различие имеет решающий характер. История исследует и объясняет прошлое <...> Наследие упрощает и проясняет прошлое [здесь и далее выделено мной – М.Р.], привнося в него современные цели и намерения» [3, с. 7] (эту идею Лоуэнталь развивал уже в книге 1998 г. «The Heritage Crusade and the Spoils of History»). И малоутешительный вывод: «Мы признаем неприкосновенность и святость наследия, хотя *вырываем его из контекста и фальсифицируем его смысл*» [3, с. 8].

На мой взгляд, значимой характеристикой исторического знания в актуальной социокультурной ситуации является разрыв исторической науки и социально ориентированного историописания [подробнее см.: 4]. Казалось бы, это утверждение вполне соответствует приведенному выше тезису Лоуэнталя. Но различие принципиально: если у Лоуэнталя (как и в некоторых других, преимущественно англосаксонских, историков) наследие *«еще не собственно история»*, то я постараюсь показать, что социально ориентированный и научный подходы – две разные, но рядоположенные (вероятно) стратегии освоения наследия. Это и есть основной тезис доклада.

Разрыв научного исторического знания и социально ориентированного историописания имеет глубинные основания в манипуляционном характере социума эпохи постпостмодерна, а методологически обусловлен достигнутым, – усилиями таких ученых как Артур Данто (1924-2013), Поль Вен (р. 1930), Хейден Уайт (1928-2018), Франклин Рудольф Анкерсмит (р. 1945) и других, – исторической наукой консенсусом по вопросу неверифицируемости нарратива. Соответственно, будем исходить из того, что нарратив – это не форма представления научного исторического знания, а самостоятельная репрезентация истории со своим особым целеполаганием.

Несмотря на все философские изыски XX века, диалектическую логику Г.-В.-Ф. Гегеля никто не отменял и мы фактически имеем дело с проявлением закона отрицания отрицания. Если применить интерпретационную схему смены типов рациональности / моделей науки, то в эпоху классической рациональности исторический нарратив воспринимался, по преимуществу, как описание исторической реальности, знание о которой добыто исторической наукой, – знаковым для периода постмодерна является кризис доверия к историческому метарассказу (Ж.-Ф. Лиотар) и своего рода мода на микро(казусную)историю, – процесс ренарративизации в ситуации постпостмодерна возвращает в интеллектуальное пространство нарратив, но уже не как описание, а как самостоятельную репрезентацию исто-

рического наследия. Соответственно, в актуальной социокультурной ситуации освоение культурного (исторического) наследия не может рассматриваться как задача, тождественная описанию истории. Оно обретает самостоятельность в сфере истории социально ориентированной.

Естественно, что и до постпостмодерна наблюдался «зазор» между научным (профессиональным) историческим знанием и общественным/массовым сознанием, и его ликвидация, чаще всего, воспринималась (а некоторыми историками воспринимается до сих пор) как задача (миссия!) носителей научного исторического знания. При этом историки/философы отмечали опасность свойственного историописанию сближения прошлого с настоящим – методом аналогии. Фридрих Ницше, в эссе «О пользе и вреде истории для жизни» (1874), обобщая сложившиеся к последней четверти XIX века способы получения и позиционирования исторического знания, писал о значении монументальной истории: «Если человек, желающий создать нечто великое, вообще нуждается в прошлом, то он овладевает им при помощи монументальной истории...» [6, с. 174] Но при этом: «Монументальная история вводит в заблуждение при помощи аналогий...» [6, с. 172]. Отметим, что аналогия возможна, если мы отделим исторический факт от его контекста (что отмечал уже и Гегель, критикуя прагматическую историю, призванную давать нравоучительные примеры).

Спустя сто с лишним лет (в работе 1984 г.) британский историк Джон А. Тош (р. 1945) обратился к аналогичной проблеме, переводя ее в плоскость сопоставления профессионального научного исторического знания и «заблуждений» массового сознания. «Историческое сознание, в том смысле как его понимают сторонники историзма, – пишет Тош, – основывается на трех принципах. Первый и наиболее фундаментальный из них – это *различие* [здесь и далее выделено автором – М.Р.], то есть признание, что нашу эпоху и все предыдущие разделяет пропасть <...> ... вторым компонентом исторического сознания является *контекст*. Предмет исследования нельзя вырывать из окружающей обстановки – таков основополагающий принцип работы историка <...> Третий фундаментальный аспект исторического сознания – это понимание истории как *процесса*, связи между событиями во времени, что придает им больший смысл, чем их рассмотрение в изоляции» [8, с. 18-20].

Итак, фундаментальный принцип исторического подхода – *принцип различия*, или понимание того, что «прошлое – чужая страна». С этим невозможно не согласиться, но возникает вопрос: как быть с базовым для источниковедения (как минимум, в его феноменологиче-

ской парадигме) принципом «признания чужой одушевленности», работающим на основе аналогии сознания исследователя с чужим сознанием/сознанием автора исторического источника. Важно понять, – особенно критикам А.И. Введенского, философски разработавшего эту проблему [1], – что методолог не предлагает принцип для того, чтобы ему в дальнейшем следовали ученые, а выясняет, как устроено познание (эту мысль подчеркивали разные эпистемологи: от Генриха Риккерта до Ричарда Рорти). И А.И. Введенский (1856-1925), а за ним А.С. Лаппо-Данилевский (1863-1919) показали, каким образом историк воспринимает – Другого. Вслед за этим Лаппо-Данилевский делает второй шаг – показывает, как за счет экспликации контекста выйти за пределы психологической интерпретации продукта культуры/исторического источника. По этому же пути идет и немецкий неокантианец Генрих Риккерт (1863-1936): «Донаучное индивидуализирование часто вырывает свои объекты из окружающей их среды, отграничивая их друг от друга и тем самым *изолируя* [здесь и далее выделено автором – М.Р.] их. Изолированное, однако, никогда не бывает предметом научного интереса <...> История, наоборот, стремится <...> понять все в известной *связи* <...> Историческая связь всякого исторического объекта имеет <...> два измерения, которые можно было бы назвать измерениями широты и долготы, т.е., во-первых, история должна установить отношения, связывающие объект с *окружающей его средой*, и, во-вторых, проследить от начала до конца в их взаимной связи различные стадии, последовательно проходимые объектом, или, иначе говоря, изучить его *развитие*» [7, с. 147].

На этой основе, позволю себе несколько модифицировать приведенное выше построение Дж. Тоша, объединив *экспликацию контекста* и *понимание истории как процесса* в один *принцип контекста*: по горизонтали – коэкзистенциальное пространство культуры (состояние культуры – в терминологии Лаппо-Данилевского) и по вертикали – ее историческое развитие (стадия культуры, по Лаппо-Данилевскому).

Вернемся к ситуации разрыва социально ориентированного знания и знания научного в период постпостмодерна. И одно, и другое призваны способствовать освоению/присвоению культурного/исторического наследия, но механизмы их действия различны: первое исходит из принципа аналогии, позволяя, в частности осваивать прошлое в «монументальных» и нравоучительных целях; второе – исходит из позиции инаковости, требующей экспликации уникального/сингулярного контекста. И здесь мы снова приходим к проблеме нарратива, поскольку в современной исторической науке именно нар-

ратив, по преимуществу, продолжает задавать контекст – обеспечивать целостность восприятия истории. Есть и другой подход к экспликации контекста, предлагаемый Научно-педагогической школой источниковедения, восходящей к наследию Лаппо-Данилевского, – понимание системы видов исторических источников, свойственных той или иной культуре, как экспликацию ее структуры, но этот подход менее распространен.

В предыдущем абзаце я вполне осознанно использую слова «одно-другое», в не «первое-второе», потому что не хочу задавать иерархию. Не до конца понимаю, какая из практик в большей степени отвечает современному состоянию социума: мне ближе позиция инаковости, но боюсь, что в войне нарративов больше шансов на победу у позиции общности и прямой преемственности культурного наследия... В любом случае, профессиональный историк (если он действительно профессионален), выходящий в сферу публичной истории, должен понимать это различие и самоопределяться в этой дилемме.

В настоящем докладе я выделила только один аспект проблемы стратегий освоения культурного наследия, оставив вне поля зрения актуальные и чрезвычайно существенные для понимания этой проблемы вопросы презентизма и исторической памяти. Обозначенную проблему можно интерпретировать через оппозицию истории и памяти (Пьер Нора) или памяти-воспоминания / памяти-повторения (Патрика Хаттона), но это, на мой взгляд, менее продуктивно.

1. Введенский, А. И. О пределах и признаках одушевления: новый психофизиологический закон в связи с вопросом о возможности метафизики / А. И. Введенский. – СПб. : тип. В. С. Балашева, 1892. – 119 с.
2. Лаппо-Данилевский, А. С. Методология истории : [в 2 т.] / А. С. Лаппо-Данилевский. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – Т. 1-2.
3. Лоуэнталь, Д. Прошлое – чужая страна / Д. Лоуэнталь ; пер. с англ. А. В. Говорунова. – СПб. : Владимир Даль, 2004. – 623 с.
4. Маловичко, С. И. История как строгая наука vs социально ориентированное историописание / С. И. Маловичко, М. Ф. Румянцева. – Орехово-Зуево : Изд-во МГОГИ, 2013. – 252 с.
5. Мегилл, А. Историческая эпистемология / А. Мегилл. – М. : «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2007. – 479 с.
6. Ницше, Ф. О пользе и вреде истории для жизни / Ф. Ницше // Ницше, Ф. Соч. : в 2 т. / Ф. Ницше. – М. : Мысль, 1990. – Т. 1. – С. 158–230.
7. Риккерт, Г. Философия истории / Г. Риккерт // Риккерт, Г. Науки о природе и науки о культуре / Г. Риккерт. – М. : Республика, 1998. – С. 129–204.
8. Тош, Дж. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка : пер. с англ. / Дж. Тош. – М. : Весь мир, 2000. – 296 с.

Сафронов П. М.
ОСОБЕННОСТИ ПРАЗДНОВАНИЯ ДНЯ СВЯТОЙ ТРОИЦЫ
СТАРООБРЯДЧЕСКОЙ ОБЩИНЫ В ВИДЗАХ В XIX–XXI ВВ.

Ключевые слова: старообрядцы, поморы, праздник Святой Троицы, Видзы, Белорусское Подвинье.

Осознание значимости религии в современном мире вообще и в белорусском обществе в частности означает понимание того, как религия влияет на данное общество и как данное общество воздействует на религиозную ситуацию. Важно понять, как общество и государство формируют фон для переосмысления религии, которое всегда связано с коллективной памятью и таким образом не может быть вырвано из исторического контекста. С другой стороны, поскольку религия – комплексный феномен и имеет разные измерения, как историческое наследие, так и современное состояние общества влияют на то, какое именно измерение или какой аспект будут ключевыми при формировании новой религиозной ситуации.

В источниках по истории старообрядчества в белорусских местечках, прослеживаются общие тенденции развития исторической науки в наше время. Это хорошо видно на примере описания небольшого городского поселка Видзы – «Г.Видзы» М.Ф. Посоха. Небольшая по содержанию работа народного учителя Видзовской школы Михаила Федоровича Посоха «Г. Видзы» (Опыт историко-статистического описания), издана в Ковно в 1895 году [7]. Работа издана на 13 страницах. Содержит статистические данные разных лет, краткую историю поселения, лаконичное описание представителей разных этноконфессиональных групп и другую информацию.

В исследовании использована монография А.А. Горбацкого «Старообрядчество на белорусских землях» [1].

Значительная часть тех, кто не принял церковную реформу патриарха Никона, практически сразу же направились в Речь Посполитую. Старообрядцы основали на белорусских землях два крупных центра – вокруг Браслава и Видз, Полоцке, Себеже, Невеле, Витебске, Лепеле (Подвинье) и вокруг Ветки (Полесье) [1, с. 67]. На новых местах проживания представители различных толков гонимой конфессии создали и сохранили уникальную культуру, изучение которой до сих пор является актуальным направлением современной исторической науки.

Во второй половине XIX века крупнейшей староверской общиной на Браславщине была Видзовская. В 1862 году в самом городе их насчитывалось 195 человек. Среди окрестных деревень наибольшее число староверов было в Вазгелянцах – 46, Фурманишках – 50, Видзах-

Альбрэхтавских – 22, Абразишках – 19, Майшунах – 18, Липалатах – 18, Раташелях – 14 [6, с. 657].

Для изучения ситуации со староверами в Новоалександровском повете был направлен чиновник из Санкт-Петербурга некий Корецкий. Он определил, что на территории Видзовской, Дрисвятской, Брагской, Опсовской и других волостей насчитывалось около 2,5 тысячи староверов. В своем отчете Корецкий обозначил, что староверы живут тесными общинами, довольно изолированно от местного населения, крепко держатся традиций. Для староверов характерно сплоченность, солидарность между членами общины, почитание родственных связей. Все они очень набожны, ведут трезвый образ жизни, характеризуются высокой моралью, трудолюбием [6, с. 657].

В начале 1894 года население города Видзы состоит из 5 852 душ обоего пола, в том числе православных 320, католиков 661, старообрядцев 407, лютеран 11, евреев 4348, караимов 5 и магометан 200 человек [7, с. 8].

По архивным данным в сведениях наставника М. Бирюлина за 1951–1953 гг. Видзовская община составляла около 2 000 человек. По праздничным дням на богослужение собиралось от 200 до 1 200 человек. В сведениях за второе полугодие 1951 года исповедалось 409 человек [5, Ф. 645, оп. 1, д. 1, с.8].

В отчете Брагского райкома ЛКСМБ о состоянии атеистической работы среди молодежи Брагского района за 1979 год сообщается, что в районе действуют 9 религиозных объединений. Из них 3 костела, 2 церкви и 4 старообрядческих церкви. В то же время в отчете отмечается, что ведется большая атеистическая работа комсомольскими организациями совместно с подколлективами школ. Однако, в 1979 г. в районе из 471 родившегося ребенка 180 окрестили. А из 407 зарегистрированных браков 52 пары обвенчались [8, с.252].

Наставник Полоцкой общины старообрядцев Петр Алексеевич Орлов на вопрос «сколько староверов насчитывается в Беларуси?» отвечает таким образом: «Точных цифр у нас нет. По данным Центрального совета Древлеправославной поморской церкви, у нас в Беларуси существует тридцать восемь общин разного характера. Они могут быть зарегистрированы и иметь свой устав, а могут быть и не зарегистрированными. В этих общинах, по самым скромным подсчетам, насчитывается пятьдесят тысяч прихожан, но каждый раз обнаруживается все больше и больше староверов. Исторически так сложилось, что староверов трудно считать, им приходилось скрывать свою веру. Ведь и при царской России, и после 1917 года к староверам применялись жесткие меры» [3].

В начале XX века староверские общины становятся больше открытыми. Становится заметным воздействие белорусского сельского окружения на язык, на некоторые привычки староверов. Тем не менее, своё отличие, особенный лад жизни и мироощущение староверы сохраняют и до сегодняшнего дня [6, с. 658].

Хорошо была налажена в Видзах торговля. Большинство лавок принадлежало здесь старообрядцам. Исследователь старообрядчества в Витебской губернии А. Сементовский отмечал, что «...деятельность великоруса обширнее, разнообразнее и выгоднее, чем деятельность белоруса, который всегда с завистью смотрит на первого. Жида видят в великорусах опасных соперников в делах торговых и не решаются так бесцеремонно эксплуатировать их как белорусов» [1, с. 169].

В своей работе Посох упоминает о том, что некоторые старообрядцы занимаются продажей пряников и баранок, которые они сами готовят. Автор сетует о незавидной жизни таких торговцев – он может отсидеть весь день в маленьком и холодном балаганчике и получить выручки всего несколько копеек [7, с. 8].

Значительным для данного региона было то, что как белорусская культура, так и культура русской диаспоры мирно сосуществовали и почти не смешивались.

До сегодняшнего дня сохранилась старообрядческая традиция устраивать грандиозный праздник ежегодно, на день Святой Троицы. Об истинном происхождении праздника догадываешься, когда узнаешь, что начало гулянья получило во времена крепостного права. Происходило все гулянье в лесу пана Минейки, в местности под названием «Сегинка», расположенной в 2-х верстах от Видз по Виленской дороге. В тот день, чтобы порадовать своих крепостных крестьян, помещик имения Видзы-Ловчинские пан Минейка отпускал в праздник Святой Троицы на угощение одного или двух быков. Еще к тому же ставил несколько ведер водки. Быка готовили целиком, на вертеле. Зажаренный бык привозился в Сегинку, где его ожидал народ. Всякий сам должен был отрезать кусок мяса – столько, сколько мог съесть. Изначально хаживали на эти угощения панские работники, а старообрядцы попевали со своими пряниками для торговли. Гулянья, которые в народе еще называли «пойти на быка». Если кому не хватало, тот мог вознаградить себя в находившейся здесь корчме, от величия которой сейчас осталось обветшалое здание [7, с. 12]. Праздник так полюбился, что даже когда бык и водка перестали отпускаться помещиком, пана Минейки не стало, народ по старой привычке продолжал собираться в Сегинке в Духов день, как говорится «на быка». Со временем традиция перемешалась и немного изменилась. Изменилась суть праздника, и место его проведения переместилось из

Сегинки в рощу у озера Лазенки, где в настоящее время расположено старообрядческое кладбище. Ежегодно, по-прежнему в Духов день, видзовские старообрядцы собираются в роще, чтобы почтить память своих предков. Самые деловые торговали водкой и закусками. Шумное веселье обычно заканчивалось беспорядками. При этом боли все довольны. Местная ребятня всегда приходит полакомиться в автолавку чем-нибудь праздничным [4].

«В Сегинке еще проводили гулянья в начале 50-х. Я когда пошла в школу, уже ходили к автолавкам на «московские могилки». Мама выделяет на всех несколько копеек, чтобы купить какой петушок из сахара или булочку. В советское время на Троицу приезжали автолавки торговать. А староверы тоже продавали сладости. К ним на кладбище на Троицу всегда приезжало много родственников из Риги, Вильнюса, Даугавпилса. И в советское время и сейчас тоже очень много машин приезжает. Они сначала долго-долго молятся у каждой могилки, а потом празднуют» [2].

Автор книги «Города Беларуси. Витебщина» Юрий Татаринов ошибочно приписывает начало празднования Духова дня в Сегинке к году отмены крепостного права, когда из описания народного учителя Видзовской школы Михаила Федоровича Посоха мы видим, что начало ежегодных гуляний положено раньше этой даты. К тому же Юрий Татаринов ошибочно переименовал место из Сегинки в «Сечинку» [9, с. 183].

За долгое время нахождения на белорусских землях старообрядцы, живя обособленно, сумели сохранить свою веру, религиозные обряды, обычаи и свою мораль. Их культура и язык, как и вся их духовная жизнь, не растворилась на новом месте проживания. Жизнь в диаспоре способствовала тому, что они сохранили свои особенности. Их взаимопомощь, сообразительность и практицизм помогали налаживать довольно зажиточное проживание, а материальный достаток и умение использовать выгодные политические и экономические условия давали возможность строить свои церкви и молельни.

В итоге можно прийти к выводу о том, что, самое интересное в ситуациях существования многонационального и разноэтничного населения определенной местности – это факт сохранения терпимости, толерантности и самообладания представителей разных этносов и конфессий в сложный исторический момент. Какие бы ни были взгляды на жизнь или определенные обстоятельства у любого человека, это уважают все окружающие люди. Местные белорусские жители не воспринимали мигрантов как конкурентов, поэтому конфликтов между ними не происходило. Старообрядцы считались добрыми и трудолюбивыми хозяевами. История старообрядчества не знает фактов противостояния с местным населением, либо между другими

группами. Тот факт, что в письменных и архивных источниках, а также полевых исследованиях отсутствуют сведения о конфликтах, говорит о терпимости и толерантности жителей Белорусского Подвинья. Существование многонационального и разнотнического населения всегда было спокойным в межличностных отношениях, интересным для наблюдателей в повседневной жизни.

1. Горбацкий, А. А. Старообрядчество на белорусских землях : монография / А. А. Горбацкий. – Брест : Изд-во УО «БрГУ им. А.С. Пушкина», 2004. – 237 с.
2. Записано автором в 2016 г. от Гайлеской Алины Станиславовны 1951 г.р. в д. Леомполье, Браславского р-на.
3. Записано автором в 2018 г. от Петра Алексеевича Орлова (наставник Полоцкой общины поморов) 1938 г.р. в г. Полоцке.
4. Записано автором в 2016 г. от Юрши Ирены Иосифовны 1935 г.р. в д. Леомполье, Браславского р-на.
5. Зональный государственный архив в г. Глубокое. – Ф. 645. Оп. 1. Д. 1.
6. Памяць: Браслаўскі раён: гісторыка-дакументальныя хронікі гарадоў і раёнаў Беларусі / рэдкал. К.В. Велічковіч [і інш.]. – Мінск, 1998. – 710 с.
7. Посох, М. Ф. Г. Видзы / М. Ф. Посох. – Ковно : Тип. губ. правл., 1895. – 13 с.
8. Православная церковь на Витебщине (1918–1991) : док. и материалы/ редкол.: М. В. Пищуленок (гл.ред.) [и др.] ; сост. В. П. Коханко (отв. сост.) [и др.]. – Минск : НАРБ, 2006. – 365с.
9. Татаринов, Ю. А. Города Беларуси. Витебщина. / Ю. А. Татаринов. – Минск : Энциклопедикс, 2006. – 208 с.

Середа Н. В.

ДОКУМЕНТЫ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ ТВЕРСКИХ КУПЦОВ КАК КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

Ключевые слова: Россия, документы личного происхождения, купечество, города.

В архивах и музеях Тверской области хранится довольно много документов личного происхождения, созданных в семьях горожан [1]. Исследование их текстов позволяет высказать предположение, что создаваемые в купеческих семьях записи передавались из поколения в поколение как семейная ценность, как культурное наследие семьи, как хранилище памяти о семейной истории.

Важнейшим доказательством этого тезиса можно рассматривать свидетельства о наличии у основного автора каких-либо предварительных заметок предков или ранних записей его самого, перенесенных в дошедший до нас памятник. Такие записи видимо и составили основу “Летописи Михаила Тюльпина”, ведь первая из них рассказывает о пожаре 1763 г., когда автору было всего лишь 8 лет от роду.

В 1817 г., когда Михаил собственно и начал вести сохранившийся до наших дней памятник, он переписал предварительные записи предков, содержание некоторых печатных источников о событиях минувших [4], и стал фиксировать вновь происходящие события сразу в специально заведенной тетради, о чем позволяет говорить появившаяся небрежность почерка. После смерти Михаила дневник некоторое время вел его родственник, Иван Дмитриевич Тюльпин, скорее всего племянник Михаила.

Дневник купцов Томиловых представляет нам воплощение дневниковой традиции в похожем варианте. Влас Григорьевич Томилов, приступая к ведению своей Памятной тетради в 1822 г., сначала переписал в нее сведения аналогичной тетради или разрозненных записей, которые вели ранее его отец, Григорий Григорьевич в период с 1776 по 1797 г., а также он сам, начиная с 1797 г. Обо всем этом он сообщает в заголовке к своему творению: “Памятная книга к[упца] В[ласа] Г[ригорьевича] Томилова, писанная тверским купцом Григорьем Григорьевичем Томиловым с 1776 года по 1797-й год, а с того времени продолжается Власом Григорьевичем Томиловым”. При этом он не просто переписывал предварительные записи, но дополнял их новыми фактами, которые позволяют читателю увидеть развитие судьбы человека, историю монумента, воинского формирования и т.д. Переписав с записей отца под 1777 г. сведения о закладке монумента в честь Екатерины II, он тут же сообщил, что в 1811 г. его разобрали, чтобы поставить более достойный [2, с. 318]. Под 1791 г. имеется запись следующего содержания: “мая 22-го родилась у Матрены дочь Феодосья Никифоровна, что ныне за Якимом Матвеичем Барылиным” [2, с. 320].

Ведение дневника у Томиловых было делом старшего в роду. И в этом тоже было выражение традиции. Григорий Григорьевич вел записи до 1797 г., т.е. практически до своей смерти (1801г.) Затем в течение почти 30 лет дневник вел Влас Григорьевич, старший сын Григория. В 1830 г. одна из записей была сделана рукой Николая – старшего сына Власа: в декабре 1830 г. он сообщил об отъезде “батюшки Власа Григорича с товаром на девятнадцати подводах до города Ржацка ...” [2, с. 348]. Интересно, что именно в 1830 г. Николай начинает самостоятельные поездки по торговым делам, т.е. ему одновременно доверяют семейный бизнес и позволяют прикоснуться к дневнику. При этом следует отметить, что младший брат Власа Осип не участвовал в ведении дневниковых записей даже в период совместного проживания братьев в доме отца и совместного ведения торгово-предпринимательской деятельности. После 1830 г. записи в дневнике Томиловых велись в две руки, Власом и Николаем. Записи Власа пропададут, отчасти, вероятно, потому что Влас старел и переключался на

сына основную часть дел, в связи с чем сам он все чаще оставался дома, а Николай, наоборот, все чаще стал отлучаться по торговым делам. С 1838 г., после смерти Власа дневник должен был вести Николай, но занятый хозяйством он касался его очень редко. Зафиксировав смерть отца, он 10 лет не брал его в руки. Записи возобновляются с 1848 г. однако до 1861г. их было сделано всего 12, и большая их часть относится именно к 1861 г. и сообщает о пожарах в городе, после чего дневник обрывается.

Явно не богатые, Блиновы еще в начале 70-х годов XVIII в. завели тетрадь небольшого формата в хорошем кожаном переплете, явно рассчитывая на длительное ее сохранение. Для них она стала неким символом, чем-то сродни родовой иконе. Эта тетрадь с записями, внешне скорее похожая на дорожную книгу, на протяжении последующего столетия являлась неотъемлемой частью дома, где проживали глава рода и его сын. Однако в отличие от Томиловых, Блиновы не ограничивали доступ к ведению дневника для других членов семьи.

Их дневник – сложный по своей структуре исторический источник, который лишь весьма условно, следуя опубликованным справочникам [1, с. 34], можно называть дневником. В нем отчетливо выделяются несколько частей, различных по функциональному назначению. При первом знакомстве с текстом практически невозможно понять композицию памятника, в двух из трех разделов хронология является собой образец хаоса, после записи датированной одним годом может идти запись, несущая в себе несколько более ранних дат [5]. Сложность композиции объясняется, во-первых, пространственными хронологическими рамками повествования, охватывающего период примерно с 1762 г. до конца XIX в., и, во-вторых, тем обстоятельством, что оно не только отражает жизнь нескольких поколений рода, но и является продуктом их коллективного творчества, в ходе которого замысел начинателя претерпел существенные изменения. Это памятник дает огромный материал для размышлений над созданием и развитием дневникового наследия тверского купечества.

Первоначальная концепция ведения дневника, заложенная человеком, которого не удалось отождествить ни с кем из рода Блиновых, четко прослеживается при вычленении и изучении записей, сделанных на первом этапе его создания [5, с. 257]. Некоторое время Блиновы следовали этой концепции и это – показатель того, что они воспринимали книгу записей именно как культурное наследие.

Палеографические наблюдения позволяют утверждать, что большая часть записей дневника за период с 1774 до 1825 г. сделана Иовом Блиновым. Именно Иов внес изменения в тематику дневниковых записей, считая необходимым отражать частную жизнь семьи

(браки, рождения, смерти членов родственного клана), в то время как на 1-4 л. таких записей нет. Эта начинание, заложенное им, закрепилось, и его потомки следовали этому новому правилу.

Иов впервые взял дневник в руки в январе 1774 года, поводом стало рождение сына 27 декабря прошедшего года. Прежде чем сделать запись об этом событии, Иов фиксирует факт своей женитьбы в ноябре 1772 г., тем самым устанавливая причинно-следственную связь событий и располагая их в порядке хронологии на оси времени. Весь этот комплекс событий описан им в январе 1774 г., но под 1772 г. “В 1772 году ноября 11 дня Иев Блинов женился. А женился 20 лет. Сын родился Иван 1773 году месяца генваря декабря 27 дня”. Зачеркнутое слово “генваря” и позволяет предположить, что эта комплексная запись, датированная 1772 годом, была сделана в январе 1774 года. Начерк букв, толщина линий, ритм расположения письменных знаков в строке и расстояние между строк абсолютно выдержаны на протяжении всей записи, включающей в свой состав сообщение о трех событиях: женитьба, рождение своего сына и рождение брата почти 10 годами ранее, при этом запись, датированная 1764 г., стоит в этом комплексе на последнем месте. Такой процесс мышления в системе *ex post* [3, с. 180–181], как и особенности почерка, помогает выделить в дневнике тексты, написанные самим Иовом.

С начала 1774 г., с момента, когда Иов сделал записи о своей женитьбе и рождении сына, записи приобретают дневниковый характер, начинают в целом соответствовать течению времени, становятся более или менее синхронными происходящим событиям. Кажущиеся отступления от хронологии в тексте, который составлялся при жизни Иова, вызваны тем, что течение мысли самого Иова, когда он садился за дневник, происходило в направлении он настоящего к прошлому, а также соседством частей, построенных в разных хронологических системах, что является следствием участия в его ведении нескольких людей.

Традиционность изучаемых памятников выражается и в выборах объектов внимания авторов дневников. Все известные дневники пишут о серьезных строительных работах в городе, особенно если они связаны с церквями, об эпидемиях, приездах в город членов императорского дома, рождении детей и других семейных событиях. И лишь два дневника считают объектом, достойным внимания, торгово-предпринимательскую деятельность: памятная книга купцов Томиловых и дневник новоторжцев Масленников. В этом плане дневник последних особенно показателен, там записи о результатах торгово-предпринимательской деятельности фиксируются в конце года как некий итог. Под 1836 г. сообщается “Сего года была общая покупка в

Лыскове новоторских купецкаго сына Ивана Никалаева Масленикова и купца Василия Савельева Вавулена. Покупку чинил от выше означенных товарищев прикащик Василей Калинин. От онаго хлеба по случаю паде-ния цен получили значительныя убытки, и продажа оных товаров про-должалась в Питербурге более года” [2, с.387]. Сведения о ценах являют-ся обязательным атрибутом каждой годовой записи дневника Маслен-никовых, но и они сообщаются в связи с анализом хозяйственной дея-тельности семьи за прошедший год. Так по итогам 1840 г. записано “Се-го года осенью па всей Тверской губернии озимой хлеб в полях поел черф. И по таковому случаю возвысилась цена на хлеб: рожь до 30 руб-лей за четверть, мука аржаная до 3 руб. 50 коп. за пуд, ячмень до 2 руб. за пуд, овес до 1 руб. 73 коп. за пуд на асигнации” [2, с. 392].

В книге записей истории семьи Томиловых также можно встре-тить записи, свидетельствующие об активной торгово-предпринимательской деятельности: под 1795 г. сообщается “ Генва-ря 15-го взяли лавку в Железном ряду после Семена Цаплина под № 4-м. Платили за оною по 30 руб. в год. Товару снято у Цаплина на 170 руб.” [2, с. 320]. Под 1807 г. Влас Томилов сообщает, что “Октября 20-го брат Осип покупал хлеб в Лыскове, которой остался на зимовку в Нове Городе, которой тут же и продан: мука аржаная за куль по 9 руб. 10 коп., овес по 5 руб. 10 коп., ячмень 6 руб., солод за 2 пуда 2 руб. 30 коп. Денег половину ждать” [с. 323].

Внимание авторов к подобным сюжетам скорее всего является отражением образа жизни и мыслей членов семьи, но, с другой сторо-ны, это также и показатель и отношения к текстам семейной летописи как наследию. Вероятно, по мнению Томиловых и Масленниковых се-мейная летопись должна отражать реальную жизнь семьи и ее повсе-дневные заботы, в том числе о хлебе насущном, о комфорте и удобстве дома, где проживает семья и т.п.

Дневниковая традиция купеческих семей выражается не только в факте ведения дневника в течение жизни нескольких поколений и в наличие предварительных записей у основного автора или в четко за-данной форме изложения событий. Преемственность присутствует и в том, как подаются сведения. Дневник Блиновых и летопись Михаила Тюльпина сдержаны в выражении чувств и эмоций. Изложение Тюль-пина часто имеет оттенок назидательности. Томиловы, особенно Влас, были открыты в выражении своих чувств и эмоций.

1. Голубев, И. Ф. Коллекция рукописей. Краткий обзор. / И. Ф. Голубев – Калинин, 1960. – 61 с.
2. Купеческие дневники и мемуары конца XVIII – первой половины XIX века. / Институт Российской истории РАН ; сост.: А. В. Семенова, А. И. Аксенов, Н. В. Середа. – М. : РОСПЭН, 2007. – 470 с.

3. Савельева, И. М. История и время. В поисках утраченного / И. М. Савельева, А. В. Полетаев – М. : Языки русской культуры, 1997.– 800 с.
4. Середа, Н. В. Война 1812 года в дневниках тверских купцов / Н. В. Середа // Тверская губерния в Отечественной войне 1812 года : сборник материалов краеведческой конференции, Тверь, 24 сентября 2002 года. – Тверь : Лилия Принт, 2002. – С.72–80.
5. Середа, Н. В. Дневник купцов Блиновых и его авторы / Н. В. Середа // Очерки феодальной России: – Вып 7. – М. : Едиториал УРСС, 2003. – С. 256–278.

Сівохін Г. А., Сямашка К. У.
ГІСТОРЫКА-КУЛЬТУРНАЯ СПАДЧЫНА І РАБОТА
ПА ЎВЕКАВЕЧАННІ ПАМЯЦІ ПРА ЗАГІНУЛЫХ
ЯК ФОРМА НЕ-/МУЗЕЙНАГА ВІДУ ДЗЕЙНАСЦІ

Ключавыя словы: ахова спадчыны, увекавечанне, музеі, воінскія пахаванні.

У сучасным беларускім музеі ад музея класічнага сёння застаецца ўсё менш. Заўважныя масавыя тэндэнцыі да мімікрыі пад забаўляльныя ўстановы, якія ў сваёй дзейнасці наогул не грунтуюцца на музейным артэфекце. Разам з тым, прысутнічае і тэндэнцыя да ўтварэння на базе музеяў цэнтраў дакументацыі, калі асноўным аб'ектам вышуку, збору, даследавання і інтэрпрэтацыі становіцца не сам музейны прадмет, а пэўны дакумент, які да яго адсылае.

З аднаго боку, мы назіраем татальныя трансфармацыі шляхоў развіцця музеяў у бок іх дыгіталізацыі. З другога боку – пытанне поўнай адсутнасці фінансавання ў большасці беларускіх музеяў на закупку музейных прадметаў. З трэцяга (гэта актуальна перадусім для краязнаўчых і этнаграфічных музеяў, якія спецыялізуюцца на зборы прадметаў “традыцыйнай” этнаграфіі, але не толькі для іх) можна канстатаваць фактычнае мінімізаваанне крыніц папаўнення музейных фондаў. У святле вышэй сказанага актуальным становіцца пытанне пра стварэнне на базе класічных прадметных музеяў цэнтраў дакументацыі культурнай спадчыны – у першую чаргу на аснове лічбавых крыніц. Такі падыход сёння мог бы стаць адным з найбольш перспектыўных шляхоў развіцця музеяў. Натуральна, пры выбары шляху развіцця ў бок дыгіталізацыі нельга адмаўляцца і забывацца пра асноўны музейны від работы – работу з артэфектамі.

Па такім шляху развіцця пайшоў і лоеўскі Музей бітвы за Днепр (далей – Музей). Ад пачатку ведучы работу не столькі па зборы артэфектаў – сведчанняў падзей на берагах Дняпра ў 1943 г., колькі па дакументацыі гісторыі часоў II Сусветнай вайны, Музей арганічна

прыйшоў да стварэння ў 2019 г. на сваёй базе навукова-даследчага і адукацыйнага праекта “Цэнтр дакументацыі культурнай спадчыны” [1]. Тым больш, што музей фактычна ад заснавання займаўся падобай работай: апрача ўжо згаданай закладзенай ад моманту яго стварэння мадэлі цэнтра дакументацыі, на яго, як і на шэраг іншых музеяў Беларусі, з пачатку 2000-х гг. былі “навешаныя” абавязкі па вядзенню работы па навукова-метадычным суправаджэнні дзейнасці райвыканкама па ахове гісторыка-культурнай спадчыны і па ўвекавечанню памяці пра загінулых пры абароне Бацькаўшчыны і ахвяр войнаў. У 2003 г. на Музей былі ўскладзеныя абавязкі па вядзенню ўліку помнікаў на тэрыторыі Лоеўскага раёна [7]. Прыкладна тады ж ускладзеныя абавязкі па вядзенню работы па ўвекавечанню. Апрача гэтага, цэнтр дакументацыі культурнай спадчыны Музея займаецца ўвекавечаннем памяці ахвяр Халакосту на тэрыторыі Лоева і Лоеўскага раёна, а таксама даследаваннямі тэмы прымусовых работ ваеннага часу [14].

Можна доўга спрачацца, наколькі эфектыўна і мэтазгодна абцяжарваць музейныя ўстановы Беларусі дадатковымі абавязкамі па вядзенню немuseumнай работы. Тым больш, музеі не маюць на гэта правых паўнамоцтваў, чалавечых рэсурсаў і папросту кваліфікаваных кадраў. Пры тым абцяжарванні музеяў робіцца без вызвалення ад асноўнай “музейнай” работы. Але факт застаецца фактам – работа па ахове спадчыны цяпер ускладзеная амаль выключна на музеі. Напрыклад, па стане на канец 2019 – пачатак 2020 са 137 спецыялістаў гар- і райвыканкамаў па краіне, якія адказваюць за ахову гісторыка-культурнай спадчыны, 78 з’яўлялася супрацоўнікамі музеяў, 39 – метадычных цэнтраў і 2 – бібліятэк [8]. Работа па ўвекавечанню разам з дзейнасцю па ахове гісторыка-культурнай спадчыны становіцца не толькі галоўным відам немuseumнай дзейнасці беларускіх музеяў, а часта і наогул ледзь не асноўным відам дзейнасці асобных з іх.

Лоеўскі раён – не выключэнне. Ён хаця і не самы багаты на аб’екты з Дзяржаўнага спіса гісторыка-культурнай спадчыны Рэспублікі Беларусь (далей – Спіс) раён Беларусі, але ж і не самы бедны: у Спіс унесеныя 54 “*лоеўскія*” нерухомыя матэрыяльныя гісторыка-культурныя каштоўнасці.

З уключаных у Спіс аб’ектаў толькі адзін катэгорыі “1” – гэта мемарыяльны камень, усталяваны на т.зв. месцы фарсіравання Дняпра ў 1943 г. Каштоўнасцяў катэгорыі “2” таксама толькі адна адзінка: “Комплекс былой сядзібы: сядзібны дом з флігелямі, парк” у а.г. Пярэдзелка. Усе астатнія 52 адзінкі маюць катэгорыю “3” – гэта помнікі гісторыі і помнікі археалогіі, якіх налічваецца 27 і 22 адпаведна. Помнікаў архітэктуры ў Спісе 5 адзінак.

Апрача таго, на тэрыторыі раёна размешчанае некалькі дзясяткаў аб'ектаў культурнай спадчыны, якія згодна з Кодэксам Рэспублікі Беларусь “Аб культуры” з’яўляюцца культурнымі каштоўнасцямі [12].

Як бачна з папярэдняга аналізу культурнай спадчыны рэгіёну, большая яе частка – гэта “лакальныя” помнікі гісторыі і культуры. Роўна 50 % іх складаюць помнікі гісторыі. З помнікаў гісторыі ўсе аб’екты, за выключэннем згаданага вышэй мемарыяла на месцы фарсіравання Дняпра, уяўляюць воінскія пахаванні: 19 брацкіх магіл, 4 магілы ахвяр войнаў і 3 індывідуальныя воінскія пахаванні. Усе без выключэння – перыяду II Сусветнай вайны.

Пераважная большасць аб’ектаў увекавечання трапіла ў Спіс версіі 2007 г. з ранейшых яго версій: значная частка аб’ектаў разглядалася ў якасці гісторыка-культурнай спадчыны яшчэ за часамі СССР [6]. Аднак і пасля зацвярджэння Спіса версіі 2007 г. “работа” па яго нападзенні брацкімі і індывідуальнымі пахаваннямі воінаў Чырвонай арміі, партызан і мірных грамадзян – ахвяр войнаў не перапынялася, пра што сведчаць далейшыя яго нападзенні менавіта аб’ектамі ўвекавечання. Верагодна, пры наяўнасці ідэалагічнай устаноўкі на нападзенне Спіса, работу па ўключэнню ў яго аб’ектаў увекавечання прадстаўлялася найбольш проста.

Пераважная частка работы па ўвекавечанню ў Лоеўскім раёне зараз ускладзеная на Музей. Пры гэтым яго супрацоўнікі не з’яўляюцца дзяржаўнымі службоўцамі і не валодаюць дзяржаўна-ўладнымі паўнамоцтвамі, фармальна імі можа ажыццяўляцца толькі навукова-метадычнае суправаджэнне працы аддзела ў галіне ўвекавечання.

У выніку навуковай і палявой работы, якая праводзіцца супрацоўнікамі Музея, рэгулярна высвятляюцца імёны загінулых, пахаваных у брацкіх магілах. Музеем арганізаваная праца па першасным уліку пахаванняў загінулых падчас войнаў і рэгістрацыі пахаванняў замежных вайскоўцаў. У рамках гэтай дзейнасці пашпартызаваныя 36 пахаванняў. Пашпарты сістэматызаваныя па тэрытарыяльным прынцыпе і захоўваюцца ў Музеі. У сувязі са змяненнямі ва ўліковых дадзеных воінскіх пахаванняў на бягучы момант праводзіцца праца па складанні новых пашпартоў [9; 10; 11].

Музеем таксама арганізаваная работа па вядзенні раённага аўтаматызаванага банка дадзеных “Книга памяти”. У хадзе правядзення архіўна-даследчых работ праз аддалены доступ да архіўных устаноў (агульнадаступныя базы дадзеных “Мемарыял”, “Памяць Народа”, “Подзвіг Народа”, Arolsen Archives) за перыяд 2015–2020 гг. вызначаныя 1 135 раней невядомых прозвішчаў загінулых на тэрыторыі Лоеўскага раёна савецкіх жаўнераў. У больш чым 2 000 загінулых скарэктаваныя і верыфікаваныя ўліковыя дадзеныя (асабістыя дадзе-

ныя, дата нараджэння, месца нараджэння, месца прызыву, прычына і месца выбыцця, дадзеныя сваякоў загінулага). На працягу 2019 г. Музеям устаноўлены 141 раней невядомая прозвішча пахаваных салдат, звесткі аб іх унесеныя ва ўліковыя дадзеныя воінскіх пахаванняў. Па стане на 2020 г. колькасць пахаваных у воінскіх пахаваннях і пахаваннях ахвяр войнаў – 11 858 пахаваных, у тым ліку дадзеныя якіх устаноўлены – 11 657 пахаваных, неведомых – 201 пахаваных [9; 10; 11].

Як бачна з прыведзенага вышэй аналізу, на аб'ектах увекавечання – брацкіх і індывідуальных пахаваннях пастаянна вядзецца работа. Пачынаючы з канца 1940-х гг. рэгулярна – не менш, чым раз на дзесяцігоддзе, – выходзілі пастановы Ураду БССР па персанальным уліку, прывядзенні ў адпаведны санітарны стан, перапахаванні і ўзбуйненні месцаў пахавання, іх даглядзе і добраўпарадкаванні, таксама выдаваўся і шэраг лакальных нарматыўна-прававых актаў [13]. Дагэтуль у выніку даследчай і пошукавай работы наносіцца новыя імёны на пайменныя пліты і г.д., што часта не проста прынцыпова, а незваротна зменьвае аблічча аб'ектаў ўвекавечання.

Сёння работы па ўвекавечанню, якія арганізуюцца перад усім пад эгідай Міністэрства абароны, актыўна працягваюцца: праводзяцца пошукавыя работы, раскопкі, перапахаванні і нанясенні выяўленых імёнаў на пахаваннях. Работы, уключаючы і ўлік воінскіх пахаванняў, нанясенне імёнаў, падзахаванні, добраўпарадкаванне, рамонтна-рэстаўрацыйныя работы і г.д., – праводзяцца ў адпаведнасці з дзеючым заканадаўствам аб увекавечанні, якое пры гэтым уступае ў прызначэнне з заканадаўствам у галіне аховы гісторыка-культурнай спадчыны, бо падчас іх правядзення аказваецца значнае ўздзеянне на матэрыяльныя гісторыка-культурныя каштоўнасці, якое прыводзіць да іх змянення. І дадзеныя работы як правіла, праводзяцца без навуковага ці якогась іншага абгрунтавання, як таго вымагае заканадаўства аб ахове гісторыка-культурнай спадчыны.

Такім чынам, апрача падвоенага ўліку воінскіх пахаванняў – і Міністэрствам абароны, і Міністэрствам культуры, – назіраецца сітуацыя, калі дзеля выканання заканадаўства па ўвекавечанню пры правядзенні работ на аб'ектах часта мае месца ігнраванне норм заканадаўства па ахове спадчыны як з боку ўласнікаў, так і адпаведных дзяржаўных органаў.

Выкананне ж заканадаўства па ахове спадчыны часта не толькі не магчымае, але і, будзем чэсныя, немэтазгоднае. Справа не ў тым, што вырабленыя за савецкімі часамі манументы, помнікі з бетону не толькі тыповыя і быццам не ўяўляюць асаблівай каштоўнасці і вырабленыя з недаўгавечных матэрыялаў. Насамрэч, яны з'яўляюцца сведчаннем эпохі і адбіваюць цэлы пласт у эстэтычным развіцці, а таму нату-

ральна, уяўляюць і гістарычную, і мастацкую каштоўнасць. Нават у параўнанні з першапачатковымі задумай і выкананнем ужо кардынальна змененыя на сённяшні час, шмат якія з іх застаюцца помнікамі сваёй эпохі.

Але для іх захавання неабходна прымаць кардынальныя/радыкальныя меры па правядзенні выратавальных рамонтных работ. І часта – вельмі аператыўна. А патрабаванні Кодэкса Рэспублікі Беларусь “Аб культуры” вельмі стрымліваюць і не спрыяюць правядзенню такіх рамонтна-рэстаўрацыйных работ.

Трэба прызнаць, што насамрэч, “вайсковы” ўлік аб’ектаў увекавечання – больш дзейная мера па іх захаванні ў параўнанні з унясеннем тых у Спіс. Больш за тое, як паказвае практыка, не гледзячы ні на якія кодэксы змяненні былі, ёсць і будуць... І кодэксы не абараняюць, наадварот, часта спрыяюць разбурэнню аб’ектаў, стрымліваючы развіццё сучасных практык камемарыцыі і ўяўленняў пра “недзяржаўныя” практыкі палітыкі памяці / гістарычнай памяці. Тыя ж народныя “нізавыя/наіўныя” мемарыялы, якія мы можам назіраць на шэрагу брацкіх пахаванняў [2; 3; 4; 5], пры правядзенні рамонтна-рэстаўрацыйных работ у адпаведнасці з Кодэксам Рэспублікі Беларусь “Аб культуры” руйнуюцца. Такім чынам, уключэнне ў Спіс не столькі спрыяе захаванню аб’ектаў, а стварае сітуацыю ўмоўнай “кансервацыі”, якая ў выніку прыводзіць да разбурэння.

Таксама, пры ўсёй спрэчнасці ідэалагічнага кантэнту савецкай і постсавецкай беларускай палітыкі памяці, знаходжанне брацкіх магіл у Спісе фармалізуе практыкі камемарацыі і прырэчыць “жывым” натуральным камемаратыўным практыкам, іх трансляцыі, перадачы да новых генерацыяў і натуральнаму аўтахтоннаму развіццю, надаючы аб’ектам увекавечання дадатковы ідэалагічны і фармалізавальны флёр.

Натуральным выйсцем з дадзенай сітуацыі было б выключэнне аб’ектаў увекавечання са Спісу (магчыма, апрача найбольш значных і важных з гістарычнага ці мастацкага пункту гледжання) і пакіданне іх выключна ў сферы дзеяння заканадаўства па ўвекавечанню памяці аб загінулых пры абароне Бацькаўшчыны і ахвяр войнаў.

1. Аб культурна-адукацыйнай і выставачай рабоце [Электронны рэсурс] : загад дырэктара музея па асноўнай дзейнасці ад 18 снежня 2019 г. № 29 // МБЗД. – Ф. 2. Воп. 7. Спр. 8. – 1 дак. у эл. выгл. (78,5 Кб).
2. Акт обследования состояния братских захоронений и памятников, расположенных на территории Лоевского района рабочей группой по проведению мониторинга воинских захоронений, могил жертв фашизма и памятников воинской славы Лоевского районного исполнительного комитета от 23 апреля 2020 г. [Электронны рэсурс] // МБЗД. – Ф. 3. Воп. 7. Спр. 7. – 1 дак. у эл. выгл. (33 Кб).

3. Акт обследования состояния братских захоронений и памятников, расположенных на территории Лоевского района рабочей группой по проведению мониторинга воинских захоронений, могил жертв фашизма и памятников воинской славы Лоевского районного исполнительного комитета от 27 февраля 2020 г. [Электронны рэсурс] // МБЗД. – Ф. 3. Воп. 7. Спр. 7. – 1 дак. у эл. выгл. (32 Кб).
4. Акты правядзення маніторынгу (праверкі стану захаванасці і выкарыстання) аб'ектаў гістарычнай і культурнай спадчыны (нерухомых матэрыяльных гісторыка-культурных каштоўнасцяў) і ўвекавечання памяці аб загінулых за 2019 г. [Электронны рэсурс] // МБЗД. – Ф. 4. Воп. 6. Спр. 1. – 32 дак. у эл. выгл. (1,23 Гб).
5. Акты правядзення маніторынгу (праверкі стану захаванасці і выкарыстання) аб'ектаў гістарычнай і культурнай спадчыны (нерухомых матэрыяльных гісторыка-культурных каштоўнасцяў) і ўвекавечання памяці аб загінулых за I кв. 2020 г. [Электронны рэсурс] // МБЗД. – Ф. 4. Воп. 7. Спр. 1. – 19 дак. у эл. выгл. (399 Мб).
6. Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі: Гомельская вобл. – Мінск : БелСЭ, 1985. – 383 с.
7. Информация о Музее битвы за Днепр [Электронны рэсурс]: 2003 // Навуковы архіў Музея бітвы за Днепр (МБЗД). – Ф. 2 Воп. 2. Спр. 1–1 дак. у эл. выгл. (1,89 Мб).
8. О создании районной вертикали системы государственного управления в сфере охраны историко-культурного наследия [Электронны рэсурс]: письмо Министерства культуры от 05.12.2019 № 04-09/6614 // МБЗД. – Ф. 4. Воп. 6. Спр. 5. – 1 дак. у эл. выгл. (6,05 Мб).
9. О ходе выполнения в 2019 году регионального комплекса мероприятий по реализации государственной программы на 2015–2020 годы по увековечению погибших при защите Отечества и сохранению памяти о жертвах войн на 2016–2020 годы [Электронны рэсурс] // МБЗД. – Ф. 3. Воп. 6. Спр. 6. – 1 дак. у эл. выгл. (27 Кб).
10. Отчет отдела идеологической работы, культуры и по делам молодежи Лоевского районного исполнительного комитета об организации работы по увековечению памяти защитников Отечества и сохранению памяти о жертвах войн на территории Лоевского района [Электронны рэсурс] // МБЗД. – Ф. 3. Воп. 7. Спр. 6. – 1 дак. у эл. выгл. (35,3 Кб).
11. Сведения о выполнении показателей Государственной программы по увековечению погибших при защите Отечества и сохранению памяти о жертвах войн в 2019 году [Электронны рэсурс] // МБЗД. – Ф. 3. Воп. 6. Спр. 6. – 1 дак. у эл. выгл. (22 Кб).
12. Список объектов наследия Лоевского района [Электронны рэсурс] // МБЗД. – Ф. 4. Воп. 7. Спр. 4. – 1 дак. у эл. выгл. (519 Кб).
13. Увековечение памяти защитников Отечества и жертв войн в Беларуси 1941–2008 гг. : док. и материалы / сост. : В.И. Адамушко [и др.]. – Минск : НАРБ, 2008. – 304 с.
14. Цэнтр дакументацыі культурнай спадчыны Музея бітвы за Днепр [Электронны рэсурс] / Музей бітвы за Днепр. – Рэжым доступу: <http://lojev.museum.by/be/node/48570>. – Дата доступу: 04.05.2020.

Силина А. В.
К ВОПРОСУ ОБ ОХРАНЕ ПАМЯТНИКОВ СТАРИНЫ И ИСКУССТВА
В ВИТЕБСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1918 Г.

Ключевые слова: историко-культурное наследие, памятники старины, памятники искусства, охрана памятников, Витебская губерния, 1918 г.

События октября 1917 г. стали переломным моментом как в истории целой страны, так и в судьбе каждого человека. Бывшие частные владения и имения, являвшиеся ранее очагами культуры и центрами производств, уничтожались и разграблялись, как противовес этому процессу появились документы призванные сберечь историко-культурные ценности. Сам факт издания молодым советским государством законов, регламентирующих охрану историко-культурных ценностей, говорит о готовности нового правительства взять на себя ответственность за их сохранение. Так, в воззвании Народного комиссариата художественно-исторических имуществ Республики 1918 г. отмечалось: «каждый памятник старины, каждое произведение искусства, коими тешились лишь цари и богачи, стали нашими; мы никому их не отдадим больше и сохраним их для себя и для потомства, для человечества, которое придет после нас и захочет узнать, как и чем люди жили до него <...> Нет нужды задаваться вопросом, в чьих руках находились раньше те или иные художественные или исторические сокровища: дворцы, особняки, храмы и т.п., в кои вложено столько труда и красоты, сотворенных народным творчеством. Важно знать, кто теперь – хозяин. А хозяин – вся Россия, трудовая Россия» [7, с. 19]. Так в Советской России начался процесс становления музейного дела, проходивший при весьма драматических обстоятельствах.

К первым мероприятиям по учету и охране памятников старины и искусства можно отнести издание следующих документов: «О приеме и описи дворцового имущества Петрограда, Царского Села, Гатчины и Петрограда» (1917 г.), «Об управлении имущества дворцов» (1917 г.), «О запрещении вывоза за границу предметов искусства и старины» (1918 г.) [3]. Декрет, принятый 5 октября 1918 г., «О регистрации, приеме на учет и охране памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений», положил начало первой всеобщей регистрации памятников [9]. Поскольку Витебская губерния входила в состав Западной области, то деятельность по сохранению памятников, регламентировались также постановлениями органов управления данной административно-территориальной единицы.

К одной из мер по охране ценностей мы можем отнести срочную телеграмму отдела искусств Областного исполнительного комитета Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Западной области и фронта (Облиспкомзап), направленную в Витебский губернский и уездные исполкомы. В постановлении отдела искусств Облиспкомзапа по художественно-археологическому подотделу от 9 мая 1918 г. говорилось о принятии губернскими и уездными советам мер «к сохранению в целостности и неприкосновенности всех культурных ценностей, находящихся в районах Советов музеев, картинных галерей, всевозможных коллекций, старинных зданий и проч.». Подчеркивалась необходимость «озаботиться о сохранении архивов, расформированных после февральской и октябрьской революций учреждений царского и временного правительства ввиду важности этих архивов для разработки местной истории». Согласно документу, планировалось «образовать при Советах местные художественно-археологические комиссии, которые бы взяли на себя охрану памятников старины и искусства». В отдел искусств Облиспкомзапа нужно было сообщить об имеющихся научных и художественных обществах, указать граждан, «которые могли бы быть полезными для отдела искусств в своей работе на местах» [2, л. 46].

Спустя два дня вышло новое постановление отдела искусств Облиспкомзапа запрещающее «кому бы то ни было производить раскопки курганов и могильников, не получив предварительно открытый лист» [2, л. 52].

Заметим, что специальный отдел, занимавшийся сохранением наследия прошлого, был образован 28 мая 1918 г. в структуре Народного комиссариата просвещения. Отдел по делам музеев и охраны памятников искусства и старины возглавила Наталья Троцкая-Седова, вторая жена Льва Троцкого [8, с. 107]. Об обстановке того непростого времени Троцкий в книге «Моя жизнь» вспоминал: «Ни белые, ни красные войска не склонны были очень заботиться об исторических усадьбах, провинциальных кремлях или старинных церквях. Таким образом, между военным ведомством и управлением музеев не раз возникали препирательства. Хранители дворцов и храмов обвиняли войска в недостаточном уважении к культуре, военные комиссары обвиняли хранителей в предпочтении мертвых вещей живым людям» [10, с. 81].

Не без участия Седовой-Троцкой 5 октября 1918 г. был принят главный документ, регламентирующий деятельность в области сохранения памятников старины и искусства – декрет Совета народных комиссаров «О регистрации, приеме на учет и охране памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений». Остановимся на некоторых аспектах документа. Со-

гласно декрету, предполагалось проведение первой государственной регистрации всех монументальных и вещевых памятников искусства и старины как в виде целых собраний, так и отдельных предметов. Планировалось взятие на учет находящихся во владении обществ, учреждений и частных лиц монументальных памятников, собраний предметов искусства и старины, а также отдельных предметов, имеющих большое научное, историческое и художественное значение. Владельцам взятых на учет ценностей должно было оказываться содействие по их защите и выдаваться охранные грамоты. Работы по регистрации и выявлению предметов возлагались на Комиссии по охране памятников искусства и старины [9].

Через шесть дней в газете «Известия Витебского губернского Совета крестьянских, рабочих, красноармейских и батрацких депутатов» появилось следующее постановление: «Витебский подотдел изобразительных иск[усств] при отд[еле] нар[одного] образ[ования], обращая внимание на то, что в пределах г. Витебска и Вит[ебской] губ[ернии], как в бывших помещичьих имениях и усадьбах, так и других частных лиц и учреждениях, имеются многочисленные предметы искусства, как то: картины, рисунки, скульптура, гобелены, ковры, миниатюры, стильная старинная мебель, ценные книги, гравюры, фарфор, эмаль, древние иконы и образа, имеющие громадную художественную ценность и представляющие всенародное достояние, решил сосредоточить их в государственных хранилищах и, в первую очередь, в организуемом Витебском губернном музее при Народном художественном училище. Принимая во внимание:

- 1) Выселение буржуазии в гор. Витебске и очищение немцами части оккупированной территории Витебской губ[ернии], откуда выселяются и бегут помещики и др[угие] представители имущих классов, бросая ценные предметы искусства на произвол судьбы.

- 2) Что перечисленные предметы искусства подвергаются опасности попасть в руки скупщиков и спекулянтов или быть случайно уничтоженными.

Подотдел изобразительных искусств постановил:

- 1) Все произведения искусства в пределах г. Витебска и Витебской губ[ернии] подлежат немедленной и обязательной регистрации в подотделе изобразительных искусств. Все владельцы обязаны прислать в подотдел в кратчайший срок заявления с указанием количества, рода и местонахождения предметов искусства. В случае отсутствия владельца заявления присылаются лицами и учреждениями, на коих возложена обязанность охраны оставшегося имущества.

- 2) Уездным и волостным советам срочно предписывается принять меры к охране перечисленных предметов искусства и предста-

вить сведения о местонахождении таковых в подотд[ел] изобразит[ельных] искусств.

3) Подотдел изобразит[ельных] искусств передает признанные им ценными предметы искусства в Витебский губернский музей и др[угие] государственные хранилища.

4) Всем аукционным залам, магазинам и частным лицам в пределах Витебска и губернии воспрещается продажа означенных предметов искусства без особого в каждом отдельном случае разрешения подотдела изобразительных искусств.

5) Постановление вступает в силу со дня опубликования.

Тов[арищ] предс[едателя] губисполкома Сергиевский.

Уполномоченный по делам искусств Витебской губернии М. Шагал» [11, с. 13–14].

Для оценки постановления, подписанного художником, обратимся к более ранним событиям. Марк Шагал был назначен в сентябре 1918 г. уполномоченный по делам искусств Витебской губернии, получил широкие права на организацию учебных заведений, музеев и выставок. В Государственном Русском музее хранится дело, датированное августом вышеуказанного года, под названием «Докладная записка художника Марка Шагала о художественном училище». Записка является проектом Витебского народного художественного училища. На восьми страницах машинописного текста художник изложил виденье будущей школы. В документе отражены не только правила приема в училище, права учащихся, деление по классам, точный расчет количества преподавателей для отдельных классов, указаны суммы необходимых для открытия училища, но говорится о создании при училище городского художественного музея. Художник рассматривал обращение «с настойчивым предложением передать ценные предметы искусства в городской художественный музей, а не прятать их в частных квартирах и особняках, или продавать их в каких-то аукционных залах» как один из путей пополнения коллекции [6, л. 4–5]. Таким образом, ещё не до назначения, живописец предусматривал реквизицию ценностей возможный вариант комплектования планируемого музея.

Судя по всему, первые описи ценного имущества начали составляться лишь в конце 1918 г. – начале 1919 г., когда от местных властей последовала реакция на декрет от 5 октября 1918 г. Отдел управления Витебского губисполкома 28 декабря 1918 г. издал приказ о регистрации имущества в губернском отделе народного образования в течение месяца с момента публикации приказа. В документе отмечено, что до этого времени «предметы старины и искусства, не имея описей и охраны органами власти, расхищаются». Обратим внимание на имеющуюся в документе расшифровку предметов, считающихся памятни-

ками старины и искусства: старые, редкие библиографии, книги, картины, посуда, одежда, ковры, мебель и прочие. Контроль за исполнением приказа возлагался на городские, уездные исполкомы и милицию. Они должны были произвести «обследование своих районов и собрать сведения, не находятся ли вышеуказанные предметы в настоящее время как у частных лиц, так и каких-либо организаций, перекупленные или похищенные во время революции из имений бывших помещиков». Выявленные предметы необходимо было доставить в губоно, составив опись с указанием места изъятия.

В приписке, предназначавшейся для Витгубоно, значилось: «для воспрепятствования уклонения от регистрации, обратиться за справками в Археологический институт к знатоку этого края тов. Сапунову, у которого действительно хранятся ценные предметы старины и искусства». После регистрации описи в двух экземплярах должны были быть отправлены в отдел управления Витгубисполкома [1].

Уже в новом году, 6 января 1919 г., заведующая Витгубоно Сара Шейдлина ходатайствовала в Витгубисполком о выдаче секретарю подотдела искусств М. Дликману мандата на право осмотра и взятия на учет предметов искусства [5].

Положение, сложившееся к 1919 г., характеризует отчет Алексея Сапунова, производившего осмотр частных библиотек: «общее впечатление весьма неутешительное для архивного дела. Лица в свое время реквизировавшие библиотеки и архив большей частью уже сошли со сцены и неизвестно, где находятся в настоящее время» [4].

Так, ненадлежащее исполнение приказов по охране памятников, а порой их игнорирование, привело к тому, что многие ценности были расхищены. Некоторые памятники старины и искусства стали объектами спекуляций. Для остальных, чудом сохранившихся, власти, в частности уполномоченный по делам искусств Марк Шагал, предусматривали возможность вхождения в фонды Витебского губернского музея.

1. Государственный архив Витебской области (ГАВО). – Ф. 56. Оп. 1. Д. 13. Л. 7–7об.
2. ГАВО. – Ф. 92. Оп. 1. Д. 1.
3. ГАВО. – Ф. 246. Оп. 1. Д. 17. Л. 13–13об.
4. ГАВО. – Ф. 289. Оп. 1. Д. 23. Л. 1.
5. ГАВО. – Ф. 2268. Оп. 1. Д. 32. Л. 10.
6. Государственный Русский музей. – Ф. 137. Оп. 1. Ед. хр. 2403.
7. Ленин. Революция. Искусство: Охрана памятников искусства. Монум. пропаганда. В. И. Ленин в рис. художников : [Альбом / Авт.-сост. Н. В. Гамалий]. – [2-е изд.]. – Л. : Художник РСФСР, 1987. – 101, [16] с.
8. Лисов, А. Г. Еще раз о проекте Марка Шагала об организации Витебского народного художественного училища / А. Г. Лисов // Віцебскі край : матэрыялы Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі, прысвечанай

- 170-годдзю нараджэння М.Я. Нікіфароўскага. – Мінск : Нацыянальная бібліятэка Беларусі, 2016. – Т. 1. – С. 105–111.
9. О регистрации, приеме на учет и охранении памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений, 5 октября 1918 г. // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. — 1918. — № 73. — Ст. 794.
10. Троцкий, Л. Моя жизнь: Опыт автобиографии : в 2 т. / Л. Троцкий. – Берлин : Гранит, 1930. – Т. 2. – 337 с.
11. Шишанов, В. А. Изобразительное искусство Витебска, 1918–1923 гг. в местной периодической печати: библиографический указатель и тексты публикаций / В. А. Шишанов. – Минск : Медисонт, 2010. – 264 с.

Слабченко Л. В.

КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ МУНИЦИПАЛЬНЫХ БИБЛИОТЕК ПСКОВА В ПОДДЕРЖКУ РАЗВИТИЯ ТУРИЗМА В РЕГИОНЕ

Ключевые слова: краеведение, проект, библиотека, Псков, туризм.

Краеведческая работа занимает особое место в деятельности муниципальных библиотек Пскова. Псков – это древний город, граничащий с тремя европейскими государствами: Республикой Беларусь, Латвией и Эстонией. Первое летописное упоминание о городе относится к 903 году.

В Пскове 11 муниципальных библиотек, одна из самых старейших – Историко-краеведческая библиотека имени Ивана Ивановича Василёва (библиотека носит имя псковского историка и краеведа, жившего в XIX веке).

Интерес населения к истории родного края возрастает: люди обращаются в библиотеки, потому что ищут исторические корни, изучают историю своего города и улицы.

В качестве примера приведем опыт работы Историко-краеведческой библиотеки имени И. И. Василёва. На сайте более 10 лет функционирует «Краеведческая справочная служба» [1]. Основная тематика запросов: уточнить информацию о населенном пункте, найти захоронение родственника или редкое краеведческое издание. В среднем в год поступает более 200 запросов из России и стран ближнего зарубежья – Беларуси, Латвии, Украины.

В рамках реализации Муниципальной программы «Культура, сохранение культурного наследия и развития туризма на территории муниципального образования «Город Псков» на 2016-2023 годы сотрудники библиотеки более пяти лет выступали с докладами на ежегодной Международной конференции «Популяризация культурного и исторического наследия». Для участников чтений организуются тури-

стические поездки в Латвию и по Псковской области – с посещением музеев, церквей, усадеб, издаются сборники материалов чтений.

Краеведческая деятельность библиотеки охватывает псковичей практически всех возрастов:

- клуб «ИСТОКИ» для молодежной аудитории.
- для взрослой аудитории при библиотеке работают два клуба: «Клуб любителей родного края» и Военно-исторический клуб «Кольчуга».
- для студентов и специалистов библиотека совместно с псковским областным отделением Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры организовала Лекторий «Народный университет».
- цель совместного проекта библиотеки и Псковского Археологического Центра «Археологи рассказывают»: лекторий для любознательных – популяризация исторических и краеведческих знаний, привитие интереса к археологическим открытиям.

Лектории пользуются большим спросом у гостей города и горожан, анонсы и афиши, видеосъемка выступлений публикуются на сайте и на канале YouTube.

Псков стал вторым российским городом, который принял на своей территории Международную Ганзу [2]. В 39-х Международных Ганзейских днях в июне 2019 года в Пскове приняли участие 89 делегаций и 1600 делегатов из разных стран.

Библиотеки Пскова сотрудничают с Всероссийской государственной библиотекой иностранной литературы имени М. И. Рудомино и накануне Международных Ганзейских дней приняли участие в Программе повышения квалификации «Библиотека как центр местного культурного наследия».

Одно из перспективных направлений работы библиотек – краеведческая издательская деятельность. А, как известно, туристы увозят из интересных мест не только впечатления, но и книги, буклеты, открытки.

Среди успешно защищенных проектов Программы повышения квалификации «Библиотека как центр местного культурного наследия» – издательский проект «Парки, сады и скверы города Пскова: прогулки по городу» [3]. Сюда входит: электронный путеводитель, информационная google-карта для горожанина и туриста, книга и два аудиогuida: на платформе izi.TRAVEL и в городских автобусах. Работа проходила в сотрудничестве с Туристическим Информационным центром Псковской области. Книга издана под знаком «Серебряное ожерелье России».

В 2020 году путеводитель удостоился региональной премии «Книга года» и специального диплома в номинации «За издание книг по истории города Пскова».

О наших многочисленных краеведческих проектах было рассказано на Международной научно-практической библиотечной конференции Ганзейских городов «Культура Приграничья» в Пскове 13-14 июня 2019 года [4].

Результатом еще одного успешного издательского проекта библиотек Пскова и Великого Новгорода стал библиографический указатель «Ганза Нового времени на страницах местной периодической печати» [5] и победа в Международном конкурсе средств массовой информации «Ганза – связь времен».

К Международным Ганзейским дням псковские библиотекари помогли московской школьнице Софье Шамраевой издать книгу «Сказ о ганзейской хождении в землю псковскую» [6]. Привлекли лучших псковских краеведов и художников, помогли найти переводчика книги.

Подробнее о работе в этом направлении читайте на сайте библиотек Пскова в разделе Информационный проект библиотек ЦБС Пскова «Псков – столица Ганзейских дней-2019» [7].

В июле 2019 года десять уникальных памятников Пскова были внесены в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО.

Достоин внимания проект Центральной городской библиотеки г. Пскова «ПСКОВ & ЮНЕСКО» [8]. Составляющие проекта: Google-карта; выставки фотографий Михаила Куземки «Всемирное наследие рядом» и «Ежедневная вечность. Псковские храмы в ЮНЕСКО» – 14 оригинальных фотографий Александра Потресова; видеожурнал #10ПсковShortStories; информационно-библиографический буклет «10 псковских храмов».

Издательский проект «Библиотечный путеводитель по Пскову» [9] задумывался как пародия на серьёзные путеводители и библиотечная шалость. В нём каждая библиотека – сама по себе достопримечательность и центр мироздания, вокруг которого вращаются памятники истории и архитектуры, именитые псковичи, а также всевозможные артефакты, которые создают физиономию и характер гения места.

Заслуживает внимания история реализации издательского проекта «Пушкин и Псков» [10]: рукопись псковского краеведа Евгения Матвеева в Центральную библиотеку Пскова в 2020 году принёс Заслуженный артист России Сергей Попков, которому краевед передал её при жизни. В рукописи автор рассказывает о нечастых поездках поэта в столицу тогдашней Псковской губернии.

В рамках продвижения издательского проекта «Пушкин и Псков» псковские библиотекари создали подкаст «Пушкин в Пскове», электронную и печатную версии издания.

Текст книги приведён на двух языках (русском и английском), перевод на английский сделала Татьяна Семёновна Рыжова, псков-

ский поэт и прозаик, кандидат филологических наук. В качестве иллюстраций использованы гравюры псковского художника Валентина Михайловича Васильева.

Одним из перспективных направлений работы библиотек Пскова является оцифровка краеведческих изданий, создание персональных сайтов псковских авторов и разработка проектов туристического краеведения, связанного с современным городом.

Псков – интересен туристам своей провинциальной стариной и большим количеством древних храмов. Экскурсии может проводить подготовленный специалист, который занимается краеведением. А экскурсии от библиотеки – это хорошая реклама её деятельности, интересное времяпровождение для туристов.

Среди инновационных форм работы по туристическому краеведению интересен опыт проведения Любятовских детско-юношеские краеведческих чтений [11], которые ежегодно проходят в рамках Недели детской и юношеской книги в модельной библиотеке микрорайона Любятово «БиблиоЛюб». Одна из тем чтений «Любятово на ладони» – презентация маршрутов познавательных экскурсий для горожан. Например, Восьмые Любятовские детско-юношеские краеведческие чтения прошли в новом формате – открытое заседание «Клуба юных экскурсоводов».

Раздел «Увлекательный туризм» [12] детского краеведческого сайта «Познай свой край родной» будет интересен и детям, и взрослым, потому что представляет познавательные маршруты Псковского края, созданные по итогам поездок сотрудников библиотек города: Псковский кузнечный двор, Музей пчеловодства, Музей рыбацкого края, Музей ретро-техники, Военно-исторический музей, Экопарк «Зооград», Птичий дворик.

В выходные дни сотрудник библиотеки «Диалог» проводит для всех желающих бесплатные экскурсии с элементами квеста «Псков по-научному». За час прогулки туристы, любознательные горожане узнают об истории Пскова и нескольких ученых, жизнь которых была связана с городом. Записаться на экскурсию могут все желающие в социальных сетях библиотеки [13].

Работа библиотек Пскова направлена на установление профессиональных контактов и международных связей в области краеведения, популяризацию культурного наследия. В 2022 году модельной библиотекой микрорайона Любятово «БиблиоЛюб» будет реализован модульный экскурсионный маршрут «Любятово на карте Пскова» при поддержке туристического агентства «Славянский тур».

В начале 2023 года в Пскове появится историко-культурный центр для горожан и туристов – обновлённая Историко-краеведческая

библиотека имени И. И. Василёва. На площади более 1800 квадратных метров разместятся библиотека, туристический центр, коворкинг, студия звукозаписи, кафе, смотровая площадка.

1. Краеведческая справочная служба [Электронный ресурс] // Централизованная библиотечная система города Пскова. – Режим доступа: <https://bibliopskov.ru/spravka.htm>. – Дата доступа: 31.08.2021.
2. Сайт Ганзейских дней в Пскове [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ganzapskov.ru>. – Дата доступа: 01.09.2021.
3. Парки, сады и скверы города Пскова [Электронный ресурс] // Централизованная библиотечная система города Пскова. – Режим доступа: https://bibliopskov.ru/pskov_gardens.htm. – Дата доступа: 01.09.2021.
4. Библиотечная конференция «Культура Приграничья» к 39-м Международным Ганзейским дням в Пскове [Электронный ресурс] // Централизованная библиотечная система города Пскова. – Режим доступа: https://bibliopskov.ru/ganza_konf.htm. – Дата доступа: 01.09.2021.
5. Ганза Нового времени на страницах местной периодической печати [Электронный ресурс] // Централизованная библиотечная система города Пскова. – Режим доступа: http://bibliopskov.ru/zip/ganza_ukazatel1.pdf. – Дата доступа: 01.09.2021.
6. Книга Софьи Шамраевой «Сказ о ганзейском хождении в землю псковскую» на русском, немецком и английском языках [Электронный ресурс] // Централизованная библиотечная система города Пскова. – Режим доступа: https://bibliopskov.ru/sshamraeva_books.htm. – Дата доступа: 01.09.2021.
7. Псков – столица Ганзейских дней-2019 [Электронный ресурс] // Централизованная библиотечная система города Пскова. – Режим доступа: https://bibliopskov.ru/pskov_ganza.htm. – Дата доступа: 01.09.2021.
8. Проект Центральной городской библиотеки г. Пскова «ПСКОВ & ЮНЕСКО» [Электронный ресурс] // Централизованная библиотечная система города Пскова. – Режим доступа: https://bibliopskov.ru/pskov_unesco.htm. – Дата доступа: 01.09.2021.
9. Издательский проект «Библиотечный путеводитель по Пскову» [Электронный ресурс] // Централизованная библиотечная система города Пскова. – Режим доступа: <https://bibliopskov.ru/putevoditel.htm>. – Дата доступа: 01.09.2021.
10. Издательский проект «Пушкин и Псков» [Электронный ресурс] // Централизованная библиотечная система города Пскова. – Режим доступа: https://bibliopskov.ru/pushkin_project.htm. – Дата доступа: 01.09.2021.
11. Неделя детской книги – 2021. «Под парусом книги к новым открытиям» [Электронный ресурс] // Централизованная библиотечная система города Пскова. – Режим доступа: <https://bibliopskov.ru/ndk2021.html>. – Дата доступа: 01.09.2021.
12. Раздел «Увлекательный туризм» на Детском краеведческом сайте «Познай свой край родной» [Электронный ресурс] // Централизованная библиотечная система города Пскова. – Режим доступа: http://www.pskovkid.ru/p/blog-page_3772.html#tur%D182. – Дата доступа: 01.09.2021.
13. Библиотека «Диалог» (город Псков) [Электронный ресурс] // Группа ВКонтакте «Библиотеки города Пскова». – Режим доступа: https://vk.com/biblioteka_dialog_pskov. – Дата доступа: 01.09.2021.

Смолик А. И.

КОНВЕНЦИИ ЮНЕСКО КАК ОСНОВА ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ АКТОВ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В ОБЛАСТИ СОХРАНЕНИЯ НЕМАТЕРИАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Ключевые слова: Беларусь, историко-культурное наследие, нематериальное культурное наследие, конвенция, защита, репрезентация, ЮНЕСКО.

Гармонизация национального законодательства в области культуры и охраны культурного наследия с основополагающими принципами международного права и конвенций ЮНЕСКО является важнейшим направлением государственной политики Республики Беларусь. Такое внимание к сфере культуры обусловлено уникальностью нематериального культурного наследия белорусского народа. Основой национальных нормативно-правовых документов по охране историко-культурного наследия, в том числе и нематериального наследия белорусского народа является всеобъемлющий юридический арсенал, созданный Организацией Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (далее – ЮНЕСКО). Во второй половине XX столетия и в первом десятилетии XXI в. ЮНЕСКО приняла ряд важных Международных Конвенций, Рекомендаций и Деклараций в сфере охраны культурного разнообразия во всех его проявлениях. Такое внимание международного сообщества обусловлено тем, что сохранение культурного наследия имеет большое значение для всех народов мира, так как оно является одним из основных элементов цивилизации и культуры человечества, обогащает культурную жизнь всех наций и способствует взаимному уважению и пониманию между странами.

Однако глобальные изменения во всех сферах человеческого сообщества, связанные с различными экономическими, политическими и социокультурными процессами, создают серьезную опасность для нематериального культурного наследия человечества. В Международной конвенции ЮНЕСКО об охране нематериального культурного наследия (2003 г.) отмечается, что «процессы глобализации и социальных преобразований, создавая условия для возобновления диалога между сообществами, вместе с тем являются, как и явление нетерпимости, источниками серьезной угрозы деградации, исчезновения и разрушения, которая нависла над нематериальным культурным наследием» [7, с. 2]. В связи с этим с первых дней своего существования ЮНЕСКО в качестве стратегического направления деятельности определило задачу способствовать эффективной охране, сохранению и популяризации культурного наследия.

Сразу после окончания второй мировой войны, принимая во внимание, что военные конфликты неизбежны, а их последствия могут обернуться непоправимой катастрофой для культурного наследия, на сессии ЮНЕСКО в 1954 г. была принята Гаагская конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта и два дополняющих ее протокола. В Конвенции подчеркивалось, что ущерб, наносимый культурным ценностям каждого народа, является ущербом для культурного наследия всего человечества. [2, с. 10]. Названной конвенцией устанавливались историко-культурные объекты, подлежащие обязательной охране от всевозможных последствий вооруженного конфликта. Государство, принявшее конвенцию, обязано было подготовить в мирное время охрану культурных ценностей, расположенных на их собственной территории, от возможных последствий вооруженного конфликта. Ему также рекомендовалось «запрещать, предупреждать и, если необходимо, пресекать любые акты кражи, грабежа или незаконного присвоения культурных ценностей в какой бы то ни было форме, а также любые акты вандализма в отношении указанных ценностей» [2, с. 12].

В 2000 г. депутатами Палаты представителей второго созыва Республики Беларусь был ратифицирован Второй протокол к Гаагской конвенции, в котором были определены нормы, устанавливающие усиленную защиту культурных ценностей в период вооруженного конфликта.

Огромный ущерб культурному наследию причиняет нелегальный оборот культурных ценностей. Этой проблеме международным сообществом придается в последнее время большое значение. По этому поводу принят ряд международно-правовых актов, среди которых можно выделить Конвенцию ЮНЕСКО о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности от 14 ноября 1970 г. [3, с. 41]. В данном документе подчеркивается, что указанные незаконные действия являются одной из основных причин обеднения культурного наследия стран [3, с. 41, 43]. Государствам-участникам Конвенции рекомендовалось: «а) предупреждать всеми надлежащими средствами передачу права собственности на культурные ценности, способствующие незаконному ввозу или вывозу этих ценностей; б) принимать меры, чтобы их компетентные службы сотрудничали в целях по возможности наиболее быстрого возвращения законным собственникам незаконно вывезенных культурных ценностей; в) допускать предъявление иска, направленного на возвращение утерянных или украденных культурных ценностей, со стороны или от имени законного собственника; г) признавать неотъемлемое право каждого

государства-участника Конвенции классифицировать и объявлять некоторые культурные ценности неотчуждаемыми, которые ввиду этого не должны вывозиться, и содействовать возвращению заинтересованным государствам» [3, с. 47].

О важности данной проблемы свидетельствует факт проведения в Минске в 2007 г. Международной конференции «Конвенции ЮНЕСКО в области охраны культурного наследия и национальное законодательство государств-участников СНГ», инициаторами которой выступили ЮНЕСКО, Бюро ЮНЕСКО в Москве, Национальная комиссия Республики Беларусь по делам ЮНЕСКО, Исполнительный комитет Содружества Независимых Государств, Министерство культуры Республики Беларусь, Институт государства и права Национальной академии наук Беларуси [6].

В современном обществе условия жизни изменяются очень стремительно, поэтому для гармоничного развития личности необходимо уберечь пригодную среду для жизни, в которой человек сохранит связь с природой и артефактами культуры. Каждый объект культурного и природного наследия является уникальным и исчезновение любого из них – это невосполнимая утрата и обеднение мирового сообщества. Имея это ввиду, ЮНЕСКО в 1972 г. принимает Конвенцию и Рекомендации об охране всемирного культурного и природного наследия [4, с. 51-66, 110-122]. Значение данного документа заключается в том, что в нем определена общая политика, направленная на придание культурному и природному наследию определенных функций в общественной жизни, включение его охраны в программы общего планирования. В целях реализации поставленных задач создавалась международная система международного сотрудничества и помощи государствам-странам Конвенции, учреждался фонд охраны всемирного культурного и природного наследия и просветительские программы.

Республика Беларусь обладает богатым потенциалом природного и культурного наследия, представленного многими природными памятниками, достопримечательными местами и зонами, имеющими универсальную ценность с точки зрения науки и эстетики. Беларусь славится неисчислимыми памятниками археологии, истории, архитектуры и градостроительства, декоративно-прикладного искусства, документальными источниками, отражающими исторический путь белорусского народа. Поэтому приоритетом государственной политики Республики Беларусь является бережное сохранение и приумножение бесценного культурного и природного наследия, активное его использование в жизни современного общества.

В условиях кризисного развития современного мира актуализируется задача защиты и сохранения культурных особенностей народов

и наций. В XXI в. она приобрела особую актуальность и стала ключевым моментом человеческого прогресса и самовыражения. Острота вопроса обусловлена угрозой глобальных процессов, стремящихся к унификации не только производственных, но и культурных процессов с одной стороны, а также деградацией и исчезновением многих всемирно известных культурных феноменов с другой стороны. Именно этим продиктовано принятие Всеобщей декларации ЮНЕСКО о культурном разнообразии в 2001 г. [5]. Декларация закрепила гуманистические инициативы, установив, что для развития гражданского общества, сохранения в нем культурного разнообразия и реального содействия ему необходимо развитие партнерских отношений между субъектами хозяйствования, между государственным и частным секторами и общественными организациями. Приняв данный документ, ЮНЕСКО подняла проблему культурного разнообразия на более высокий, чем послевоенный, иерархический уровень отношений и квалифицировала культурное разнообразие с общечеловеческих позиций значимости как общее наследие человечества, так необходимое для человечества и природы. Этим самым ввела новый этический императив, утверждающий уважение к достоинству индивида. Декларация 2001 г. фактически стала фундаментальным документом, закрепляющим новую биоэтику, и новую культуру.

Стремлением обеспечить охрану культурного наследия человечества обусловлено принятие ЮНЕСКО в 2003 г. отдельной Конвенции об охране нематериального культурного наследия (далее – НКН) [7]. Обращение Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры к НКН вызвано тем, что оно на протяжении веков является частью повседневной жизни людей, обеспечивает живое присутствие культурного прошлого, служит свидетельством богатства и разнообразия культурного, религиозного и социального творчества. В связи с этим его сохранение и ревитализация в практику современного общества квалифицируется как фундаментальный фактор развития цивилизаций [7, с. 2]. В статье 2 Конвенции подчеркивается, что НКН, передаваемое от поколения к поколению, постоянно воссоздаваемое сообществами и группами в зависимости от окружающей их среды, взаимодействия с природой и их историей, формирует у людей чувство самобытности и преемственности, содействуя тем самым проявлению уважения к культурному разнообразию и творчеству человека. Отличительной особенностью Конвенции 2003 г. от рассмотренных выше международных правовых актов является разграничение материального и нематериального наследия, по сути, введение нового понятия. Нематериальное культурное наследие трактуется как «живое наследие», передающееся поколениям и постоянно обогащающееся нациями и эт-

ническими группами. В статье 2 содержится определение НКН. «Оно, говорится в Конвенции, *«означает обычаи, формы представления и выражения, знания и навыки, – а также связанные с ними инструменты, предметы, артефакты и культурные пространства, – признанные сообществами, группами и, в некоторых случаях, отдельными лицами в качестве части их культурного наследия»* [7, с. 2]. Здесь же обозначены также области и формы его проявления: устные традиции и формы выражения, включая язык в качестве носителя нематериального культурного наследия; исполнительские искусства; обычаи, обряды, празднества; знания и обычаи, относящиеся к природе и вселенной; знания и навыки, связанные с традиционными ремеслами. В анализируемом нормативно-правовом документе сформулированы цели ЮНЕСКО и государств-участников Конвенции. Ими являются: охрана НКН, уважение нематериального культурного наследия соответствующих сообществ, групп и отдельных лиц; привлечение внимания на местном, национальном и международном уровнях к важности НКН и его взаимного признания; международное сотрудничество и помощь.

Таким образом, суммируя деятельность ЮНЕСКО вопросам, следует отметить, что самыми очевидными являются успехи в области сохранения культурного многообразия в условиях глобализации и постиндустриального развития человечества. На протяжении последних десятилетий ЮНЕСКО ведет целенаправленную деятельность по сохранению, защите и репрезентации нематериального культурного наследия. Конвенции, принятые на сессиях ЮНЕСКО сыграли ключевую роль в выработке и реализации международно-правовых инструментов по ряду неотложных вопросов в этой сфере, стали основой для Республики Беларусь при создании внутригосударственных законодательных актов своеобразным ориентиром при разработке закона Об охране историко-культурного наследия Республики Беларусь [1].

1. Аб ахове гісторыка-культурнай спадчыны Рэспублікі Беларусь : Закон Рэсп. Беларусь, 9 студз. 2006 г., № 98-3; в ред. Закона Респ. Беларусь от 28.12.2009 г. [Электронный ресурс] // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр» Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2011.
2. Конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта (14 мая 1954 г.) // Конвенции и рекомендации ЮНЕСКО по охране культурного наследия / Сост. В. В. Глинник. – Минск : Редакция журнала «Тыдзень», 1999. – С. 10–25.
3. Конвенция о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи собственности на культурные ценности (14 ноября 1970 г.) // Конвенции и рекомендации ЮНЕСКО по охране культурного наследия / сост. В. В. Глинник. – Минск : Редакция журнала «Тыдзень», 1999. – С. 41–50.

4. Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия (16 ноября 1972 г.) // Конвенции и рекомендации ЮНЕСКО по охране культурного наследия / сост. В. В. Глинник. – Минск : Редакция журнала «Тыдзень», 1999. – С. 51–66.
5. Конвенция об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения, принята на 33-й сессии Генеральной конференции Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры в Париже в 2005 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ifapcom.ru/files/Konventsia_ob_ohrane_i_pooschrenii_raznoobraziya_form_kulturnogo_samovyrazheniya.pdf. – Дата доступа: 08.09.2021 г.
6. Материалы Международной конференции «Конвенции ЮНЕСКО в области охраны культурного наследия и национальное законодательство государств-участников СНГ»: (Минск, 26–28 апреля 2007 г.) / Институт государства и права Национальной академии наук Беларуси. – Минск : Право и экономика, 2007. – 250 с.
7. Международная Конвенция об охране нематериального культурного наследия [Электронный ресурс]: принята 17 октября 2003 г. 32-й сессией Генеральной конференции ООН по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО). – Режим доступа: <http://unesdoc.unesco.org/images/0013/001325/132540r.pdf>. – Дата доступа: 08.09.2021.

Соловей А. П.
ВТОРАЯ «ВОЛНА»
ФЕМИНИЗАЦИИ БЕЛОРУССКОЙ АКАДЕМИЧЕСКОЙ НАУКИ:
ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

Ключевые слова: академическая наука, женщины-ученые, феминизация научных кадров, уровень феминизированности, факторы феминизации науки.

Процесс роста доли женщин в кадровом составе академической белорусской науки (*«феминизация научных кадров»*) в разные исторические периоды детерминировался рядом социально-экономических факторов. Изучение отдельных этапов включения женщин в производство научного знания дает возможность ретроспективно репрезентировать социально-профессиональное положение женщин-ученых, оценить динамику их представленности среди научных кадров. Данные, сохранившиеся в Центральном научном архиве Национальной академии наук Беларуси (ЦНА НАН Беларуси), позволяют рассмотреть уровень феминизированности научных кадров в структурных подразделениях Академии наук Белорусской ССР (АН БССР), а также квалификационно-должностной портрет женщин – научных сотрудников. Под *феминизированностью научных кадров* мы будем понимать уровень представленности женщин в научных кадрах, кото-

рый выражается в абсолютных числах либо долях, т. е. определенный результат феминизации научных кадров.

Период второй «волны» феминизации научных кадров начинается с середины 1960-х гг. и совпадает с экстенсивным ростом науки, а также характеризуется социальным равноправием женщин, гарантирующим равные с мужчинами возможности в получении образования и выбора сферы трудовой деятельности. Участие женщин во всех основных направлениях технических, естественных и гуманитарных наук, а не только в гуманитарных и медико-биологических, являлось важным показателем социального равноправия женщин [2, с. 169].

К основным социально-экономическим обстоятельствам, детерминировавшим процесс феминизации науки в данный период, следует отнести следующие. *Во-первых*, в 1960-х гг. наука занимала лидирующие позиции по оплате труда среди отраслей народного хозяйства, в научных учреждениях наметилось опережение темпов численности женщин по сравнению с мужчинами. *Во-вторых*, важным фактором феминизации науки являлся высокий темп роста общей численности научных сотрудников, так как правила административной системы способствовали оперативному заполнению вакансий в научных учреждениях. *В-третьих*, равноправие женщин во всех сферах жизни и деятельности общества находит конкретное воплощение в сфере научного труда: женщины все чаще вовлекаются в исследовательскую деятельность. *В-четвертых*, сокращение финансирования науки привело к прекращению экстенсивного ее развития (кризис науки в середине 1970-х гг.), что стало причиной увеличения доли женщин среди научных кадров. Материальное снижение престижа научной деятельности в отличие от других отраслей народного хозяйства, стало причиной большей представленности женщин в биологических и медицинских науках, прикладной математике. Падение престижа и общественной значимости науки вследствие отсутствия должностной карьеры молодых ученых и понижения оплаты труда, повлекло за собой уменьшение притока мужчин в науку [3, с. 40-41].

Анализ доступных архивных источников позволяет сделать вывод об увеличении и стабилизации численности женщин в АН БССР в данный период (таблица 1).

В 1975 г. в научно-исследовательских учреждениях АН БССР работало 8283 сотрудника, из них 4026 женщин, или 48,6 %. Среди научных сотрудников в количестве 4685 человек доля женщин составляла 40,7 %. В то время как среди докторов и кандидатов наук в количестве 173 и 1308 человек, женщины составляли 9,2 % и 35,4 % соответственно [4, Л. 4; Л. 6, Л. 45]. От общего числа руководителей научных подразделений (лабораторий, отделов, секторов) в количестве 300

человек, женщины составляли 8,0 % [4, Л. 48]. В числе академических научных сотрудников за четыре года доля женщин не изменилась и в 1979 г. составила 40,6 % от общего количества научных работников. В квалификационном срезе доля женщин снизилась: среди научных сотрудников с ученой степенью доктора и кандидата наук доля женщин составляла 7,8 % и 34,8 % от общей численности всех докторов и кандидатов наук [8, Л. 33].

Таблица 1. Доля женщин – научных работников АН БССР в общей численности научных сотрудников, руководителей структурного подразделения, кандидатов и докторов наук за 1975–1988 гг. (в %) *

Год	Доля женщин в общей численности научных работников	Из них:		
		Руководители научного подразделения	Кандидаты наук	Доктора наук
1975	40,7	8,0	35,4	9,2
1979	40,6	–	34,8	7,8
1981	42,7	7,2	35,0	7,8
1988	40,9	–	32,1	9,1

* Рассчитано по: [4, Л. 4,6,45,48; 8, Л. 33; 5, Л. 63; 7, Л. 24–85].

В начале 80-х гг. (1981 г.) среди работающих научных сотрудников, а также ученых со степенью кандидата и доктора наук женщины составляли 42,7 %, 35,0 % и 7,8 % соответственно [5, Л. 63]. К концу 80-х гг. (1988 г.) доля женщин среди научных сотрудников и ученых со степенью кандидата наук, снизилась и составила 40,9 % и 32,1 % соответственно. В то время как среди докторов наук доля женщин увеличилась на 1,3 % и составила 9,1 % [7, Л. 24–85].

Следует отметить, что в рассматриваемый период наблюдался гендерный дисбаланс в количественном составе научных кадров в зависимости от области науки. Женщины-ученые были представлены во всех отраслях знания, однако в разной пропорции. К примеру, в физико-математических науках их удельный вес был значительно ниже, чем в биологических, медицинских, химических и педагогических. В системе АН БССР в структурных подразделениях наук о живой материи женщины составляли 62,0 %, в физико-математических науках – 43,0 %. Доля женщин-ученых в Институтах физиологии, общей и неорганической химии, а также в Центральном ботаническом саду составляла 70,0 %. Однако в таких научных организациях, как Институт проблем надежности и долговечности машин, Институт прикладной физики и Институт физики, женщины составляли 31,0 %, 32,0 % и 33,0 % от общей численности научных сотрудников соответственно [1, с. 51].

Вторая «волна» феминизации академической науки активно был представлен женщинами, осваивающими первую ступень послевузовского образования (таблица 2).

Таблица 2. Численность женщин-аспирантов в общей численности академических аспирантов в период 1968–1988 гг. (в %) *

Год	Доля женщин в общей численности аспирантов
1968	38,8
1971	29,7
1979	23,3
1988	31,4

* Рассчитано по: [9, Л. 15; 10, Л. 3; 11, Л. 8; 6, Л. 4].

Как свидетельствуют данные, представленные в таблице 2, в общей численности лиц, обучающихся в аспирантуре, доля мужчин превалирует. В 1968 г. среди аспирантов в количестве 402 человек представительницы женского пола составляли 38,8 %. Следует отметить, что по сравнению с 1955 г. их доля в 1968 г. увеличилось на 8,1 %. [9, Л. 15]. В 70-х гг. женщин в аспирантуре стало значительно меньше. Это подтверждают следующие данные: в 1971 г. доля женщин составляла 29,7 %; в 1979 г. – 23,3 %. [10, Л. 3; 11, Л. 8]. На рубеже 1980–90-х гг. численность женщин среди аспирантов постепенно стала увеличиваться, и в 1988 г. удельный вес женщин среди аспирантов составил 31,4 % – практически каждая третья [6, Л. 4].

Таким образом, вторая «волна» феминизация научных кадров белорусской академической науки (середина 1960-х – конец 1980-х гг.) обуславливается различными факторами, которые условно можно объединить в два этапа. Первый этап был связан с ростом научно-исследовательских учреждений и проектов, а также с социальным равенством женщин. Второй – с падением престижа науки, который детерминировал уход мужчин из научной сферы. Несмотря на социально-экономические обстоятельства, которые способствовали вовлечению женщин в ряды научных сотрудников, наблюдается гендерных дисбаланс как на квалификационном, так и на должностном уровнях в научных институтах. На протяжении рассматриваемого нами периода доля женщин среди ученых со степенью кандидата и доктора наук в среднем составляла 34,3 % и 8,5 % соответственно, на руководящих должностях численность женщин-ученых значительно уступала мужчинам-ученым.

Теоретико-практическая значимость и новизна полученных результатов заключается во введении в научный оборот архивных дан-

ных ЦНА НАН Беларуси о количестве, квалификации, занимаемых должностях женщин – научных сотрудников. Это позволяет комплексно оценить представленность женщин в кадровом составе академической белорусской науки в рассматриваемый исторический период и обозначить дальнейший вектор в изучении гендерного состава научных кадров, развитии гендерных исследований в научной сфере.

1. Корзенко, Г. В. Научная интеллигенция Белоруссии в 1944–1990 гг. (подготовка, рост, структура) / Г. В. Корзенко. – Минск : Фіска А-СКАД, 1995. – 74 с.
2. Корзенко, Г. В. Научные кадры Белоруссии: проблемы формирования и развития (1944–1990 гг.) : дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / Г. В. Корзенко. – Минск, 1996. – 257 с.
3. Научный потенциал республики / В. Г. Василега [и др.] ; под ред. Г. А. Несветаилова. – Минск : Навука і тэхніка, 1991. – 176 с.
4. Центральный научный архив Национальной академии наук Беларуси (далее – ЦНА НАН Беларуси). – Ф. 1а. Оп. 1. Д. 493.
5. ЦНА НАН Беларуси. – Ф. 1. Оп. 1. Д. 2337.
6. ЦНА НАН Беларуси. – Ф. 1. Оп. 1. Д. 2982.
7. ЦНА НАН Беларуси. – Ф. 1. Оп. 1. Д. 3035.
8. ЦНА НАН Беларуси. – Ф. 1а. Оп. 1. Д. 518.
9. ЦНА НАН Беларуси. – Ф. 1б. Оп. 1. Д. 283.
10. ЦНА НАН Беларуси. – Ф. 1б. Оп. 1. Д. 298.
11. ЦНА НАН Беларуси. – Ф. 1б. Оп. 1. Д. 326.

Твердохлебова Ю. Б.

**ВОСПОЛНЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО РЕПЕРТУАРА
ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ: СОТРУДНИЧЕСТВО НАЦИОНАЛЬНОЙ
БИБЛИОТЕКИ БЕЛАРУСИ С УЧРЕЖДЕНИЯМИ Г. ВИТЕБСКА**

Ключевые слова: национальные периодические издания, восполнение фонда, обеспечение сохранности, цифровые копии, Национальная библиотека Беларуси, Государственный архив Витебской области, Витебский областной краеведческий музей.

Учреждения информационной сферы (библиотеки, архивы, музеи) всегда выполняли схожие задачи: сбор, хранение и обеспечение сохранности культурного наследия, информирование пользователей об имеющихся в фондах ресурсах, а также качественное и оперативное обеспечение доступа к этим ресурсам. И если музеи и архивы «выполняют функции краеведческой памяти, представляют историю края или области, как неотъемлемое звено истории страны» [1], то в соответствии с «Кодексом Республики Беларусь о культуре» именно за Национальной библиотекой Беларуси (далее – НББ) закреплена функция по

формированию, постоянному хранению, сохранению наиболее полной коллекции отечественных документов [2]. В силу организационно-временных особенностей формирования фонда (начало приходится на 20-е годы XX ст.), значительных потерь документов фонда в годы Великой Отечественной войны, нехватки помещений для хранения постоянно растущих фондов и обеспечения в них необходимого светового, температурно-влажностного и санитарно-гигиенического режимов на протяжении почти всего 20-го века, коллекции национальных документов остаются неполными. На современном этапе прилагаются значительные усилия по выявлению лакун и восполнению фонда.

В данной статье речь пойдет о периодических изданиях, являющихся ценными историческими источниками информации, в которых наиболее оперативно освещались достижения в различных областях знаний и сферах деятельности [4].

Коллекция периодических изданий НББ представляет собой специализированную часть основных фондов. Она содержит уникальные газеты, журналы и продолжающиеся издания дореволюционного, межвоенного, военного и советского периодов, документы стран постсоветского пространства, а также современные белорусские и иностранные документы.

В настоящее время общий объем фонда журналов и продолжающихся изданий НББ насчитывает более 3 млн 295 тыс. экземпляров на 50 языках мира, начиная с XVIII века. Национальные журналы составляют около 11 % от общей коллекции.

Газетный фонд НББ содержит более 89 тыс. переплетных единиц (более 52 тыс. годовых комплектов) на 25 языках мира, начиная с конца XIX века. Коллекция национальных газет (более 3 500 наименований) составляет порядка 65 % от общего объема газетного фонда [3].

На протяжении многих лет НББ ведет планомерную работу по восполнению репертуара отечественных периодических изданий как оригиналами, так и их электронными копиями. Это является важной составляющей в обеспечении формирования и сохранности историко-культурного наследия. При этом НББ реализует целый комплекс мероприятий:

- анализ фонда периодики НББ с точки зрения полноты, физического состояния, выявление дефектных и отсутствующих в НББ экземпляров, формирование картотеки либо списков таких изданий;
- выявление белорусской периодики, отсутствующей в НББ, в других библиотеках и учреждениях информационной сферы Беларуси (архивах, музеях), в библиотеках других стран, а также выявление электронных копий национальных периодических изданий в открытых проектах сети Интернет;

– проведение переговоров с организациями-фондодержателями о предоставлении НББ белорусских национальных документов во временное пользование для создания цифровой копии либо для её получения;

– заимствование либо приобретение электронных копий в библиотеках и других учреждениях, в редких случаях – получение аутентичного экземпляра.

Всё это крайне трудно сделать без поддержки архивных и музейных учреждений, прежде всего нашей страны. Примером такого взаимодействия стала совместная работа, начало которой было положено весной 2020 года в результате командировки сотрудников отдела хранения специализированных фондов НББ (далее – ОХСФ) в г. Витебск для выявления в архивах и музеях белорусских национальных периодических изданий, отсутствующих в НББ, а также рассмотрения возможностей заимствования электронных копий документов. Основным объектом изучения стали фонды Государственного архива Витебской области (далее – Архив) и Витебского областного краеведческого музея (далее – Музей).

На основе научно-справочного аппарата Архива были проанализированы «Коллекция периодической печати, тематических подборок периодической печати и неперIODических изданий за 1886-1991 гг.», «Коллекция печатных материалов периода Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.)», а также «Архивные описи дел постоянного хранения», состоящие из следующих разделов:

- Печатные материалы дореволюционного периода за 1886-1917 гг.;
- Печатные материалы довоенного периода за 1917-1940 гг.;
- Тематические подборки периодических изданий за 1900-1991 гг.;
- Печатные материалы оккупационных властей. Крайние даты: 1941-1944 гг.

В ходе анализа собранного материала выявлено 48 экземпляров журналов (21 название) и 439 экземпляров газет (73 названия), которые отсутствуют в фонде НББ. Стоит отметить, что большинство периодических изданий представлено в фонде Архива как в печатной версии, так и в электронном виде с высоким качеством оцифровки. Достигнута договоренность об обмене цифровыми копиями национальных периодических изданий на безвозмездной основе на взаимовыгодных условиях.

В Музее был изучен «Перечень периодических печатных изданий, хранящихся в фонде» (далее – Перечень). На текущий момент в документальной коллекции Музея выявлено 224 экземпляра газет, которые отсутствуют в фонде НББ. В их числе экземпляры таких газет, как: «Витебские губернские ведомости», областная газета «Віцебскі рабо-

чы», районные газеты «Большавіцкая трыбуна», «Большавіцкі шлях», «Дзвінская праўда», «Калгасная праўда», «Ленінская іскра», «Ленінскі прызыў», «Ленінскі сцяг», «Прамень камунізму» и др., многотиражные газеты «Знамя новостройки», «Машиностроитель», «Строитель», «Сцяг індустрыялізацыі», «Сцяг працы», военные газеты «За Советскую Родину», «К оружию» и др. К сожалению, в Перечне была отражена неполная информация о номерах периодических изданий. Достигнута договоренность о предоставлении дополнительной информации сотрудниками Музея по сформированному запросу от сотрудников ОХСФ после окончательного анализа Перечня.

Необходимо отметить, что деятельность по восполнению национального репертуара периодических изданий в НББ носит комплексный характер, в ней задействованы различные структурные подразделения библиотеки. Так, наработанный в г. Витебске материал систематизирован и передан в Отдел формирования электронной библиотеки, сотрудники которого осуществляют значительный объем работ по проведению переговоров о получении от учреждений цифровых копий либо необходимых аутентичных экземпляров и созданию их электронных копий, а также последующему размещению в депозитарии электронных документов. Цифровые копии станут частью Электронной библиотеки НББ (далее – ЭБ НББ), которая является одним из сегментов национального цифрового наследия страны. В настоящее время доступ к видовым и тематическим коллекциям ЭБ НББ пользователи могут получить в стенах библиотеки. Планируется реализовать механизм обеспечения доступа к электронным копиям документов в удаленном режиме.

Сотрудничество НББ с Архивом и Музеем показало эффективность работы в данном направлении, благодаря которой лакуны фонда национальных периодических изданий НББ заполняются электронными аналогами. В случае заинтересованности цифровые копии передаются в учреждения-фондодержатели. Стоит отметить, что для НББ крайне важны как виртуальная реконструкция национальных изданий, так и сбор, хранение аутентичных экземпляров. Материально-техническая база НББ и созданные условия хранения фонда позволяют обеспечить долговременное и надежное хранение, реставрацию, а также сохранность всех видов документов. Кроме того, в НББ обеспечено отражение всех изданий в информационно-поисковых системах и возможность их продвижения для исследователей исторического прошлого, краеведов, широкого круга любителей истории, предоставлен доступ пользователей к репертуару фонда для изучения историко-культурного наследия белорусского народа. Взаимодействие между библиотеками, архивами, музеями способствует как установ-

лению новых профессиональных контактов, так и выполнению поставленных перед учреждениями задач в части сохранения историко-культурной памяти общества.

1. Гаврилова, С. В. Сотрудничество библиотек, музеев и архивов в области интеграции информационных ресурсов / С. В. Гаврилова // Культур. жизнь Юга России. – 2014. – № 3. – С. 93–95.
2. Кодэкс Рэспублікі Беларусь аб культуры : прыняты Палатай прадстаўнікоў 24 чэрв. 2016 г. : адобр. Саветам Рэсп. 30 чэрв. 2016 г. : уступае у сілу з 3 лют. 2017 г. – Мінск : Нац. цэнтр прававой інфарм. Рэсп. Беларусь, 2016. – 270 с.
3. Переверзева, Ю. А. Формирование и сохранность фонда периодических изданий в современных социально-экономических условиях: практика Национальной библиотеки Беларуси / Ю. А. Переверзева, Ю. Б. Твердохлебова // Библиотечные фонды: проблемы и решения : XI Всерос. науч.-практ. конф., Казань, 1–5 окт. 2018 г. / Рос. библиот. ассоц. [и др.] ; отв. сост. И. В. Эйдемиллер ; отв. ред. Я. А. Михневич. – Казань, 2018. – С. 93–97.
4. Твердохлебова, Ю. Б. Восполнение газетного фонда Национальной библиотеки Беларуси как необходимое условие обеспечения сохранности отечественного документного наследия / Ю. Б. Твердохлебова, Т. Г. Комлева // Беларускія архівы на мяжы тысячагоддзяў: здабыткі і страты : матэрыялы навук.-практ. канф., прысвеч. 80-годдзю Нац. гіст. арх. Беларусі, Мінск, 28 чэрв. 2018 г. / Нац. гіст. арх. Беларусі, НАН Беларусі, Ін-т гісторыі ; рэдкал.: В. І. Кураш (старш.) [і інш.]. – Мінск, 2019. – С. 339–344.

Шарковская Н. Ю.
КОЛЛЕКЦИЯ НЕГАТИВОВ ЛИЧНОГО АРХИВА Л. В. АЛЕКСЕЕВА
В СОБРАНИИ УК «ВОКМ»

Ключевые слова: архив Л. В. Алексеева, УК «ВОКМ», коллекция негативов.

2021 год – год 100 летнего юбилея со дня рождения Леонида Васильевича Алексеева – доктора исторических наук, видного археолога-слависта, крупного ученого XX века, знатока археологии, истории и в целом древностей Беларуси. Цель публикации – знакомство широкой аудитории с коллекцией фотонегативов личного архива Л. В. Алексеева, как одного из видов нашего культурного наследия.

Судьбы Леонида Васильевича и Витебского областного музея тесно переплелись и дали импульс плодотворному сотрудничеству и созиданию, которое продолжалось более полувека [5]. В фондах музея насчитывается не менее 10 тысяч экспонатов, связанных с Алексеевым и выявленных благодаря его деятельности. Только в археологическом собрании ВОКМ хранится порядка 4507 находок с 18 памятников, изученных им. Эти предметы не лежат в хранилищах, а активно

«работали» и «работают» на выставках и экспозициях ВОКМ, широко используются в лекционной и исследовательской работе сотрудников и специалистов.

Виртуально сотрудничество Л. В. Алексеева и ВОКМ продолжилось и после его уходи из жизни – летом 2013 года родственниками была передана музею часть научного и личного архива ученого. Среди этих материалов оказалась богатейшая коллекция фотонегативов 1945-1990-х годов в количестве 3 577 ед. (ВОКМ КП 27236/1-1859; НВ 11587/01-1718)

Это кадры на негативных черно-белых фотопленках шириной 60 мм, 35 мм и листовой пленке. Размеры негативов 6х9 см, 6 х 6 см; 6 х 4 см, а также стереопары. Основную массу, более половины, представляют негативы 6 х 9 см, на втором месте по количеству кадры 6 х 6 см и 4,5 х 6 см. Снимки на 35 мм перфорированной пленке – минимальны. 383 ед. хранения – стереопары.

Хронологические рамки коллекции: 1947 – конец 1990-х годов (без учета датировки переснятых документов XIX века).

Тематическая структура коллекции:

1. **Разведки 1950–51 гг.** в Городокский, Меховский, Суражский, Лепельский, Толочинский, Оршанский районы Витебской области. Снимки городищ, курганов, курганных могильников. Часть фотографий с этих негативов были опубликованы в ряде изданий [1. 2]. Особую ценность представляет панорамная съемка объектов.

2. **Раскопки Браслава (1955-56 годы) и Друцка (1956-1962, 1965, 1967) по годам и раскопам.** Свыше 700 негативов со снимками площадок и панорам местности до закладки раскопа, снимками разбивки квадратов и поэтапных работ в раскопе по пластам. Большая часть негативов – стереопары. Неотъемлемой частью комплекса – снимки людей в процессе их работы на раскопах, в моменты обеденных перерывов, отдыха, а так же сценки экспедиционного быта. Информативны и образны целые циклы снимков под общим названием «Жизнь экспедиции» - моменты приезда, обустройства, организации быта и отдыха, культурная программа с экскурсиями и прогулками по окрестностям с выявлением памятных и исторических мест и, наконец, сценки отъезда и прощания. Комплексы дополняют фотоснимки местных жителей - хозяев, у которых проживали, а так же гостей, которые наведывали раскопы – местное и областное начальство, экскурсионные группы учителей и преподавателей школ и вузов, музейных работников и т.д. Комплекс представляет огромную ценность для науки и позволяет подробно воссоздать процесс проведенных работ при раскопках Друцка.

3. **История археологии.** Негативные снимки материалов, выявленных в архивах и подготовленных для монографических изданий и книг. Это подборка портретов историков, археологов, краеведов и любителей древностей, занимавшихся археологией и краеведением Беларуси. Карты, схемы, фотографии архитектурных памятников и комплексов находок из материалов дореволюционных раскопок, хранившихся в различных музеях СССР и зарубежья. Например, «Негативы съемок Успенского в ГИМе», «Рогволодов камень внутри церкви, 1890-е гг.», «Полоцк, Раскопки Покрышкина у Софии, 1913 г.», «Крест Евфросинии Полоцкой» и др.

4. **Композиторы.** Музыка занимала в жизни Л. В. Алексеева одно из основных мест. Поэтому не удивительно, что в его коллекции негативов имеется пересъемка портретов выдающихся композиторов, музыку которых он особо выделял.

5. **Поездки и путешествия по Белоруссии.** Здесь представлены снимки исторических мест, памятников истории и культуры Подвинья, Поднепровья и Понемонья, выполненные для подготовки популярных изданий из серии «Дороги к прекрасному» [3.4]. Специальные командировки в этих целях по Подвинью и Поднепровью были осуществлены во второй половине 1960-х годов, а по Понеманью в 1975-77 годах. В комплекс включены также художественные снимки, которые Алексеев делал всегда во время своих разведок, командировок, поездок с конца 1940-х до 1990-х годов. Отдельно стоит отметить негативы видов Гродно, Витебска, Минска, Полоцка конца 1940-х – начала 1950-х годов, когда Леонид Васильевич посетил их впервые, после распределения по окончании МГУ и поступления в аспирантуру. Материалы представляют уникальную коллекцию видов белорусских городов (областных и районных центров), местечек, деревень¹ с их улочками, домами, остатками старинных церквей и костелов, парковых ландшафтов и других памятников истории и архитектуры. Значительная часть материалов раздела никогда не публиковалась

6. **Путешествия и поездки.** Один из самых обширных разделов, включающий ряд подтем:

- **Тамань.** Комплекс разносторонне отражает работу и жизнь археологической экспедиции в Тамани под руководством Б.А.Рыбакова. Л. Алексеев и его супруга два сезона 1953 и 1954 годов работали в ней. Леонид Васильевич приобрел там большой опыт по методике проведения раскопок, организации работы, быта и культурного

¹ В коллекции представлены снимки порядка 40 населенных пунктов Витебской области, 34 – Гродненской, 7 – Могилевской, 5 – Минской и по 2 в Гомельской и Брестской областях

отдыха членов экспедиции. Впоследствии все это он широко применил на практике в Друцке и Мстиславле.

- *Старинные имения и дворцовые комплексы. Подмосковье 1950-е – нач. 1960-х годов: Абрамцево, Кузьминки, Коломенское, Марфино, Царицыно, Переделкино, Петрищево, Дубровица, Троицкое-Кайнарджинское, Середниково - лермонтовские места; Ратухино, Охотино - дачи Шаляпина и К.Коровина и др.; Ленинград и его пригороды (1958, 1962 годы).* Алексеева всю жизнь привлекали места старинных усадеб, поместий - в рабочих командировках и путешествиях он всегда старался посетить их и запечатлеть на пленку то, что сохранилось от былого великолепия.
- *Древнерусские и старинные города России.* (Новгород, Псков, Кириллов, Ферапонтово, Ярославль, Ростов Великий, Переславль, Старица, Владимир, Александров, Суздаль, Кидекша, Муром; Смоленск, Рославль, Любавичи). На пленках запечатлены старинные храмы, памятники культуры и архитектуры, а также улицы, площади и уголки этих городов и городков, какими застал их Алексеев в 1950-х – начале 1960-х годов.
- *Монастыри (Полоцкий Спасо-Евфросиниевский, Донской, Новоспасский, Ферапонтов, Святогорский, Троице-Сергиева Лавра и др.). Съемка 1950-х -1970-х годов*
- *Прибалтика 1950-е, 1960 год (Вильнюс, Рига, Пярну, Таллин, Нарва, Иван-город, Кёнигсберг, Тильзит); ныне – Калининград и Советск.*
- *Украина (Киев, 1950; Львов 1955,1957 годы, Мукачево 1957-1963 годы, Каменица, 1957, Ужгород 1950-е годы, Закарпатье)*
- *Польша и Чехословакия 1958 и 1968 годы (Бискупин, Варшава, Гданьск, Жешув, Калиш, Краков, Познань, Прага*

7. **Семья.** Обширный раздел, состоящий из следующих подтем:

- *Деды и прадеды*
 - предки отца - Алексеевы-Краль
 - предки матери – Горожанкины – Чистяковы – Евреиновы
- *Иван Николаевич Горожанкин, его супруги и дети*
- *Тетя Оля (Горожанкина-Анольди). Семейство Арнольди. Владимир Митрофанович, Константин Владимирович и Лев Владимирович Арнольди и их семьи.*
- *Мама Екатерина Ивановна Алексеева (Горожанкина)*
- *Жена – Наталия Владимировна Ширяева. Её предки Иковы-Ширяевы и родители - Софья Алексеевна и Владимир Константинович. Няня.*
- *Дети и внуки – Валя, Лёничка, Данилушка, Мишенька.*
- *Леонид Васильевич Алексеев*

Подразделы «Деды и прадеды» «Иван Николаевич Горожанкин, его супруги и дети» и «Семейство Арнольди» представлены пересъемкой фотографий последней трети XIX – начала XX века. Снимки остальных разделов датируются второй половиной 1940-х – 1990-ми годами. Это не только портретные, но в большинстве своем сюжетные и групповые снимки. Ценными являются домашние сценки повседневного быта и праздников в старых и новых московских квартирах с их интерьерами. Они дают представление, как встречали Новый год, отмечали дни рождения, а также Пасху (еще в конце 1960-х), другие праздники и торжества, как отдыхали и работали.

8. Москва. Вся жизнь Л. В. Алексеева связана с этим городом. Он постоянно фотографировал Берсеневскую набережную, где прожил более 40 лет. Сохранились виды Москва-реки, набережной, самого дома, его внутреннего двора, церкви св. Николы – не только в разные поры года, но и разные десятилетия XX века. Но само главное, Л. В. Алексеев запечатлел разные поколения жильцов этого дома на набережной в их квартирках и во дворе, в праздники и будни. Кроме Берсеневки, родными для Алексеева стали и сохранились на снимках Подсосенский переулок, Чистые пруды, Ботанический сад и Прибрежный проезд в Химках, где он провел вторую часть своей жизни.

9. Друзья и знакомые, соседи и коллеги. Негативы снимков школьных приятелей и соседей (Валька и Нина Акимовы, Берковские, Степановы, Почиталовы, Колька Пономарев, Глаголев, «Сапожок»), семей друзей и близких знакомых (Волонтонысы, Гиджео, Гуревичи, Кнабе, Кондорские, Малюченко, Мейеры, Миллеры, Наследовы, Рыбаковы, Лубоцкие, Харлапы, Габай и др.). Л. В. Алексеев и его супруга хорошо знали многих диссидентов и правозащитников 1960-70-х годов. С семьями некоторых из них дружили – например, Ильи и Галины Габай. Теплые и дружеские отношения сложились и сохранились на протяжении всей жизни у Л.В. Алексеева с краеведами, директорами и работниками музеев и школ и простыми жителями Гродно, Витебска, Друцка и Мстиславля, Рославля и др. городов и местечек, где он проводил раскопки и разведки. Мигуновы, Будаи, Ивановы, Рывкины, Лагойко, Хомко и многие другие остались на его снимках. Отдельный комплекс – снимки с коллегами-археологами – российскими, прибалтийскими, польскими, белорусскими. Причем на многих из них запечатлены молодые люди, которые заканчивали вузы и только начинали свой путь в науку, ставшие впоследствии знаменитыми (П. Раппопорт, А. Кирпичников, А. Никитин, Т. Никольская, А. Митрофанов и др.)

Коллекцией фотонегативов личного архива Л. В. Алексеева в собрании УК «ВОКМ» на сегодняшний день составляет 3 577 единиц хранения.

Благодаря пожизненному увлечению Леонида Васильевича историей и фотографией, на пленках сохранилась фактически не только жизнь его и его семьи, но и виды городов, местечек, старинных зданий, церквей, костелов т.е. памятников культуры, архитектуры и просто старины (многие из которых уже оказались утраченными), а также снимки простых людей из белорусской глубинки, с которыми он знакомился в своих командировках. Многие из этих знакомств перерастали в дружбу на всю жизнь. Материалов комплекса хватит не на один десяток выставок по различным регионам не только Беларуси и европейской части России, но и ряда соседних государств ближнего и дальнего зарубежья. А специалисты по истории и археологи найдут много интересного и значимого для науки.

1. Алексеев, Л. В. Археологические памятники эпохи железа в среднем течении Западной Двины / Л. В. Алексеев // Вопросы этнической истории народов Прибалтики: по данным археологии, этнографии и антропологии / под ред. С. А. Таркановой и Л. Н. Терентьевой. – Москва : Изд-во Акад. Наук СССР, 1959. – С. 273–315. (Труды Пибалт. объедин. комплексной экспедиции // Под общ. ред. Х.А.Моора и др. Акад. наук СССР. Акад. наук Эстон.ССР. Акад. наук Латв. ССР. Акад. наук БССР; Т. I.)
2. Алексеев, Л. В. Полоцкая земля / Л. В. Алексеев. – Москва : Наука, 1966. – 296 с.
3. Алексеев, Л. В. По Западной Двине и Днепру в Белоруссии / Л. В. Алексеев. – Москва : Искусство, 1974. – 141 с. (Дороги к прекрасному).
4. Аляксееў, Л. В. Гродна і помнікі Панямоння / Л. В. Аляксееў. – Мінск, 1996. – 191 с.
5. Шарковская, Н. Ю. Ученый и музей (о сотрудничестве ВОКМ с Л.В. Алексеевым) / Н. Ю. Шарковская // Віцебскія старажытнасці : матэрыялы навук. канф., Віцебск, 28–29 кастр. 2010 г. – Мінск : Медысонт, 2012. – С. 60–69.

Юрчак Д. В. **СОДЕРЖАНИЕ ПОНЯТИЯ «КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ»** **В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

Ключевые слова: культурное наследие, культурные ценности, воинские захоронения, археологическое наследие, законодательство.

В настоящее время в наш обиход широко вошло понятие «культурное наследие», которое мы чаще всего применяем как синоним привычным с советского времени «памятникам истории и культуры» либо «историко-культурному наследию». Действительно, эти понятия очень близки, но даже на уровне действующего законодательства они разведены между собой, так как понятие «культурное наследие» более широкое. Попробуем детальнее разобраться в этих тонкостях и понять, что же включает в себя фактически и юридически культурное наследие.

Следуя логике действующего законодательства культурным наследием следует считать совокупность всех культурных ценностей. При этом в ст. 66 Кодекса Республики Беларусь о культуре подробно перечисляются виды культурных ценностей, которые, соответственно, и должны составлять культурное наследие. В зависимости от формы воплощения содержания культурные ценности подразделяются на материальные и нематериальные культурные ценности.

В зависимости от особенностей хранения (охраны) и использования культурные ценности делятся на:

- 1) историко-культурные ценности;
- 2) культурные ценности, составляющие библиотечный фонд Республики Беларусь, Национальный архивный фонд Республики Беларусь или включены в Музейный фонд Республики Беларусь, за исключением историко-культурных ценностей;
- 3) культурные ценности, предлагаемые в установленном порядке для придания им статуса историко-культурной ценности;
- 4) другие культурные ценности [2].

Предложенная классификация культурных ценностей, с одной стороны, даёт представление о том, что же мы можем включать в это понятие. С другой стороны, последний пункт (другие культурные ценности) оставляет широкий спектр для вариаций. Классификация культурных ценностей в зависимости от особенностей хранения (охраны) по сути основывается на наличии правового статуса (документов, регулирующих данную сферу) у тех или иных материальных объектов или нематериальных проявлений творчества человека. В то же время, старинная усадьба (здание, церковь), не включенная в Государственный список историко-культурных ценностей Республики Беларусь и не предложенная в установленном порядке для включения в него, в этот перечень не попадает. То же самое может касаться ценного документа, картины, предмета музейного значения, археологического артефакта и т.д., которые не включены в архивный или музейный фонд. Всех их легко отнести к тем самым «другим культурным ценностям».

Более четкое представление о культурных ценностях может дать определение этого понятия в подпункте 1.8 ст. 1 Кодекса Республики Беларусь о культуре, в котором говорится, что под культурными ценностями нужно понимать созданные (преобразованные) человеком или тесно связанные с его деятельностью материальные объекты и нематериальные проявления творчества человека, имеющие историческое, художественное, научное или иное значение [2]. Таким образом, в этом определении подчеркивается, что культурной ценностью может быть объекты и проявления, относящиеся к материальной и духовной культуре. Уже этот факт свидетельствует о том, что

понятие «культурная ценность» более широкая чем прежняя советская категория «памятник истории и культуры», касающаяся только материальных объектов.

Ключевыми критериями для культурной ценности на уровне законодательства отмечено наличие исторического значения (предмет или нематериальное проявление творчества человека имеют значение с точки зрения истории), художественного (художественная значимость) и научного (ценность для науки). Границы этих критериев весьма условны и размыты, а во многих случаях ещё и субъективны. Это же касается и названных в правовой норме «иных критериев». Сюда, на наш взгляд, можно включить также весьма обобщенное культурное значение, а также значение для патриотического и эстетического воспитания. При этом данный перечень, безусловно, можно продолжить.

Для более четкого понимания категории «культурная ценность» стоит обратиться к международному и зарубежному опыту. В Федеральном законе РФ от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» данная категория рассматривается как синоним памятникам истории и культуры: «К объектам культурного наследия (памятникам истории и культуры) народов Российской Федерации... относятся объекты недвижимого имущества (включая объекты археологического наследия) и иные объекты с исторически связанными с ними территориями, произведениями живописи, скульптуры, декоративно-прикладного искусства, объектами науки и техники и иными предметами материальной культуры, возникшие в результате исторических событий, представляющие собой ценность с точки зрения истории, археологии, архитектуры, градостроительства, искусства, науки и техники, эстетики, этнологии или антропологии, социальной культуры и являющиеся свидетельством эпох и цивилизаций, подлинными источниками информации о зарождении и развитии культуры» [5].

Как видно из этой дефиниции, российский подход к определению данной категории существенно отличается от белорусского, а главное, он вносит уточнения касаясь отнесения к культурному наследию (ценностям) археологических объектов, произведений искусства и многих иных объектов.

Стоит обратить внимание на тот факт, что термин «культурное наследие» появился относительно недавно. Это связано с появлением Конвенции ЮНЕСКО «Об охране всемирного культурного и природного наследия» от 16 ноября 1972 г., где впервые приводится состав культурного наследия: «Культурное наследие включает памятники: произведения архитектуры, монументальной скульптуры и живописи, элементы или структуры археологического характера, надписи, пеще-

ры и группы элементов, которые имеют выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, искусства или науки; ансамбли: группы изолированных или объединенных строений, архитектура, единство или связь с пейзажем которых представляют выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, искусства или науки; достопримечательные места: произведения человека или совместные творения человека и природы, а также зоны, включая археологические достопримечательные места, представляющие выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, эстетики, этнологии или антропологии» [3]. Такая дефиниция, выполненная в форме перечисления основных объектов наследия, позволяет увидеть весь спектр материальных объектов, которые могут входить в состав культурного наследия.

Вопрос об определении термина «культурное наследие» касается не только нормативно-правовой базы, но затрагивается во многих гуманитарных науках. Культурное наследие – термин, употребляемый в истории культуры и культурологии для обозначения совокупности всех культур, достижений (материальных и духовных) данного общества, его исторический опыт, сохраняющийся в арсенале общественной памяти (в том числе подвергнувшийся переоценке). Культурное наследие обладает непреходящей ценностью, поскольку к нему относятся достижения различной давности, переходящие к новым поколениям в новые эпохи [1, с. 237].

По мнению Л.В. Кошман: «Вне связи со своим культурным прошлым нация, народ обедняет свой интеллектуальный и творческий потенциал. Поэтому национальное наследие, в котором заключена историческая память народа, – это самоидентификация, культурный код нации. Это часть материальной и духовной культуры, созданная прошлыми поколениями, выдержавшая испытание временем и передающаяся поколениям как наиболее ценное достояние» [4, с. 8]. Тем самым, к культурному наследию мы можем отнести широкий спектр материальных объектов и нематериальных проявлений творчества человека, которые можно попробовать группировать.

С учетом зарубежного опыта и общих представлений о культурном наследии попробуем детализировать те виды культурных ценностей, которые «скрываются» в ст. 66 Кодекса Республики Беларусь о культуре под общей фразой «другие культурные ценности». К ним мы будем относить только те виды, которые соответствуют критериям культурных ценностей, обозначенных в ст. 1 Кодекса Республики Беларусь о культуре, имеют собственное законодательство в сфере культуры или иных смежных сферах. В пользу правомерности последнего уместно обратить внимание на то, что культурными ценностями признаются документы Национального

архивного фонда, хотя эта сфера не регулируется нормами Кодекса Республики Беларусь о культуре.

На наш взгляд, к отдельному виду культурных ценностей, необходимо относить объекты археологического наследия (археологические объекты и артефакты). В большинстве своём они имеют историческое и научное, а в некоторых случаях и художественное значение, правоотношения в данной сфере регулируются нормами Кодекса Республики Беларусь о культуре и иными нормативно-правовыми актами. Многие археологические объекты и артефакты имеют статус историко-культурной ценности или могут претендовать на получение такого статуса. Кроме того, законодательство РФ и международное право признают археологическое наследие частью культурного наследия.

При этом к археологическому наследию стоило бы отнести и антропогенные ландшафты (включая места боёв, фортификационные сооружения и т.д.), а также артефакты периода Великой Отечественной войны, но для этого надо отказаться от «плавающей» хронологической границы археологического наследия, закреплённой в действующем законодательстве (т.е. старше 120 лет), ограничив хронологические рамки археологии конкретной датой – 1944 годом.

Ещё один вид культурных ценностей могут составлять произведения искусства, в том числе монументального и монументально-декоративного. Порядок создания и реконструкции произведений монументального и монументально-декоративного искусства в Республике Беларусь определяется постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 19 сентября 2008 г. № 1372, все созданные произведения обладают художественным, эстетическим, а в некоторых случаях историческим и научным значением. Более того, данная сфера регулируется законодательством о культуре, а в советское время все памятники, скульптуры, мемориальные доски и т.д. считались памятниками истории и культуры.

Отдельную группу культурных ценностей могут составлять воинские захоронения и захоронения жертв войн, которые в БССР считались памятниками истории. В настоящее время данная сфера также регулируется отдельными нормативно-правовыми актами, но в то же время тесно связана со сферой культуры (некоторые захоронения имеют статус историко-культурных ценностей, создание памятных знаков и надмогильных памятников регулируется постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 19 сентября 2008 г. № 1372). Кроме того, все воинские захоронения (включая захоронения жертв войн) безусловно обладают огромным историческим значением, а также служат для воспитания патриотизма и сохранения памяти о трагических и героических страницах отечественной истории.

Также, на наш взгляд, отдельную группу культурных ценностей должны составлять старинные кладбища и надгробия, которые могут получить статус историко-мемориальных мест погребений (Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 18 августа 2015 г. № 699 «Об утверждении Положения о порядке и условиях присвоения статуса историко-мемориального места погребения»). Эти объекты культурного наследия имеют большое историческое, научное, а в ряде случаев и художественное значение, регулируются законодательством о погребении и похоронном деле и, действительно, могут быть выделены в отдельный вид.

Предложенный выше перечень иных видов культурного наследия далеко не полный. Его можно расширять за счет объектов материального и нематериального наследия, в том числе языка (диалектов), географических наименований и т.д. Безусловно, отдельную группу могут составлять объекты, которые могут претендовать на получение статуса историко-культурной ценности, но предложение об этом не внесено в установленном порядке.

Всё вышеназванное свидетельствует о том, что категория «культурное наследие» в белорусском законодательстве до конца ещё не проработана с учётом практики правоприменения, зарубежного опыта и норм международного публичного права в данной сфере. Вышеназванные виды культурного наследия можно смело выделять в отдельные группы, так как на практике они таковыми уже давно являются.

1. Добрынин, Д.С. Понятие «культурное наследие» в гуманитарной науке / Д.С. Добрынин // Вестник Бурятского государственного университета. – 2012. – № 6 А. – С. 236-239.
2. Кодэкс Рэспублікі Беларусь аб культуры [Электрон. рэсурс]: 20 ліпеня 2016 г., № 413-З: Прыняты Палатай прадстаўнікоў 24 чэрвеня 2016 г.: адобраны Саветам Рэспублікі 30 чэрвеня 2016 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.
3. Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия: Принята 16 ноября 1972 года Генеральной конференцией Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры // Организация Объединенных Наций [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/heritage.shtml – Дата доступа: 28.08.2021 г.
4. Кошман, Л.В. Культурное наследие как фактор исторической памяти / Л.В. Кошман // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История. – 2011. – № 5. – С. 7-15.
5. Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации: Федеральный закон, 25.06.2002, № 73-ФЗ (в ред. От 24.04.2020) // Консультант-Плюс [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37318/ – Дата доступа: 25.08.2021 г.

Юхновец Т. С.
МЕДИАПРОДУКТ КАК ЭФФЕКТИВНЫЙ ИНСТРУМЕНТ
ПРОДВИЖЕНИЯ КОЛЛЕКЦИЙ РЕДКИХ И ЦЕННЫХ ДОКУМЕНТОВ
В НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКЕ

Ключевые слова: редкие и ценные документы, научная библиотека, Белорусская сельскохозяйственная библиотека имени И. С. Лупиновича, аграрная книга, медиапродукт, презентационный видеоролик, библиотечный фонд.

В настоящее время для научных библиотек одним из стратегических направлений их деятельности является формирование и популяризация коллекций редких и ценных документов. Эти коллекции формируются как значительные и уникальные структурные части единых фондов библиотек. Однако в каждой библиотеке есть проблемы по формированию и использованию коллекций редких и ценных документов. Среди них: сложности учета и обработки редких документов, не вполне удовлетворительные условия хранения коллекций и низкий уровень их востребованности.

Государственное учреждение «Белорусская сельскохозяйственная библиотека им. И. С. Лупиновича» Национальной академии наук Беларуси (далее – БелСХБ) является ведущей научной отраслевой библиотекой и основным национальным хранилищем информационных ресурсов по вопросам агропромышленного комплекса (далее – АПК). БелСХБ направляет свою деятельность на информационное обеспечение АПК государства, на интеграцию национальной аграрной информации в мировое информационное пространство и на сохранение и использование документальной памяти Республики Беларусь в области АПК.

В БелСХБ с 2007 года формируется коллекция уникальных печатных аграрных изданий XIX – начала XX веков под названием «Аграрная книга XIX – начала XX вв.», в которую входят монографические и периодические издания по сельскому и лесному хозяйству, почвоведению, агротехнике, мелиорации, растениеводству, полеводству, садоводству, плодоводству, овощеводству, животноводству, пчеловодству, коневодству, охоте и естественным наукам на русском, английском, немецком, и французском языках. Общий объем коллекции составляет около 3 тысяч экземпляров документов, в том числе более 40 наименований периодических изданий [2].

Редкие книги, которые хранятся в БелСХБ, дают широкое представление об истоках современной сельскохозяйственной науки. В коллекции «Аграрная книга XIX – начала XX вв.» всего несколько десятков документов, изданных на территории современной Республи-

ки Беларусь или содержащих сведения о ней. Большинство из них – издания, подготовленные сотрудниками Минской болотной станции. Особую ценность представляют «Труды Минской болотной опытной станции» и журнал «Болотоведение», который вызывает особый интерес у специалистов в области мелиорации и болотоведения. Также в ядро коллекции входят книга автора Э. Бланшар «Метаморфозы и поведение насекомых» (1868 г.) и «Книга о Лошади» (1896 г.) известного эколога графа К. Г. Врангеля. Последнее издание содержит обширный материал по коневодству, верховой езде, устройству конюшен, лечения лошадей и др. В коллекцию входят документы с примечательными штампами, позволяющими отследить путь книги в БелСХБ.

Несомненно, для пополнения коллекции «Аграрная книга XIX – начала XX вв.» и обеспечения соответствующих условий ее хранения в БелСХБ проводится определенная работа, одним из направлений которой является сотрудничество с библиотеками учебных заведений сельскохозяйственного профиля и научно-исследовательскими учреждениями Отделения аграрных наук Национальной академии наук Беларуси. Коллекция располагается в отдельном помещении, но, в то же время, доступ к ней открыт, то есть пользователь БелСХБ может беспрепятственно обратиться к интересующему его изданию коллекции [1].

На наш взгляд, для достижения цели выработки инструментов совершенствования деятельности БелСХБ по формированию и популяризации коллекций редких и ценных документов, требуется создание соответствующих медиапродуктов: мультимедийных презентаций, презентационных видеороликов и фильмов, видеооткрыток, видеозаставок, виртуальных экскурсий и их активное продвижение посредством Интернет-сайта БелСХБ и других информационно-коммуникационных технологий.

Нами был разработан пилотный проект презентационного видеоролика «Аграрная книга XIX – начала XX вв.». Этапами реализации проекта явились:

1. Выявление особенностей и принципов формирования коллекций редких и ценных документов в научных библиотеках.
2. Анализ структуры, содержания и принципов формирования коллекции «Аграрная книга XIX – начала XX вв.».
3. Выявление контингента реальных и потенциальных пользователей коллекции «Аграрная книга XIX – начала XX вв.» и особенностей ее использования.
4. Разработка способов раскрытия структуры и содержания коллекции «Аграрная книга XIX – начала XX вв.», выбор стиля изложения презентационного материала.

5. Разработка технического задания, описывающего все аспекты видеоролика «Аграрная книга XIX – начала XX вв.».

6. Подготовка сценария видеоролика «Аграрная книга XIX – начала XX вв.».

7. Подготовка коллекции «Аграрная книга XIX – начала XX вв.» для видеосъемки.

8. Подготовка технических и программных средств для видеосъемки.

9. Видеосъемка, монтаж и озвучивание видеоролика «Аграрная книга XIX – начала XX вв.».

10. Демонстрация и обсуждение видеоролика «Аграрная книга XIX – начала XX вв.» среди специалистов БелСХБ.

Хотелось бы отметить, что в процессе видеосъемки упор был сделан на показ помещения, в котором располагаются документы коллекции; на стиль оформление фонда коллекции; на содержательный и видовой состав фонда коллекции; на внешнее оформление документов коллекции.

При монтаже видеоролика использовались инструменты программ Movavi Video Editor Plus и Adobe Premiere. С помощью программы Adobe Premiere Pro были устранены «шумы» звука в видеоматериале, а с помощью программы Movavi Video Editor Plus выстроена последовательность видеокадров, совмещено озвучивание с видеоматериалом.

Таким образом, созданный нами презентационный видеоролик «Аграрная книга XIX – начала XX вв.» должен занять особую позицию в ряду инструментальных средств, направленных на продвижение и популяризацию коллекций редких и ценных документов БелСХБ.

1. Бабарико, Д. П. Особенности функционирования раздела «Аграрная книга XIX – начала XX вв.» в Белорусской сельскохозяйственной библиотеке [Текст] / Д. П. Бабарико, М. Н. Важник // Библиотеки в информационном обществе: сохранение традиций и развитие новых технологий: доклады международной научной конференции, Минск, 3–4 декабря 2014 г. / Государственное учреждение «Белорусская сельскохозяйственная библиотека им. И.С. Лупиновича» Национальной академии наук Беларуси ; ред. В. В. Юрченко [и др.] ; рец. : Р. Б. Григянец, С. В. Зыгмантович. – Минск : Ковчег, 2014. – С. 196–200.
2. Электронная библиотека [Электронный ресурс] // Белорусская сельскохозяйственная библиотека им. И.С. Лупиновича Национальной академии наук Беларуси. – Минск : ГУ «Белорусская сельскохозяйственная библиотека им. И.С. Лупиновича» Национальной академии наук Беларуси, 2015–2021. – Режим доступа: <https://belal.by/resursy/elektronnaya-biblioteka>. – Дата доступа: 10.08.2021.

Юхновец Т. С., Макаревич Д. В.
ПРОЕКТИРОВАНИЕ
КАК ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС
СОЗДАНИЯ БАЗЫ ДАННЫХ В НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКЕ
(НА ПРИМЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УЧРЕЖДЕНИЯ
«РЕСПУБЛИКАНСКАЯ НАУЧНАЯ МЕДИЦИНСКАЯ БИБЛИОТЕКА»)

Ключевые слова: базы данных, научная библиотека, библиографическая база данных, проектирование базы данных, концептуальное проектирование, логическое проектирование, физическое проектирование, Республиканская научная медицинская библиотека.

В настоящее время все библиотеки сталкиваются с проблемой создания баз данных (далее – БД), которые обеспечивают упорядочение и хранение больших объемов данных, а также их использование. БД являются важной и наиболее перспективной составляющей информационных ресурсов любой библиотеки, так как позволяют наиболее эффективно решать стоящие перед ней задачи. Библиотеки Республики Беларусь используют различное аппаратное и программное обеспечение, что определяет особенности создания БД. Как для создания, так и для ведения БД требуется наличие технической подготовки и специальных навыков у специалистов библиотек. Поэтому возникает объективная необходимость владения специалистами компетенциями в области формирования БД. Особую значимость проблема создания БД имеет для научных библиотек, поскольку с помощью БД удается достигнуть полноценной информационной поддержки научных исследований и разработок.

В ходе анализа тематики и технико-технологических основ генерируемых БД в государственном учреждении «Республиканская научная медицинская библиотека» (далее – РНМБ), было установлено, что для развития одного из наиболее актуальных направлений медицины – акушерства и гинекологии – требуется более широкая и фундаментальная информационная поддержка, и, в частности, имеется потребность в получении информации указанного направления, отраженной в статьях из национальных и зарубежных периодических и продолжающихся изданий [1]. Для более качественного удовлетворения указанной потребности требуется создание библиографической БД. В связи с этим нами было выполнено пилотное проектирование библиографической БД по теме «Акушерство и гинекология». Проектируемая БД должна хранить информацию о журналах, статьях из журналов, ключевых словах, пользователях библиотеки и выдаче журналов.

Проектированию БД предшествуют этапы жизненного цикла БД: планирование разработки БД; определение требований к СУБД; сбор и анализ требований пользователей. Реализация этих этапов находит отражение в форме технического задания, в котором четко зафиксированы функциональное назначение и целый ряд требований к БД: к организации данных БД, к обеспечению надежности функционирования БД, к видам обслуживания БД, к составу технических и программных средств и др.

Процесс проектирования выполняется в три этапа: концептуальное проектирование; логическое проектирование; физическое проектирование. На каждом этапе осуществляется определенный набор последовательных процедур [2].

Итогом реализации концептуального проектирования является создание ER-модели предметной области. ER-модели предметной области «Акушерство и гинекология», в которой выделены сущности и типы связей между ними представлена на рисунке 1.

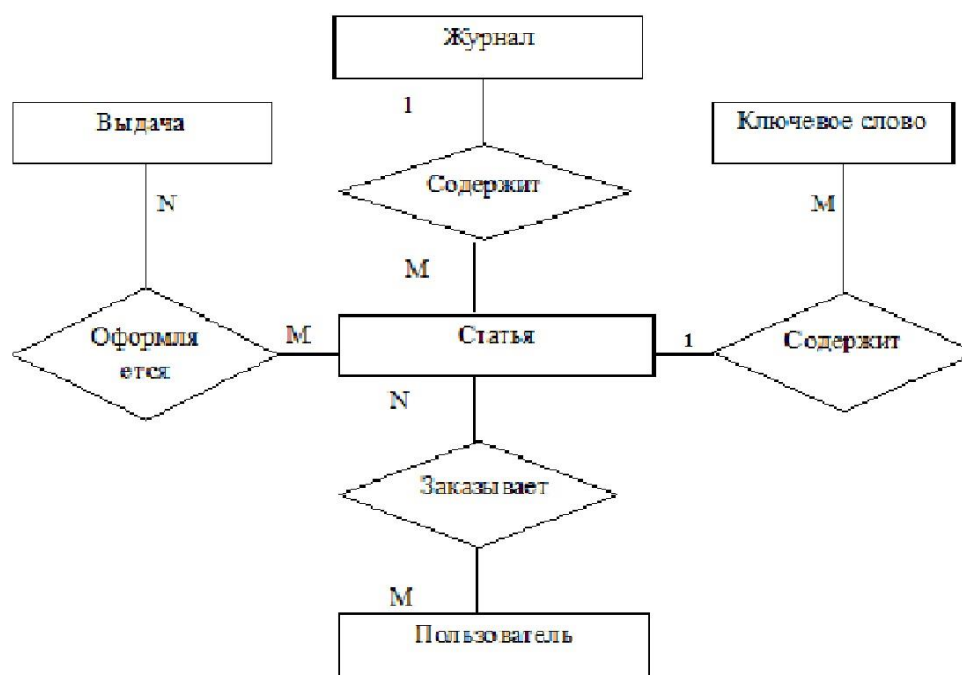

Рисунок 1. ER-модель предметной области «Акушерство и гинекология»

Помимо схемы взаимосвязей сущностей в концептуальной модели описываются также атрибуты сущностей и их домены, то есть формируется так называемый словарь атрибутов. Идентифицирую-

щие атрибуты выделены жирным шрифтом. Наборы атрибутов представлен на рисунке 2.

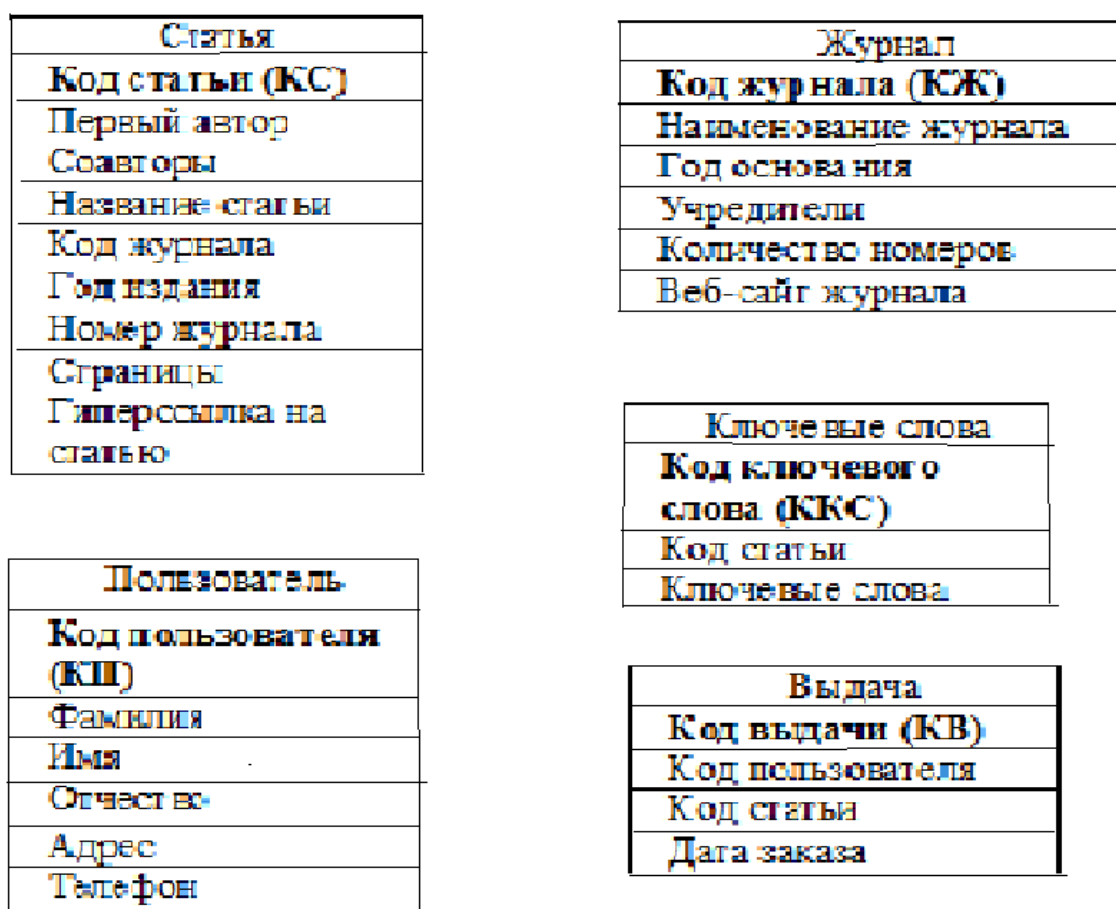

Рисунок 2. Наборы атрибутов сущностей предметной области «Акушерство и гинекология»

Таким образом, построенная ER-диаграмма и сформированный набор атрибутов сущностей предметной области «Акушерство и гинекология» на этапе концептуального проектирования БД дает возможность наглядно изучать концептуальную модель данных и перестраивать ее в соответствии с поставленными целями и имеющимися ограничениями.

Цель этапа логического проектирования – преобразование концептуальной модели на основе выбранной модели данных в логическую модель, не зависящую от особенностей используемой в дальнейшем СУБД для физической реализации БД.

Для реализации библиографической БД «Акушерство и гинекология» была выбрана реляционная модель представления данных. БД должна накапливать и использовать одновременно информацию всех таблиц, связанных между собой следующим образом:

- Таблица «Пользователь» с таблицей «Выдача» – по полю Код пользователя, тип связи «один ко многим»;
- Таблица «Ключевое слово» с таблицей «Статья» – по полю Код статьи, тип связи «один ко многим»;
- Таблица «Журнал» с таблицей «Статья» – по полю Код журнала, тип связи «один ко многим» (рис. 3).

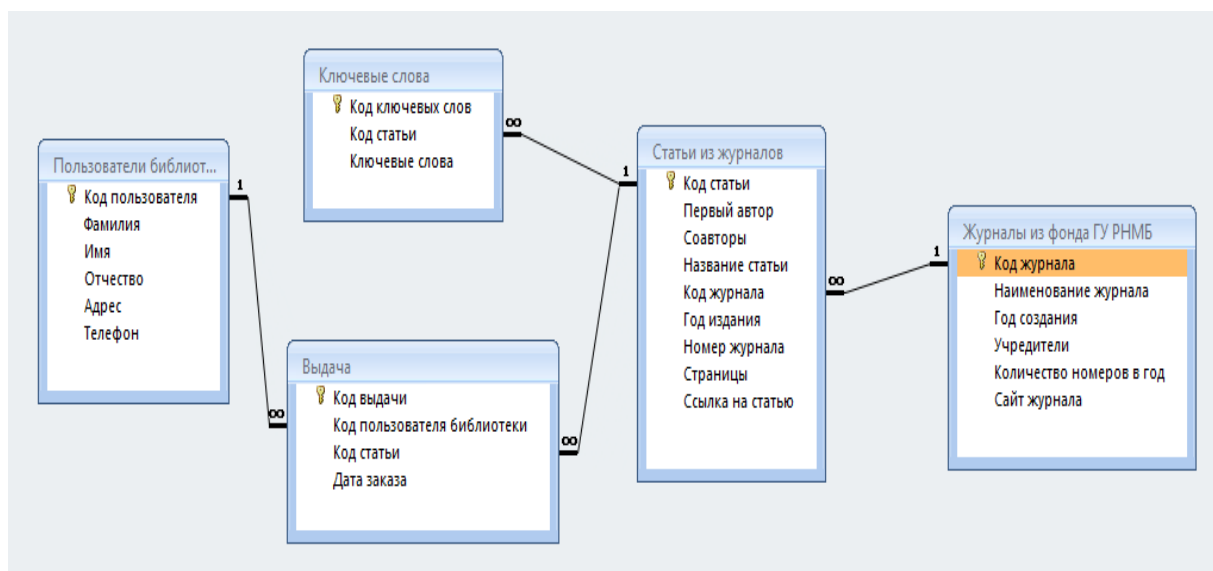

Рисунок 3. Схема данных БД «Акушерство и гинекология»

Таким образом, на этапе логического проектирования БД для каждой сущности предметной области «Акушерство и гинекология» была создана таблица, в которой каждому атрибуту сущности соответствует столбец таблицы. Построение таблиц основывается на целом ряде правил. Выполнение этих правил позволяет выстроить четкий набор таблиц и установить связи между ними. Кроме того, выполнение процедуры нормализации таблиц позволило минимизировать избыточность данных, тем самым, повысив эффективность БД в процессе ее создания, поддержки и использования.

Цель этапа физического проектирования – описание конкретной реализации БД, размещаемой во внешней памяти компьютера. Это описание структуры хранения данных и эффективных методов доступа к данным БД. Для реализации библиографической БД «Акушерство и гинекология» была избрана реляционная СУБД «MS Access 2007». Главным результатом физического проектирования БД «Акушерство и гинекология» явилась полностью подготовленная к внедрению ее структура.

Выполненный проект БД предоставляет возможность быстрого доступа к данным и получения актуальной информации, а также ведения учета выдачи пользователям журнальных статей в области

акушерства и гинекологии из фонда РНМБ. Несомненно, библиографическая БД «Акушерство и гинекология» нуждается в своем дальнейшем развитии и поддержке, что позволит ей стать полноценным звеном информационных ресурсов РНМБ и содействовать более качественному удовлетворению информационных потребностей и запросов пользователей.

1. Базы данных [Электронный ресурс] // Республиканская научная медицинская библиотека. – Минск : ГУ «Республиканская научная медицинская библиотека», 1998–2021. – Режим доступа: <http://rsml.med.by/ru/res/dbase/>. – Дата доступа: 12.08.2021.
2. Диги, С. М. Базы данных. Проектирование и создание [Электронный ресурс] : учебно-методический комплекс / С. М. Диги ; Международный консорциум «Электронный университет», Московский государственный университет экономики, статистики и информатики, Евразийский открытый институт. – Москва : Издательский центр ЕАОИ, 2008. – 171 с. – Режим доступа: <http://yourlib.net/content/category/38/136/149/>. – Дата доступа: 02.08.2021.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абрашкевичус Галина Александровна – кандидат культурологии, доцент, доцент кафедры философии, культурологии и гуманитарных дисциплин Крымского университета культуры, искусств и туризма (г. Симферополь)

Барановский Александр Викторович – научный сотрудник отдела новейшей истории Беларуси Института истории Национальной академии наук Беларуси (Беларусь, г. Минск)

Бахлов Игорь Владимирович – доктор политических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории, политологии и регионоведения Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва (Россия, г. Саранск)

Бахлова Ольга Владимировна – доктор политических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей истории, политологии и регионоведения Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва (Россия, г. Саранск)

Боголюбов Александр Александрович – доктор гуманитарных наук в области новейшей истории (ученая степень Республики Польша), директор Польской субботне-воскресной школы при Союзе поляков на кавказских Минеральных Водах (на общественных началах) (Россия, г. Пятигорск)

Бондарева Елена Михайловна – заведующий отделом информационно-поисковых систем и автоматизированных архивных технологий Государственного архива Витебской области (Беларусь, г. Витебск)

Булатый Павел Юрьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Института менеджмента спорта и туризма Белорусского государственного университета физической культуры (Беларусь, г. Минск)

Бухал Елена Николаевна – научный сотрудник отдела музейных коммуникаций Национального исторического музея Республики Беларусь (Беларусь, г. Минск)

Васильев Василий Михайлович – научный сотрудник Национального исторического музея Республики Беларусь (Беларусь, г. Минск)

Вовк Ольга Игоревна – кандидат исторических наук, заместитель директора Центра краеведения имени академика П. Т. Тронько Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина (Украина, г. Харьков)

Выпращкин Артемий Владимирович – научный сотрудник отдела музейных коммуникаций Национального исторического музея Республики Беларусь (Беларусь, г. Минск)

Дашкевич Александр Леонидович – кандидат исторических наук, доцент, декан факультета экономики и бизнеса Института предпринимательской дея-

тельности; докторант Белорусского государственного университета (Беларусь, г. Минск)

Дубатовка Марина Андреевна – научный сотрудник Национального исторического музея Республики Беларусь, аспирант Республиканского института высшей школы (Беларусь, г. Минск)

Зимницкий Александр Антонович – ведущий научный сотрудник Национального исторического музея Республики Беларусь (Беларусь, г. Минск)

Кляповская Алевтина Александровна – аспирант кафедры изобразительного искусства Витебского государственного университета имени П. М. Машерова (Беларусь, г. Витебск)

Колесникова Марина Евгеньевна – доктор исторических наук, профессор, директор Гуманитарного института, заведующий кафедрой истории России Северо-Кавказского федерального университета (Россия, г. Ставрополь)

Королёв Павел Анатольевич – ведущий научный сотрудник Государственного литературного музея имени Янки Купалы (Беларусь, г. Минск)

Корсак Алесьа Иосифовна – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории и туризма Полоцкого государственного университета (Беларусь, г. Новополоцк)

Котович Татьяна Викторовна – доктор искусствоведения, профессор, профессор кафедры германской филологии ВГУ имени П.М. Машерова (Беларусь, г. Витебск)

Коц Алексей Леонидович – старший преподаватель кафедры истории и туризма Полоцкого государственного университета (Беларусь, г. Новополоцк)

Кусовская Алина Валерьевна – аспирант Республиканского института высшей школы (Беларусь, г. Минск)

Лицкевич Олег Владимирович – редактор-переводчик АО «Эксклюзивные лингвистические системы» (Россия, г. Москва)

Лю Цзин – аспирант Белорусского государственного университета культуры и искусств (Беларусь, г. Минск)

Макаревич Дарья Владимировна – студентка Белорусского государственного университета культуры и искусств (Беларусь, г. Минск)

Малишевский Николай Николаевич – кандидат политических наук, доцент кафедры философии и методологии университетского образования Республиканского института высшей школы (Беларусь, г. Минск)

Мирзаев Джалалитдин Зайниевич – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры мировой истории Термезского государственного университета (Узбекистан, г. Термез)

Новиков Сергей Евгеньевич – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории, мировой культуры и туризма Минского государственного лингвистического университета (Беларусь, г. Минск)

Олейник Вадим Владимирович – подполковник юстиции, начальник цикла правовых дисциплин кафедры идеологической работы и социальных наук Военной академии Республики Беларусь (Беларусь, г. Минск)

Панов Сергей Вениаминович – кандидат педагогических наук, доцент, профессор кафедры историко-культурного наследия Республиканского института высшей школы (Беларусь, г. Минск)

Папроцкая Анастасия Юрьевна – экскурсовод Витебского областного краеведческого музея, магистрант художественно-графического факультета ВГУ имени П.М. Машерова (Беларусь, г. Витебск)

Переверзева Юлия Александровна – кандидат педагогических наук, доцент, заведующий отделом комплектования фондов Национальной библиотеки Беларуси (Беларусь, г. Минск)

Пивовар Николай Васильевич – кандидат исторических наук, доцент, учитель Витебского кадетского училища (Беларусь, г. Витебск)

Раемский Юрий Алексеевич – старший научный сотрудник Могилевского областного краеведческого музея им. Е. Р. Романова (Беларусь, г. Могилев)

Румянцева Марина Федоровна – кандидат исторических наук, доцент, доцент Высшей школы экономики (Россия, г. Москва)

Сафронов Павел Михайлович – руководитель военно-патриотического воспитания средней школы № 14 г. Полоцка (Беларусь, г. Полоцк)

Семашко Ксения Владимировна – директор Музея битвы за Днепр (Беларусь, г.п. Лоев)

Середа Надежда Владимировна – доктор исторических наук, профессор, профессор Тверского государственного университета (Россия, г. Тверь)

Сивохин Геннадий Александрович – старший научный сотрудник Музея битвы за Днепр (Беларусь, г.п. Лоев)

Силина Алина Витальевна – ведущий архивист отдела использования и публикации документов Государственного архива Витебской области (Беларусь, г. Витебск)

Слабченко Людмила Владимировна – первый заместитель директора Централизованной библиотечной системы г. Пскова (Россия, г. Псков)

Смолик Александр Иванович – доктор культурологии, профессор, заведующий кафедрой культурологии Белорусского государственного университета культуры и искусств (Беларусь, г. Минск)

Соловей Алеся Петровна – научный сотрудник Института социологии Национальной академии наук Беларуси (Беларусь, г. Минск)

Твердохлебова Юлия Борисовна – заведующий отделом хранения специализированных фондов Национальной библиотеки Беларуси (Беларусь, г. Минск)

Шарковская Наталья Юрьевна – ведущий научный сотрудник Витебского областного краеведческого музея (Беларусь, г. Витебск)

Юрчак Денис Валерьевич – кандидат исторических наук, доцент, главный специалист управления культуры Витебского областного исполнительного комитета (Беларусь, г. Витебск)

Юхновец Татьяна Степановна – старший преподаватель Белорусского государственного университета культуры и искусств (Беларусь, г. Минск)

Научное издание

**ОХРАНА И ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ:
МИРОВОЙ И ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ ОПЫТ**

Материалы международной
научно-практической конференции

Витебск, 22–23 октября 2021 г.

Технический редактор

Г.В. Разбоева

Компьютерный дизайн

Л.И. Ячменёва

Подписано в печать 19.10.2021. Формат 60х84 ¹/₈. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 25,28. Уч.-изд. л. 13,35. Тираж 90 экз. Заказ 157.

Издатель и полиграфическое исполнение – учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

Свидетельство о государственной регистрации в качестве издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/255 от 31.03.2014.

Отпечатано на ризографе учреждения образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».
210038, г. Витебск, Московский проспект, 33.